

"Ом Свасти (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Андрей Дай

ОМ СВАСТИ

1

Реальная смерть. Солдат

Земля, ударившая мне по носу, пахла жженой резиной.

Я сразу потерял автомат, отбросив его в сторону, чтобы зажать уши. Пронзительный вой штурмовиков, заходящих для следующего удара по растянувшемуся вдоль дороги каравану грузовиков, вытягивал душу.

Плоскобрюхие летящие машины вернулись, и зажатое между березовыми перелесками пространство дороги наполнилось грохотом взрывов, визгом осколков, дымом и пылью. Напоследок, уже с развернувшегося для возвращения на базу штурмовика, сбросили сейсмическую бомбу.

Земля ударила в нос. Тело взлетело в воздух и со звуком падающего навоза шмякнулось обратно. Дыхание перехватило. Нос оказался забит грязью, песок скрипел на зубах.

Смерть меня обошла. После звукового безумия нападения на колонну, треск горящих грузовиков, стоны и звуки голосов были тишиной. Я встал на колени и оглянулся вокруг. Оружие лежало рядом целехонькое, а в ранце зияла дыра размером с кулак. Обожженный край отверстия заканчивался не более чем в паре сантиметров от тела.

Ехать больше было не на чем. Те машины, которые оставались целыми после применения обычного оружия, были разрушены сейсмомобой. Метал не выдержал землетрясения в десять баллов.

Солдаты выползали из придорожных канав, и собирались возле горячей машины. Я поднялся, подождал пару секунд, опираясь на автомат, пока искры перестанут плясать в глазах, и отправился к офицеру. Трое, которым не повезло, лежали в позах сломанных игрушек у горящих колес. Одежда на них тоже тлела. Несколько человек плакали, не замечая своих слез.

- Есть сигареты? - спросил солдат с перепачканным сажей лицом.

- Смотри, на пару пальцев не достало... - продемонстрировал я дыру в своем ранце.

- Ясно, - чумазый боец похлопал себя по карманам и обратился к человеку сидящему на корточках возле мертвецов.

- Глянь, сигареты у них есть?

- Часы нужны кому-нибудь? - отозвался тот.

- Второй взвод, - орал наш лейтенант от соседней машины, и я пошел к нему.

- Имя? - деловито спросил он.

- Рядовой Кастр, - я слегка дотронулся дрожащими пальцами каски на голове.

- На, - лейтенант вложил мне в ладонь знаки отличия младшего сержанта. - Капрал Кастр,

соберите людей...

Живых и здоровых нас набралось девятнадцать человек.

Сзади уже слышался рев бульдозеров расчищавших дорогу. За ними шли отряды сборщиков трупов и группки мародеров, ворующих оружие.

Задерживаться для того, чтобы похоронить погибших не стали. Мы чувствовали себя ни чуть не лучше мертвяков. Нельзя сказать, чтоб я очень жалел о том, что оказался в этих забытых Богом местах...

* * *

Она напряглась. Ее затрясло. Еще раз, последний, царапнула мою мокрую от пота спину и расслабленно откинулась на смятую постель.

«Ничего нового. Эти негритянки такие же, как и остальные», – пронеслось в голове, и тут же я почувствовал себя грязным. Меня даже стало слегка подташнивать.

- Милый, как мне хорошо, – простонала негритянка.

- Душ работает? – ответил я, из всех сил пытаюсь повернуть, искривленные гримасой брезгливости, губы в улыбку.

Ответа не дождался. Пришлось выяснять это самому.

Душ работал, но горячей воды не было. Видно, кто-то, какой-то жадный негр решил, что подогревать воду в Африке, где и так жарко, вовсе не обязательно. Возможно, в чем-то он и прав – я освежился. А после того, как энергично растерся большим полотенцем, даже ощутил себя чистым.

Настроение стремительно поднималось и даже очкастый темнокожий типчик, которого я встретил, выйдя из ванной комнаты, состояние души не поколебал. И его кваканье на банту, сопровождаемое хаотичными взмахиваниями руками, вызвало лишь легкую досаду.

- Да ладно тебе, – отмахнулся я от очкарика, когда он вдруг принялся наскакивать с кулаками. – Можно подумать для тебя открытие, что твоя жена шлюха!

«Рогатый» негр убежал куда-то, продолжая яростно причитать, а я отправился одеваться. Больше в этом доме делать было нечего, давно уже загостился.

Пока прыгал на одной ноге, попадая другой в штанину брюк, подошла завернутая в белую простыню негритянка.

- Он пошел за пистолетом, – холодно сообщила она.

- С каких это пор обезьянам стали разрешать иметь оружие?! – посетовал я, кряхтя и натягивая носки.

- Я не шучу, – процедила женщина и ушла.

Я лишь успел накинуть рубашку, когда вбежал очкарик, размахивающий большим черным пистолетом.

- Ну, что ты прямо, как ребенок, - возмутился я и толкнул коротышку пальцами в грудь. Это так его разозлило, что оружие запрыгало, как сумасшедшее.

- Эй, муж. Ты поосторожнее с этой штукой.., - только и успел проговорить, как раздался выстрел. Пуля глухо чмокнула пол. Ветерок тронул штанину, а страх приподнял волосы на спине. Негр становился опасным.

Я действовал быстрее, чем думал. Выхватил из рук негра оружие, навел ствол на него и спустил курок. Очкарик потерял очки и отлетел к стене, где и сполз на пол, марая светлые кровью обои.

- Идиот, - выругался я, осознав чего же натворил. - Подохнуть из-за такого пустяка...

- Уходи, - спокойно проговорила женщина. - Уходи, я вызываю полицию.

- Не торопись, - ухмыльнулся я, подавляя тошноту. Мертвый негр ли начал попахивать или оттого, что впервые убил человека. Разбираться было некогда. Негритянка давала время убраться до появления местных копов и надо было быть полным придурком чтобы этим не воспользоваться.

«Хреновые хозяйки, эти негритянки, - неожиданно подумал я, садясь за руль взятого на прокат автомобиля. - Даже кофе гостя не напоила...»

- Тем более такого! - ухмыльнулся я и тронул машину с места.

От побережья Атлантического океана, бухты Бенго, через небольшой городок Какуако, вела отличная дорога в Луанду. Дом, из которого мне пришлось поспешно уносить ноги, стоял как раз у бухты, а гостиница, где жил - как раз в центре Луанды.

Я старался особенно не выделяться в потоке машин вяло везущих всякую облепленную мухами гадость с плантаций Северной Кванзы. И путь занял не более сорока минут.

Еще через пол часа Бартоломео Эстер де Кастро, то есть я, покинул отель «Анту-Кавалу», предварительно купив билет в Европу. А часом позже в небольшом пансионе на берегу океана, у самого порта поселился человек по имени Бертран Кастр.

Новое имя - это не совсем новая жизнь. Забросив потертый чемодан на узенькую кровать в узенькой комнатке - келье, я наконец-то осознал, насколько сильно вляпался.

«Так, Берти, - сказал я себе. - Ты в дерьме по самые уши и твои мегакредиты тут помогут, как пингвину спутник связи».

У меня был безотказный метод заставить мозги работать на всю катушку - полбутылки русской водки. Единственное в этом забытом цивилизованными Богами городе место, где могли продать встряску для мозгов располагалось в центре Луанды. Совсем не далеко от только что покинутого отеля. Одно это обстоятельство должно было приковать задницу к кровати, но дохлый четырехглазый негр продолжал возникать передо мной, стоило лишь закрыть глаза. Ни о чем другом, кроме водки, я думать не мог.

Всегда считал себя умненьким парнишкой, однако, мертвец, словно ладонью застилал мне глаза, и я перестал замечать самые очевидные вещи. Например, наличие полицейской машины у дверей отеля или собственную симпатичную мордашку в стереовизоре над стойкой бара, за которой я, присосавшись к бокалу, сидел минут десять. И даже когда черно-коричневая

влажная ладонь властно легла на мое плечо, не сразу сообразил, что происходит.

- Иди, помой руки, - выдохнул я, звякнув зубами о стекло, и на секунду отрываясь от пойла, которое почему-то называлось водкой. - Прежде чем хватать белого человека...

- Допивай, - со странным акцентом выдал стоящий за спиной фараон. - Мой шеф хочет задать тебе пару вопросов.

Я обернулся, как был, со стаканом в руке. Увидел полицейского и это было так неожиданно, что слипшиеся волосы на спине вдруг высохли и встали дыбом, а пойло встало поперек горла. Представьте, как я чувствовал себя погано сидя перед копом, развесив сопли, судорожно пытаюсь пропихнуть жидкость в желудок. Да еще пунцовый от этих усилий, как помидор.

- В чем меня обвиняют? - хрипло поинтересовался я, шагая в обществе копа к его автомобилю. Водка булькала в желудке и, хотя доза была явно маловата, мозги начали потихонечку наращивать обороты. Например, вспомнил, что плату за водку с меня, арестованного полицией, ни кто не попросил. Мелочь, а приятно!

- В убийстве, слизняк, - оскалился полицейский. - Ты убил доктора Кимбумбе. Хочешь попробовать отказаться!?

Негр выразительно похлопал по кобуре пистолета висящего на его животе.

- Разве у меня есть шанс? - пожал я плечами, перебирая в уме варианты спасения и краем глаза читая вывеску над облезлыми дверьми, мимо которых как раз проходили. «Южно-Африканский военный округ. Армия Демократического Содружества. Вербовочный пункт №...», - намекнули мои мозги весьма многозначительно.

- Одну секунду, мистер, - сказал я копу, совершенно не представляя, что делаю. Негр замер. Рука лежащая на кобуре начала судорожно искать застежку. А я сделал два шага, толкнул плечом хлипкую дверь и вошел.

- Вы хотите вступить в ряды АДС? - на предельно высоком уровне громкости спросил робот.

- Да! - заорал я в ответ, затравленно озираясь на болтающуюся створку дверей.

- Ваше имя!?

- Бертран Кастр.

- Волонтер Кастр, повторяйте за мной...

Я повторял за роботом непроникающие в сознание слова и смотрел в широко раскрытые глаза ввалившегося наконец полицейского.

Потом, едва робот замолк, и на вытертом полу загорелась стрелка, фараон плюнул и вышел. А я, хихикая от нежданно привалившего счастья, пошел в будущее.

Как называется место, где собрано несколько тысяч полных идиотов? Дурдом? Ну, если учебную базу Южно-Африканского ВО и можно было назвать сумасшедшим домом, то лишь отчасти. На каждые тридцать человек придурков купившихся на обещания и записавшихся добровольцами в АДС приходилось по одному животному в простонародье именуемому сержантом.

Я понятия не имею, что делает этих двуногих, безволосых и с головой покрытой пятнистой камуфляжной кепкой, такими тварями. Создалось впечатление, что они соревновались между собой в особой жестокости и дремучей тупости. Понятие гуманизма в их головах попросту не вмещалось. Их прямолинейные, как дорожки между казармами, извилины были забиты более важными вещами.

Господин сержант Ван Нитчен, в зубы к которому я попал, тем не менее, имел представление о гуманизме. Когда мы, лежа на животах в жирной пыли африканской саванны, стонали от непрерывной боли в перетруженных мышцах, Ван Нитчен, прохаживаясь, очень любил посвящать нас в его трактовку прописных истин.

- Гуманизм для вас, уроды, - приговаривал он. - Это вши и тушенка. А если этого у вас нет - значит, вы ужедохлое мясо... Гуманизм - это человечность и я научу вас, слизняки, быть людьми! Царями природы. Быть может, вам повезет, и вы станете солдатами! И это много лучше чем быть человеком!

Подобные речи он мог толкать непрерывно и целыми сутками. Очень важно было слышать и воспринимать его теории. Иначе расправа следовала незамедлительно.

Первые три месяца, ровно девяносто дней, в течении которых нам вкалывали чертову уйму всяких веществ в вены, его монологи практически не прекращались. Мышцы, в коих шла интенсивная перестройка, как под воздействием физических нагрузок, так и вследствие генной ломки волокон, болели до темноты в глазах. А едва организм привык к систематическим издевательствам над мышцами, последовали инъекции улучшающие зрение, пищеварение, реакцию и т. д. и т. п.

На рассвете девяностого дня, когда нас, словно стадо баранов, погнали под струю обжигающе ледяной воды, я, глядя на свое похудевшее, обветренное лицо в зеркало, решил, что с меня хватит.

Чтобы выжить в армии, нужно сразу и навсегда усвоить одну простую истину: ты больше не принадлежишь самому себе! Никому не интересно твое мнение и всем наплевать на твои желания. Ты, либо подчиняешься и сохраняешь свою жизнь и здоровье, либо пытаешься бунтовать и по тебе проедет вся тяжелая, тупомордая армейская машина.

В любой армии Вселенной существует субординация. Это значит, что если нужно что-то из ряда вон выходящее, ты должен обратиться к своему сержанту. Тот к лейтенанту, от него к капитану... Решение возвращается тем же путем.

Однако в любых законах, а субординация ни чем от них не отличается, существует огромное количество дыр, через которые умненький парнишка, вроде меня, всегда может просочиться.

Я в совершенстве знал законы финансового мира и благодаря этому имел возможность безнаказанно украсть миллионы кредитов. Но в армии деньги почти ничего не значат...

Двигая с заячьей скоростью челюстями в процессе поглощения картонной колбасы, размышлял о том, каким же образом применить известные законы к правилам армии. Мельком взглянув на мерзкую рожу Ван Нитчена, на минуту охватило отчаяние...

И это чувство заставляло судорожно сжиматься задницу до тех пор, пока мы строем не отправились за очередной дозой геноизменяющих инъекций в мед часть.

- Все умные берут взятки! - хмыкнул я, едва увидев хитрющую морду секретаря в мед части.

Если эта крыса не способна подсказать дыры в законе, то я был бы обречен на смерть в учебном центре. Сил переносить систематические издевательства больше не было.

После всех обысков мне все же удалось сохранить пару сотен кредитов. Стокредитовая купюра оказалась на капрала Леви, секретаря мед части, волшебное действие. Леви заделался фокусником. Купюра растворилась прямо у меня на глазах.

- Имя? - шепнули его губы.

Я ткнул на имя в списке.

- Рядовой Кастр, в смотровой, - рявкнул капрал и я, под пристальным взглядом Ван Нитчена, промаршировал в указанный кабинет. Минутой спустя туда же влетел Леви.

- ЛСД, Экстази, Кокаин, Героин, Вулканит? - зашептал он.

- Совет, всего один совет.

И я выложил все, о чем хотел узнать.

- Ты в полном дерьме, солдат, - сразу заявил Леви. - Я могу дать совет, как получить больше свободы, но тогда ты окажешься в еще худшей ситуации.

- Выкладывай. Только мне нужен законный путь...

- С этим все в порядке... Так вот! Ты можешь врезать ногой под зад своему сержанту и получить три года в штрафном батальоне. Кормят там похуже, но со штрафниками стараются не связываться и свободы там побольше.

- Это единственный вариант?

- Нет. Есть еще фронт... Ты можешь подать рапорт полковнику, и тебя тут же отправят на фронт. Там кормят, словно на убой, свободы хоть отбавляй, но зато там могут убить!

Да, незавидная перспектива. Оба варианта следовало обдумать.

- И еще, - вдруг добавил Леви. - Этот совет не стоит столько денег... Давай-ка я вколю тебе еще какую-нибудь генную сыворотку... Ну, хочешь в карты всех обыгрывать?

Практически, решение мной уже было принято. И лишь на миг задумавшись, я сказал:

- Хочу... способность к управлению людьми. Стану генералом, с меня ящик коньяка!

- Договорились, - хмыкнул Леви и отправился к холодильнику за ампулами. Пока он готовил шприц-пистолет, я сел за стол врача и написал рапорт.

Рассуждения, приведшие меня к такому решению, не отличались оригинальностью. «Грудь в крестах или голова в кустах». Часом позже я уже передал лист с рапортом Ван Нитчену. Скривившись словно от зубной боли, сержант поставил в уголок личную печать, и отнес бумагу лейтенанту. К вечеру рапорт добрался до командующего базой, а вот обратно упал словно камень. В девяносто первое утро моего пребывания на учебной базе, во время утреннего построения, меня вывели из общего гурта волонтеров и присоединили к жалкой кучке добровольцев. И когда Ван Нитчен увел взвод смотреть очередной патриотический фильм, я отправился получать полевое обмундирование и личное оружие.

Я изменился. У меня выросли чудовищные, перевитые жилами генетически измененные мышцы. Я приобрел пугающе стремительную реакцию и навыки обращения с оружием. Небольшая близорукость исчезла, а глаза приобрели какое-то коровье выражение, готовности ко всему, готовности принять любой удар Судьбы.

То, что видел в туалетном зеркале на борту транспортного стратолета, мне вовсе не понравилось. Худое, обветренное, с сероватым оттенком кожи лицо, принадлежавшее мне теперь, раньше могло присниться лишь в страшных снах.

Перевалочная база северного фронта, куда посылали добровольцев из Южно-Африканского ВО, находилась где-то в Сибири. В южной, юго-западной и юго-восточной Сибири шли бои, поэтому стратолету пришлось делать крюк через Европу, что удлиняло путь вдвое, часа на два.

На борту стратолета мы оказались предоставленными самим себе. Со всех учебных и просто военных баз Южной Африки, добровольцев набралось не более тридцати человек.

Группа, человека четыре, десантников командос почти сразу после взлета уселись играть в карты. Их тускло отблескивающие камуфляжные костюмы, страшные зазубренные ножи на поясах, а особенно холодные оценивающие глаза отпугнули остальных. Сопровождающий нас молоденький лейтенант ушел в кабину для офицеров. Мы же разбрелись по огромному пустому брюху военного гиганта. И ни единому солдату не пришло в голову подойти, познакомиться, поболтать. Большая часть добровольцев тут же завалилась спать, а я отправился в туалет умыться и вколоть вторую из трех купленных у Леви ампул пиратского генного стимулятора.

В одной из кабинок кто-то пыхтел, но я хотя и обратил на это внимание, близко к сердцу не принял. Маслянистая жидкость перетекла из ампулы в вену и я, не торопясь уходить в огромное, пустое и сумрачное нутро стратолета, принялся разглядывать себя в зеркало. И глядя на изможденное серое лицо, стало так жалко себя, что я даже принялся всерьез обдумывать последнюю имеющуюся возможность. Всегда можно было обратиться к родственникам, дабы они вытащили меня из этого вонючего сортира. Полностью уйдя в океан жалости, даже не заметил, как застонал.

- Э как тебя тащит, - дрожащим голосом, с явной завистью на лице, выдохнул вышедший из кабинки солдат.

- Чего? - не понял я.

- Поделись дозой, браток, - жалобно запричитал незнакомец.

- Это не то, что ты думаешь, - попробовал втолковать я.

- Это? - наркоман указал на лежащую в урне ампулу.

- Не дам, - твердо заявил я.

- Даш! - зло буркнул солдат и выхватил нож.

Мой нож лежал в ранце у стены. У меня практически не было шансов.

Но в этот момент дверь в сортир распахнулась, и через порог втек десантник. Не ожидавший такого поворота дел наркоман, резко повернулся к командос.

К нашему с наркоманом удивлению, десантник оказался женщиной. Ровно одну десятую

секунды она смотрела в глаза дрожащему от нехватки наркотика солдату, а потом неуловимо быстрым движением подтекла под руку с ножом и одним махом сломала солдату шею. Костюм хамелеон еще продолжал показывать копию того места, где командос была миг назад, а душа наркомана уже отправилась на небеса.

Подхватив обмякшее тело, женщина мягко положила труп под умывальник, так, что ни одна пряжка не звякнула и спокойно принялась умываться. А я поспешил забрать свои вещи и убраться.

В аэропорт с надписью «Толмачево-Новосибирск» мы прилетели в составе двадцати девяти человек и одного трупa. Женщине убийце ни кто слова не сказал. Запах войны, запах смерти, запах крови ударил в ноздри, а войны я еще и не видел. Я подумал, что мир сошел с ума.

- Ну вот что, мужики, - сказал сопровождающий нас лейтенант, когда мы вышли на улицу после регистрации в пересыльном пункте. - Транспорт прибудет в 23:00 по местному времени. Сейчас семь утра. До 22-ух отпускаю вас в увольнительную в город. Если кто решит сделать ноги, найду и лично пристрелю. Давайте не будем доставлять друг другу лишние проблемы.

Мы, еще не веря во вдруг привалившую удачу, буднично получили жетоны, сдали оружие с личными вещами и отправились в город.

Я не разделял всеобщего оптимизма. Уровень моего настроения валялся где-то на дне Марианской впадины. Равнодушное убийство наркомана настолько потрясло, что я просто перестал соображать. И когда все отправились к шлюхам или в кабак, я пошел к нотариусу писать завещание. А от него переместился в ближайшее отделение Всеземного Федеративного банка.

Это было соврем небольшое отделение колоссального, объединяющего сотни планет Федерации Млечного пути, банка. В этом отделении было всего три кабинки индивидуального пользования, и пришлось с полчаса ждать пока место для меня освободится. Служащий банка недоверчиво на меня посмотрел, но промолчал и впустил.

И он даже не догадывался, насколько был прав.

Едва я вошел в систему, как тут же понял, что структура управления операциями из этого отделения упрощена до предела и под завязку набита дырами.

Настроение, с воплями восторга, взметнулось к солнцу. Я, шутя, перекидывал массивы счетов из одного банка в другой. Через час я так запутал систему, что она запросила ручного управления, осведомившись конечно для начала о моем коде допуска. А в этом отделении не было даже идентификатора по сетчатке глаза. Система поверила, едва я ввел код допуска принадлежащий моему бывшему шефу из банка, где я прежде работал.

Вот тогда я развернулся по серьезному. Еще целый час перекидывал на свои счета не принадлежащие мне суммы, а списывал эти операции на других людей. И увеличил свой капитал втрое. На счету оказалось в итоге почти миллиард кредитов. Я мог купить себе дивизию!

И куда же было девать такие огромные деньги? Снова подумал о том, что вляпался по самые уши, хотя мог откупиться от Закона. Теперь нужно было ехать туда, где легко могли убить, или где мог прозябать до самого окончания контракта. Еще целых три года! И все эти три года я не смог бы воспользоваться капиталом.

Я почти на все деньги купил акции того самого банка, который только что надул. Сделка было зарегистрирована. Мне принадлежало одиннадцать с четвертью процентов всех акций банка. Я мог войти в Совет директоров!

Уже совершенно спокойно я зарегистрировал свой цифровой код рисунка сетчатки глаза, как одного из главных акционеров.

А потом перешел к банкомату, который приветливо вздохнул и отстрелял десять тысяч кредитов. Я решил хорошенько отметить покупку.

Но за дверями меня ждала полиция.

- Бартоломео Эстер де Кастро, - угрюмо сказал полицейский сержант, наставляя на меня здоровенный пистолетище. - Вы арестованы по обвинению в убийстве доктора Кумбубуне в Какуако, штат Луанда.

- Кимбумбе, - широко улыбнувшись, поправил я полицейского. - Этого уroda звали доктор Кимбумбе.

- Ну и что? - еще более помрачнел коп, позвякивая наручниками.

- Никакого говнюка - Кимбубуне я не убивал.

- Да какая разница!? - вскричал тупой фараон, тыкая мне в грудь пушкой. - Руки!

- Да пошел ты... - отпихнулся я. - Не по глазам? Я солдат армии Демократического Содружества. Свою вину смываю кровью...

Я еще чего-то там вещал о Чести и Долге, Идеалах Свободы и краснопузых ублюдках. Слова сами прыгали в рот, и я едва успевал языком выпихивать их наружу. И больше всего на свете в тот момент хотелось пожать руку тыловой крысе капралу Леви.

Итогом словесного извержения стало то, что коп убрал наручники, отказался от идеи меня арестовывать и лишь пригласил проследовать в участок для идентификации личности.

- Всегда пожалуйста, - хмыкнул я и, придерживая топорщащиеся от купюр карманы, пошел к машине фараонов.

Первый раз в жизни попав в полицейский участок, я, три месяца проползавши на брюхе в грязи, удивился смраду и вони царившей там. Видно привыкнув иметь дело с грязью в людях, фараоны не видели грязь у себя под ногами.

У полицейских был сканер для глаз, и опознание моей личности заняло не больше часа. Все то время, в течение которого искали ключ от комнаты со сканером, искали копа, у которого был этот ключ, искали светофильтр для серых глаз, ходили на склад, отвечали на миллион глупых вопросов и ржали над свертупыми шутками, наконец, было вознаграждено. Я увидел компьютерный файл, посвященный моей скромной персоне. И я понял, что назад пути нет. Осталось лишь два пути: вперед на фронт и назад, в тюрьму.

Когда в два часа дня местного времени я вышел из дверей полицейского участка, оставалось восемь часов на празднование удачной покупки. По моему мнению, это было совсем немного времени, и следовало поспешить.

- Мне нужно очень быстро попасть в кабака, где есть шлюхи, очень шумно и редко бывает полиция, - сказал я водителю такси и передал ему сто кредитов. - А в десять часов вечера, ты найдешь меня внутри, вытащишь и привезешь к пересыльному пункту. Договорились?

Смуглый кучерявый шофер хитро улыбнулся и согласился.

- Три капли нашатырного спирта у тебя найдется? Я еду на войну и хочу попасть туда трезвым, - поинтересовался я у водителя, глядя на непрезентабельный кабака.

- О`кей, командир, - оскалился шофер. - Запасайся таблетками от головы, а трезвость гарантирую.

Семь часов спустя я подъехал к пересыльному пункту на такси. Голова жутко болела, во рту словно кошки ночевали и я абсолютно не помнил кто же эти три размалеванные бабы, которые провожали до самых ворот. За двадцатку одна из них даже сбегала в соседнюю лавку за пивом.

На войну поехал в обнимку с бочонком пива и ощущением, что у полиции претензий ко мне стало много больше. Костяшки пальцев были покрыты ссадинами и болели.

Лейтенант сидел прямо на полу вертолета и болел с похмелья. За добрый глоток из бочонка, он поведал, что я полный идиот, раз отправляюсь на войну рядовым. Тем более, имея высшее образование.

Я загрустил было, но тут же отошел.

Я жив. Я умный парнишка и в армии. И это значит, что не миновать офицерских погон, как бы я не упирался.

Впрочем, упираться я и не думал.

* * *

Они это называли тишиной. Невдалеке, с деловитой сухостью, стучал пулемет. То впереди, то сзади тройного ряда окопов время от времени падали мины, взметая комья земли к грязным от сажи облакам. Прямо между рядами окопов росла обгоревшая, но все равно имеющая еще листья, яблонька. А под ее корнями располагался штабной блиндаж. На фронте было затишье.

- Кого ты мне привез? - устало сказала молодая женщина-лейтенант, но, тем не менее, в предложенных нашим сопровождающим бумагах расписалась.

- Кого дают, того и везу, - угрюмо пробурчал мой знакомый офицер, натянул шлем на самые глаза и вышел. Ему еще предстоял путь назад.

- Кто из вас уже участвовал в боевых действиях? - без особой надежды поинтересовалась лейтенант Нахило.

- Ясно, - выдохнула она, когда тремя минутами позже так и не дождалась ответа.

- Капрал, разместите людей по ячейкам...

Капралом, которому она адресовала приказ, был я. Штурмовики «красных» подняли меня в чине...

Кто говорит, что на войну люди едут, чтобы умирать, сами ни разу там не были. На войну люди

идут чтобы жить. Это становится ясно только после первой атаки противника...

На землю юго-западной, степной части Алтая напал сырой предутренний туман. Выпускаемые дозорами осветительные ракеты недовольно шипели и света почти не давали. Капли влаги оседали на одежду и при любом движении скатывались на кожу.

Не спалось. Двадцать минут назад меня впервые в жизни укусила вошь и я все еще продолжал чесать укушенное место. Большая часть ледяных капелек скатилось за шиворот, что не добавляло хорошего настроения. И если я знал, что слабое дрожание земли, это залпы крупнокалиберных орудий врага и спустя несколько минут тяжелые, начиненные взрывчаткой снаряды упадут на окопы, то бежал бы уже точно на Север, земли под собой не чуя. Только я этого не знал, и когда смерть свалилась с неба, это было полной неожиданностью. И это спасло жизнь насекомому, которое поймал на плече, и разглядывал, прежде чем раздавить.

Вначале я удивился. Я еще успел удивиться вставшей дыбом земле, прежде чем оглушающий рев взрывов долетел до ушей и комья земли, как копыта бешеного коня застучали по шлему. Раз за разом степь вставала дыбом, слой за слоем насыпалась грязь на скрюченное в углу ячейки тело. Волна за волной ужас накатывал на душу. С того самого момента, как понял, что происходит, я решил, что смерть пришла за мной. Дважды осколок в ранец не попадает.

Минуту или час продолжался этот страшный сон - не суждено узнать. Когда последние комья земли улеглись, и артобстрел закончился, я считал, что нахожусь уже на том свете. Причем в Аду!

Как же я ошибался!

- Э, ты жив, приятель? - пнул меня по ребристой подошве ботинок, пробегающий мимо по окопу солдат. Это вернуло меня к жизни. Я принялся отряхиваться, за одно разглядывая полу обвалившиеся фортификации. Рядом валялась чья-то оторванная рука сжимающая гранату. Зачем этому бедолаге понадобилась набитая динамитом железяка?

- Жив, капрал? - хлопнула по плечу лейтенантша. - Слава Богу. На, держи...

Нахило вложила мне в руку знаки старшего сержанта.

- Принимай правый фланг... И еще... Эти папуасы, наши соседи справа... В общем, на их участке краснопузые прорвали оборону. Командование пообещало к вечеру заделать «дыру», но на всякий случай посоветовали отойти... Я отказалась. Ты должен это знать...

- А? Чего? - не сразу понял я, продолжая вытряхивать пыль из ушей. А когда понял, задница лейтенантши уже исчезала за поворотом.

- Дура! - заорал я вслед командиру. - Идиотка. Давай валить отсюда, пока краснопузые нас тут всех не сделали...

Она не услышала, или не захотела услышать. Я поплелся на правый фланг, где уже ждали двадцать, также растерянных человек.

На позициях второй роты, первого батальона, 371 южно-африканского мотострелкового полка, правый фланг начинался в том месте, где ряды окопов взрезал язык сосновой роицы. Прямо под молодыми елочками была врыта и замаскирована 85-мм противотанковая реактивная пушка. Второе такое же орудие прикрывало пространство между оврагом на самом правом фланге и холмом. Тем, что напротив центра позиций роты. Два станковых ракетомета

завершали короткий список тяжелого вооружения взвода, которым довелось командовать.

- В общем так, ребята, - сказал я, глядя на хмурые, грязные лица своих людей. - Наша основная цель - сохранить свои ненаглядные сиделки. Кто хочет стать героем, может валить к лейтенантше и пусть она пришлет сюда нормального на замену...

Сыворотка Леви снова творила чудеса с моим языком. Я даже не подыскивал слова. Улыбающиеся рожи пропыленных, изъеденных вшами солдат служили лучшим тому подтверждением. Я ни кого из них не знал...

- ... Короче, мужики, давайте продержимся до сумерек. Без геройств. В темноте нам обещана кавалерия... Наши доблестные штурмовики летают только в ночное время. Наверное, чтобы комми видели их ржавые борта... - успел завершить я свою речь до того, как наблюдатель крикнул:

- Сержант, танцеры!

Их наверняка забавно разглядывать на военных парадах, когда эти приземистые, с ребристой интерактивной броней, машины, выставив длинные трубы ракетометов, рядами катят по украшенной флагами площади. А дети кричат «ура!» и сжимают в мокрых ладошках ниточки надувных шаров...

Эти дети наложили бы в штанишки, увидев, как машины для убийства хороших парней выползают из-за гребня невысокого холма, и наводят свои ужасные, толстенные стволы орудий прямо в пузо. Уж взрослые-то здоровые мужики почувствовали слабость в ногах и спазмы в кишечнике.

- Подпустите краснопузых поближе, - посоветовал я расчетам орудий и, взглянув на нерешительно переминающихся с ноги на ногу стрелков, добавил. - Выбросите эту идею из головы! Первому, кто покажет гадам спину, лично башку прострелю!

Минуты на циферблате часов и бронированные по самую макушку агрегаты ползли, словно черепахи. Над изрытым окопами и воронками пространством повисла гробовая тишина. Слышно было, как на лугу у оврага стрекочут кузнечики, а в окопах сопят бойцы. Тишина и то, что враг так и не начинал стрелять, действовало на нервы. Я связался с лейтенантшей.

- Мэм, у нас тут танцеры.

- Спокойно, сержант. На левом фланге тоже...

Здорово у этой стервы получалось поддерживать в трудную минуту. Весь опыт предыдущей жизни вопил, что пора делать ноги. Но пятнистые кепки солдат из под опухших броней шлемов говорили совсем другое. Всплыло и поразило меня самого до глубины души, странное слово - ДОЛГ!

- Да нафига такая жизнь... - вырвалось у меня. - Давайте сделаем этих сопляков женщинами. Огонь!

Два моих орудия шарахнули почти одновременно. Реактивные снаряды пересекли лог и лопнули шарами взрывов под гусеницами стальных монстров. Насколько я мог судить, повреждений это нахальство не вызвало. За то что-то треснуло в мозгах, и я вспомнил о припасенной бутылке водки. Русской конечно.

Один из моих предков, Жоан де Кастро, довольно успешно выдержал оборону. Правда, это происходило больше тысячи лет назад, он служил вице-королем с практически не ограниченной властью и его врагами были полудикие турки, даже не имеющие пушек. Так что память генов ни чем помочь не могла, как бы я не будил ее алкоголем.

Едва успел проглотить, совершенно не чувствуя вкуса, новый глоток этого адского пойла, как в блиндаж влетел чернокожий солдат и, путая слова интерлинга с суахили, сообщил, что один панцер убит, а второй ранен и истекает кровью.

- На, глотни, - сунул я на радостях ему емкость и, не задумываясь больше о судьбе водки и моих досточтимых предков, выбежал наружу.

Из открытых люков громадной машины хлестали малиновые языки пламени. Второй завалился на бок и дымил. Цепь серых фигурок - пехотинцев, бежавших прежде за панцерами, попадала. На наши позиции посыпались ответные подарки.

Бутылка обежала окопы словно шляха. Следом за ней появилась большая фляга шотландского виски. Взвод быстро напивался. И когда на тот берег оврага выехал БТР, солдаты уже не черта не боялись и знали что делать. Степь впитывала осколки металла с упрямостью Природы, панцеры больше не пугали, а пехота противника отказывалась атаковать наши окопы, где, кстати, мы принялись орать во всю глотку похабные песни.

Примерно через час «красные» наконец осознали простую истину - пьяные, наглые и малочисленные проходимцы в окопах прямо перед ними - это крепкий орешек. Панцер, всего один оставшийся из шести, задом уполз за холм. За ним последовала пехота. Не нужно было иметь университетский диплом, чтобы догадаться - сейчас нас станут убивать. Либо дальнобойная артиллерия, либо штурмовики заруют нас в землю, и хоронить не надо будет.

Хорошенько подумать не дала лейтенантша.

- Сержант, ты как там?

- Хреново, мэм. Краснопузые сейчас начнут нас закапывать.

- Потери?

- Один убит, шестеро ранены.

- Хорошо... Левый фланг опрокинут. Панцеры могут зайти тебе с тыла. Что думаешь делать?

- Как на счет «кавалерии», мэм?

- У нас нет связи со штабом.

- Твою мать...

- Что?

- Пошла в задницу, вот что! - крикнул я в микрофон, споткнулся о выпученные глаза солдат и подумал, что при встрече в Аду припомню все ее «геройства». Я начинал ненавидеть эту бабу!

- Собирайте свои манатки, мужики, - уверенно сказал я. - Кавалерии не будет, лошади заболели. Пойдем в атаку.

Когда я раньше смотрел фильмы о войне, во всех атаках всегда кричали «ура». Глупость какая! Мы бежали молча и за нами вспучивалась земля.

Мы успели вперед снарядов. И даже смогли утащить с собой орудия. А вот времени врыться, как следует, не было.

Кто-то из нас чем-то очень нравился Всевышнему. Тяжелые снаряды еще продолжали сыпаться на оставленные окопы, а из-за оврага уже выползала новая колонна танков. Да ровно так, словно на параде. Мы поставили обе наши пушечки рядом и расстреляли еще пять машин, как в тире.

Изрезанное холмами, логами и оврагами пространство горело. Я понимал, и особенно эта мысль стала доносить меня к обеду, что на холме больше оставаться нельзя. Что давно уже пора бросать проклятые позиции и драпать на север. Но коммунисты лезли и лезли, не давая времени остудить оружие. Это было почти как чудо. После каждой атаки нас засыпали минами, слепили лазерными прожекторами, забрасывали зажигательными бомбами, но из воронок снова и снова навстречу серым цепям красных неслись наши злые пули.

Я перестал соображать. Я оглох от рева снарядов, грохота выстрелов и взрывов. Я ослеп и не видел ничего вокруг кроме игрушечных солдатиков за прорезью прицела.

И наступило самое худшее из того, что может случиться с солдатом на фронте – стали кончаться боеприпасы. К этому времени нас оставалось только одиннадцать человек. О рукопашной не могло идти и речи. Только любимчик Бога все еще был с нами – вдруг атаки прекратились.

- Ну, чего скажите, мужики? – мрачно поинтересовался я, производя ревизию патронам.

- Не пора ли нам пора, командир? – тут же отозвался парень из Кейптауна и показал две оставшиеся у него обоймы. Две сотни патронов.

- Вот и я думаю... Самое время!.. Побежали!

Не чувствуя под собой ног, мы драпанули в сторону оврага. Какой уж там организованный отход! Бросили все, что не могло повысить шансы на выживание. Мы бежали, как стая зайцев, забыв обо всем на свете, кроме своих нежных шкур. И может быть, именно поэтому уцелели.

Этот БТР пытался прорваться на наши позиции. И его командир считал себя самым хитрым. Когда многотонная машина летела над самой узкой частью оврага, мы разгадали коварный замысел, и вклеили ракету прямо им в белое, мягкое, теплое брюшко. Бог создал БТРы, чтобы ползать, а созданный ползать, прыгать не может! Машина так и повисла мостиком между берегами оврага.

Мы драпали в лучших традициях степных тушканчиков, и овраг показался нам симпатичной норкой. Надеялись, вдруг комми поверят, что нас больше нет. Крыша из вражеского БТР сразу приглянулась и я на заднице съехал под пахнущую горелой резиной железяку. Следом в овраг попрыгали и остальные солдаты.

Едва мы успели перевести дух и удостовериться, что принесли в нору свои шкурки без видимых потерь, как на брюхе мертвого транспортера распахнулся люк и из него высунулся «красный». Голова его была замотана окровавленными бинтами, но рука сжимала пистолет, а глаза горели огнем фанатика.

- Сикирмундобаратш! - выдал смуглый коммунист и навел на меня ствол своего оружия.

Я аж задохнулся от такого безобразия. Дважды за какие-то четыре месяца двое разных чернозадых на разных континентах норовили меня пристрелить.

В Африке трюк у меня удался, почему бы ему не получиться в Азии!?

- Сам дурак! - ответил я и выхватил пистолет из слабых рук раненого. Потом приставил дуло к покрытой потом щеке врага и взвел курок.

Индиец зажмурил глаза. Я уже готов был выстрелить, но тут перед моим внутренним взором встал несчастный рогоносец из пригорода Луанды. К горлу подступила тошнота. Передо мной был враг, минуту назад готовившийся пристрелить меня, как пса, а я не мог его убить.

- Живи, - хрипло проговорил я, ставя оружие на предохранитель. Из уголков глаз «красного» выкатились две фантастически чистые, в этот загаженном войной месте, слезинки. Солдаты смотрели, как я убираю пистолет, и молчали. И как бы я не всматривался в лица, даже тени осуждения в них не было.

- Идем, бвана, - сказал здоровенный негр из Танзании.

Разговаривать не хотелось. Мы встали и, пригибаясь, пошли к сосновому лесу.

Тех, кто говорит, будто война в природе человека, нужно называть монстрами. Природа - это лес, звери и птицы. И даже самая последняя окопная гнида - это тоже природа. То же, что делает человеческая война с природой, называется варварством.

Сосны плакали янтарными слезами. Их стройные бурые тела были иссечены осколками, опалены взрывами. Лес, заваленный обломанными пулями и снарядами ветками, оставлял гнетущее впечатление. Словно животное старающееся не наступать на трупы, мы изо всех сил пытались не наступать на срубленные ветки с увядающими иголками. Наконец, не сговариваясь, повернули к опушке роши.

По окопам, бывшими когда-то позициями взвода, свободно разгуливали «красные». Так и подмывало обойти их с тыла и выбить беспечность из их тупых голов. Но от этих геройских планов отвлек истощенный вой заходящих для атаки штурмовиков.

- Кто-то здорово разозлился, - хмыкнул парень из Кейптауна. Ухмылка замерзла на обветренных губах, когда струи горящего напалма залили вершину холма, где, по мнению врага, мы должны были находиться.

Трое или четверо негров опустили на колени и принялись благодарить неведомого Бога за спасение. В душе я делал тоже самое, но, тем не менее, так и остался стоять, неотрывно глядя на вулканом полыхающий холм.

- Ненавижу! - неожиданно заорал, бросив под ноги автомат, один из солдат. - Я больше не могу! Кто придумал эту траханную войну!? Я пристрелю первого же гада, который снова погонит меня сюда...

- Ну, ну... - попытался я успокоить съехавшего с катушек парня. Я еще хотел похлопать его по плечу, но руку перехватил танзаниец.

- Оставь его, бвана. Он убит.

Здоровяк, осторожно приобняв истерично рыдавшего бойца за плечи, снял с его шеи жетон и протянул ниточку мне.

- Сохрани тебя Господь, - шепнул я и спрятал жетон в карман. И солдат стало ровно десять.

- Он убит, - повторил кейптаунец, видя мою нерешительность, и остальные согласно кивнули.

- Жаль парня... Пошли...

И подумал, что очень хотел бы видеть напыщенное личико лейтенантши. Очень хотелось показать ей горсть жетонов снятых с трупов ее солдат. И спросить ее, зачем все это!? За какие такие награды можно купить десять жизней? Кто просил ее быть таким героем, и как она могла приказывать кому-либо стать героем.

Мы снова углубились в лес.

Если от наших первых позиций пойти точно на север, выйдешь к шоссе, которая делала резкий поворот, и пересекала линию монорельса. У самого переезда я и намеревался форсировать это препятствие. Потому, что прямо за туннелем начиналось старое кладбище, среди могил которого можно было отдохнуть и решить, что делать дальше.

Северная опушка соснового бора пребывала в мире. Густые кусты тальника стояли совершенно целыми. Могучие сосны защитили тонкие ивовые прутьики от человеческого безумия. Я один вышел на опушку. Смешно говорить, но чувствовал ответственность за девять живых душ, оставшиеся в чаще леса. В разведку просто не мог кого-то послать. Морально не мог. И пошел сам.

Тальниковые лабиринты - младшие братья бамбуковых зарослей. Я пробирался по ним, изо всех сил стараясь не шуметь. Мириады мелких жалящих, нудно пищущих насекомых поднимались с кустов и атаковали разгоряченное лицо. Даже запах дыма, которым от меня разило за километр, их не отпугивал.

Я чертыхался, лупил себя по щекам, плевался и стонал от ярости.

И кто-то в кустах стонал еще. Кроме меня.

Волосы встали дыбом. Ожили все детские чудовища, один миг сожрали, выплюнули и снова съели. Мной владело чувство лишь отдаленно напоминающее страх. Мне стало зябко в моей пропотевшей пятнистой комбе. Ужас схватил меня за яйца и держал, сжимая больше и больше.

По логике вещей я должен был мчаться, не разбирая дороги, прочь от этого страшного места. И я так бы и сделал, да только бесконечный страх сковал ноги. Я до сих пор удивляюсь своим действиям. Я повернулся в сторону, откуда раздавались стоны, шагнул и дрожащими руками раздвинул ветки с узкими серебристо-зелеными листочками.

На небольшой прогалине, в густых зарослях лежал человек в офицерской форме АДС и на его плече, как костер на фоне ночи, бросался в глаза окровавленный бинт. Оружия видно не было и я, выставив вперед трофейный пистолет, решил подойти ближе.

Это была лейтенант Нахило, и глаза ее были закрыты, губы дрожали. Она до судорог боялась того человека, что должен был подойти. То есть меня. Я сел у ее головы прямо на землю и скрестил ноги по-турецки.

- Ну вот мы и встретились, лейтенант Нахило, - сказал я. Я не знал радоваться мне или печалиться. С одной стороны, мог перевалить ответственность за жизни своих людей на нее. С другой, раненая баба только добавила бы хлопот...

- Кастр, - выдохнула, расслабляясь, лейтенант. Ее небольшая крепкая грудь с острыми торчащими сосками волнуяще вздрогнула под грязной пятнистой формой. - Ты тоже вышел?! Еще видел кого-нибудь?

- Со мной половина взвода, - кивнул я ей и улыбнулся. - А где остальные?

Нахило закусила губу и отвернулась. Я с удивлением заметил на ее лице слезы. Но меня гораздо больше в тот момент волновали ее титки. Я не мог ей простить этой бойни и чувствовал, что должен как-то отомстить. Мне пришла в голову мысль, и эта идея сразу очень понравилась. Тем более что фигурка у женщины была хоть куда...

- Там, - едва слышно шепнула она. - Все там...

- Бросили тебя одну?

Я вроде как даже разозлился. Яростно оглядывался и делал вид, будто готов теперь же бежать наказывать ее обидчиков. И в то же время мысленно себе аплодировал, откровенно разглядывая округлые колени.

- Они все умерли... - размазывая грязными кулаками слезы по лицу, выговорила Нахило.

- Брось, - серьезно посоветовал я.

- Что? - всхлипнула она.

- Брось так убиваться по ним.

- Что-о-о!? - забыв про слезы протянула она командным тоном и попробовала сесть.

- Ты же сама оставила их умирать, - пояснил я. - Ни кто же не просил оборонять этот проклятый переезд до последней капли крови!

- Да ты... Трибунал... - запричитала в крайней степени возмущения Нахило.

- Расслабься... - продолжал уговаривать я. Штаны вдруг стали мне непривычно тесными. Я просто должен был иметь эту женщину.

- Не думай о грустном... - попросил я тихонько и расстегнул ремень офицерской комбы. - Думай об удовольствии!

Она еще попыталась сопротивляться и грозить Страшным Судом, но я был сильнее, и у меня было моральное право. Наступила секунда, когда Нахило поняла это.

Я плохо помню, как это было. Мерзкие насекомые искусали все сиделище...

- Как твое имя? - улыбаясь, вдруг спросила лейтенант.

- Как хочешь...

- Подожди, я оденусь...

- И что потом?

- Позовешь остальных.

- Тебе не хватило?

Лейтенант замерла с открытым ртом.

- Ведь ты заберешь меня с собой?! - не слишком уверенно спросила она.

- Нет! - решительно заявил я, достал пистолет и взводя курок. - Встретимся в Аду.

Старое кладбище оккупировали вороны.

Когда мы, затравлено дыша, перевалили проржавевшую ограду и вторглись в заброшенный мир мертвых, большие черные птицы даже не шелохнулись на ветках обросших мхом деревьев. Мы ворон не интересовали, у них было достаточно интересов на выжженном поле к югу от кладбища.

Сначала мы, обессиленные полукилометровым рывком от соснового леса, через шоссе и линию монорельса, повалились среди поросших высокой травой холмиков с покосившимися крестами. Потом, то один, то другой солдат, почтительно косясь на надгробия, вставал. В итоге все сгрудились в узких проходах между могилами и, не сговариваясь, двинули дальше на север.

Траурные птицы встрепенулись было, но потом снова повернули ониковые носы в сторону воняющего напалмом поля.

По пути разглядывал надписи на крестах и плитах. Сделаны они были еще до введения интерлинка на всей Земле и колониях. Незнакомые символы распяляли любопытство, а каменные стелы казались страницами волшебной книги какого-то колдуна. Лица людей, которых уже десятки лет ни кто не помнит, словно из окон Того Света серьезно и может быть немного насмешливо, смотрели на нас.

Мороз по коже. Мы, десять ободранных, грязных, умытых кровью солдат, неведомо за что и с кем воюющих, как похоронная процессия, гуськом, торжественно шествовали по кладбищу. Как будто мы хоронили кого-то или что-то.

И это что-то было в нас самих.

Не очень приятно, скажу я вам, присутствовать на собственных похоронах! Особенно, если не слишком уверен, что все еще жив. И нечего удивляться, что, увидев среди укутанных серым мхом кладбищенских деревьев просвет, мы припустили со всех ног. И остановились, лишь вылетев на самый верх холма.

Шоссе, уходящее на север, стрелой пересекало лесостепь и терялось за горизонтом. Словно пятна лишайников открывшееся нам пространство то тут, то там покрывали березовые колки. И среди них петляла серебряной ниточкой речка.

- Красота-то, какая! - восхищенно выдал один из солдат и шмыгнул носом.

- Так охота жить... - непонятно к чему проговорил кейптаунец.

Южноафриканцу ответили вороны. Вдруг, в один миг, вся их огромная стая прыгнула с веток в небо и на приличной скорости описала круг вокруг кладбища.

- Чего это они? - вяло спросил я, мысленно выбирая путь между перелесками.

Мне траурные птицы тоже ответили. Глупо конечно думать, словно покрытые перьями летающие пингвины вдруг спустятся с неба, подойдут и предупредят, мол сейчас гаркнем всей толпой. Но все же, их черное стадо заорало одновременно и по спине пробежал холодок. Настолько это у них получилось грустно, устрашающе и неожиданно.

- Мощные птицы зовут Большую Смерть! - уверенно изрек угольно-черный танзаниец, и лег на землю.

- Не беспокойся, снежок, - неудачно пошутил я. - Черный черного не тронет...

Вороны сделали еще один круг и унеслись на север. И тень от их великой стаи слилась с тенью одинокой медлительной крылатой ракеты летевшей навстречу. На серо-зеленом борту тупорылой крылатой болванки большими буквами было начертано: «АДС». А чуть ниже - «ВБТ-7К». Тактическая водородная бомба в семь килотонн.

Когда она перелетала кладбище, которому и нам суждено было стать кладбищем, нырнула и взорвалась ослепительно-белым шаром, мы стояли лицами на север и крыли самыми страшными ругательствами командование своей армии.

Что еще нам оставалось делать?!

Пришедшая через минуту ударная волна смела, и кладбище и нас словно пух с полированного стола.

Я даже не успел испугаться.

2

Воображаемая жизнь. Курсант

Сначала им нужен был просто герой. Или, еще лучше, группа героев. Однако очень скоро кто-то из них сообразил, что куча мертвых богатырей - это всего лишь гора трупов и ни кто, в наше искушенное время, в них уже не поверит.

На наше счастье, им не пришла в голову идея нанять несколько хороших актеров. Пришлось выкапывать наши искромсанные тела из-под груды снесенных ударной волной деревьев, надгробий и земли. И мы еще плавали в густом сиропе реанимационных бассейнов, а наши имена уже гремели по всему Демократическому Содружеству.

Не одну сотню лет наивные оптимисты вешают макароны изделия на черепа другим доверчивым оптимистам, собирая и усиленно раздувая истории людей побывавших по ту сторону жизни. Чуть все это собачья. Я помню, как орал во все горло в тот миг, когда жизнь прервалась. И когда снова разлепил обгоревшие веки в суперсовременном медицинском центре Екатирибурга, губы все еще пытались выговорить недосказанное.

В общем, меня и еще четверых солдат собрали по косточкам, нарастили недостающее, подклеили сломанное и выставили под камеры журналистов. На моей груди блеснул медный орден Свободы и болталась тусклая висюлька Георгиевского креста за доблесть в бою. Хотя в душе остался горький осадок после фанфар, прессконференций и пожатий рук, все-таки считал, что более чем заслужил эти высшие награды. Одна моя половина заставляла грудь гордо выпячиваться, когда шел по улицам города и прохожие смотрели на украшенный

побрякушками мундир. Другая, просто умирала от хохота, тыкая воображаемым пальцем в отражение собственного заново слепого лица.

Наконец, когда стали доставать гораздо меньше, когда все патриотические ролики со мной в главной роли были сняты и показаны, появилось свободное время. Можно было сесть в тихом сквере и спокойно обдумать собственное будущее. Остро необходимо было побыть одному и я даже придумывал поводы, дабы отделаться от прилипчивых соратников по «воскрешению». Однако неожиданно выяснилось, что спокойные времена ничегонеделания наступили лишь для меня. Остальные «герои» все еще были заняты во всеземном рекламном шоу с весьма напряженным расписанием.

Я равнодушно пожал плечами восторженной медсестре сообщившей эту новость. Силой отнял у нее карточку – ключ, запер эту жизнерадостную дуру в чулане для робота-уборщика и отправился искать свой тихий сквер.

То, что я искал, обнаружилось совсем рядом. Сквозь не пропускающее шум и пыль улиц шестимиллионного города силовое поле, резануло по глазам девственно-чистой зеленью. Вдоль посыпанных белым песком тропинок, мимо неспешно текущего ручейка толкали гравиколяски пара или тройка мамаш. Полиции или военных видно не было – я мог чувствовать себя более или менее спокойно.

Я пересек полосатый барьер, преодолел слабое сопротивление поля и с наслаждением вдохнул насыщенный озоном воздух. Скамейка приглянулась та, что стояла прямо напротив небольшого, кристальной чистоты, пруда. Это было просто фантастически невероятно. И если кто-нибудь стал в тот момент рассказывать о войне, я засмеялся бы ему в лицо.

Разглядывал маленьких стремительных серебряных рыбок играющих в пруду. Впервые за несколько месяцев ни куда не торопился и у меня не было ни каких дел. Мысли текли плавно и неторопливо. И ни о чем. Я забыл о том, что пришел в сквер поразмышлять о своем собственном будущем...

- Бартоломео Эстер де Кастро? – вежливо поинтересовался подошедший ко мне военный. Он стоял против солнца и звание я не разглядел.

Я возненавидел имя, данное мне фактом рождения. Каждый раз, когда кто-либо задавал такой вопрос, тут же принимался меня арестовывать.

- Да пошел ты! – лаконично среагировал я.

- Хорошо, – неожиданно легко согласился тот, слегка поклонился и покинул зеленую зону. Если в тот момент туда подлетел бы раскрашенный красными треугольниками слон, я ни чуть бы не удивился.

Мне не повезло. Дурацкий слон так и не прилетел. Вместо него подошел щуплый пожилой человек с архаичными курительной трубкой и тростью.

- Здесь можно сесть? – тихонько спросил он. Я пожал плечами, откуда я знал.

- Вы, может быть, ждете кого-то еще? – продолжал отвлекать меня от созерцания рыб наглый старик.

- Слона... – недовольно буркнул я.

- Что вы сказали? - весьма заинтересовался, вынув трубку изо рта, незнакомец.
- Нет, я ни кого не жду, - обречено вздохнул я. Мне пришла в голову мысль, что этот сквер просто какое-то заколдованное место и здесь меня в покое не оставят.
- Хорошо, - удовлетворенно заявил тот. _ Мне... нужно с вами поговорить, господин де Кастро... Или вы предпочитаете, что бы Вас называли Бертраном Кастром?

Необычайно осведомленный старик проигнорировал мои выпученные от удивления глаза и уселся рядом.

- Плевать... - только и смог выговорить я.

Навязчивый незнакомец кивнул и продолжал, ни чуть не смущаясь.

- Мое имя Анатолий Олегович Кривицкий... впрочем, это ни чего для Вас не значит. Не так ли?

- Весьма пронизательно... - криво усмехнулся я. И, увидев, как дед снова коротко клюнул носом, подумал: «дятел».

- Я служу в Бюро Стратегической Разведки. В чине полковника...

- Мне встать по стойке «смирно» и отдать вам честь? - даже не подумав и шелохнуться, поинтересовался я.

- Нет, лучше не нужно... - не понял моего сарказма старый разведчик. Я снова скривил губы и, подражая ему, кивнул.

- Видите ли... я должен передать Вам настоятельную просьбу неких весьма высокопоставленных лиц...

- Не хватает только государственного гимна, - посетовал я.

- Это ни к чему! - отсутствие у Кривицкого чувства юмора просто потрясало. - Дело в том, что, как... Вы уже наверняка заметили, во всех ваших... встречах с представителями прессы ни слова не упоминалось о пережитом вами тактическом водородном ударе.

- Да, а почему? - было наплевать на все, что он там говорил, но не сидеть же пень пнем. И видно я случайно что-то затронул такое, чего не должен был. Мордашка старика скривилась, он тяжело вздохнул и сложил маленькие беленькие ручки на животе.

- Мне приказано ответить Вам, в случае если вы спросите, - огорченно протянул Кривицкий.

- Приказ есть приказ, - хмыкнул я.

- Ошибка была нагромождена на ошибку, - вперив взгляд своих выцветших глаз на «моих» рыбок, проговорил разведчик. - Не вдаваясь в подробности, могу сказать лишь, что предательство в БСР было раскрыто слишком поздно... Дезинформация пошла по каналам хорошо проверенной, достоверной информации. В результате, направление главного удара противника было определено неверно. И, как следствие, вы оказались на именно том участке фронта, где главного удара «красных» не ждали... Мы вынуждены были применить оружие массового поражения... И этим нарушили не писаное соглашение с врагом о неприменении. Спустя сутки ударам ядерного оружия подверглось ряд прифронтовых городов. Народ недоволен, но Вы лишь представьте, что начнется, если вдруг выяснится, о нашей инициативе

в развязывании ядерной войны! И я прошу Вас... продолжать хранить этот секрет, как и прежде!

- Проще всего было не оставлять свидетелей, - пожал плечами я. - Зачем...

- Это вам объяснят чуть позже, - не учтиво перебил меня старик. - А я лишь могу добавить, что ряд высокопоставленных лиц надеются на Ваше чувство долга.

- Аминь! - съязвил я. Старик хмуро на меня взглянул, встал и, не прощаясь, ушел. И пока я размышлял о потерявшихся хороших манерах Кривицкого, его место занял неслышно подошедший коротышка с чемоданом.

- Да какого дьявола! - вскричал я, обнаружив нового соседа по лавочке.

- Простите, сэр, - искренне смутился новый незнакомец, чем не мало меня позабавил. Он здорово походил на детскую мягкую игрушку. На такого человека сердиться было невозможно.

- Мне показалось, сэр, что Вы ни чем не заняты... - между тем продолжал человечек дрожащим нерешительным голосом.

- Я смотрел на рыб... - неизвестно зачем уточнил я, и окончательно расстроил плюшевого незнакомца.

- Мне подойти позже? - обречено пропищал он.

- Зачем? - в свою очередь растерялся я. Показалось, что сквер, в который меня к несчастью занесло, наполнен приставучими сумасшедшими.

- Ах, да! Я же забыл представиться, мистер де Кастро...

Я тяжело вздохнул и внимательно осмотрел мундир. Каждый встречный и поперечный в этом городе знал мое имя. Крупной таблички с именем не нашел.

- Видите ли... - пустился в объяснения коротышка, но я его перебил. И даже похожесть на детскую игрушку не спасла его от ярости.

- Я ни чего не вижу! Я не знаю, и знать не хочу, тебя, придурок, и всех тех, кто там еще прячется в кустах...

- А нас уверяли, что маскировка абсолютна, - как бы в задумчивости проговорил незнакомец. И это заткнуло мне рот. Сквер был, оказывается, битком набит людьми, а я, как последний идиот, разглядывал рыб. Я наконец-то сообразил, что в покое меня уже не оставят. Поэтому закончил уже более миролюбиво.

- ... Ну да ладно! Кто ты такой, дьявол тебя побери.

Сосед по лавочке поудобнее переложил свой чемодан, широко улыбнулся и сказал:

- Мое имя, сэр де Кастро, Игор Танкелевич. Я старший управляющий земного азиатского филиала Всеземного Федеративного банка...

- О! - только и смог выговорить я, но Танкелевич, видно измученный строптивостью, перестав обращать на мелкие препятствия, гнал, как по писанному.

- По Уставу нашего банка, любой человек, имеющий в своей собственности более 11% акций банка, автоматически входит в состав Совета Директоров. А Вам, на настоящий момент, принадлежит 14.46% голосующих акций...

- Но, - попытался возразить я, однако Игор, не останавливая речь и на миг, с ходу меня опроверг:

- ... После недавних ядерных нападений на ряд прифронтовых городов, курсовая стоимость, - он проворно развернул свой чемодан застежками ко мне, открыл и прямо на моих глазах из небольшого ящика был развернут субсовременный галокомпьютер. На объемном экране было продемонстрировано снижение, или скорее обвальное падение, цены акций ВФБ, - оказалась значительно ниже, чем позволял престиж нашего, безусловно, надежного банка. - На экстренно созванном Совете директоров, к сожалению без Вашего участия, мы не смогли Вас быстро найти, было принято решение о скупке всех падающих на рынок акций за счет резерва банка. Скупленные акции были распределены в собственность относительно доли каждого акционера. В итоге курс удалось поднять до прибыльного уровня, а Ваша доля возросла на 3.21%...

- В какую сумму сейчас оценивается доля? - не в силах больше сдерживаться, перебил я управляющего.

- Около полутора миллиардов кредитов, - гордо, словно его работа состояла в том, чтобы приносить мне прибыль, заявил коротышка. - Могу подсчитать точно...

- Не надо.

Пока валялсядохлым, «кинутый» банк в полтора раза увеличил мой капитал. А управляющий этого самого банка, с предельным вниманием на лице, мне об этом сообщал. Я почувствовал, что не хватает лишь последней капли, чтобы я засмеялся прямо в лицо этому замухрышке. Весь идиотизм ситуации завершали сержантские лычки на моих погонах.

Но и это был еще не конец.

- Но я попросил господина Кривицкого помочь нам в Ваших розысках не только для того, чтобы уведомить, мистер де Кастро, о величине доходов, - осторожно добил меня Игор. - Дело в том, что правительство Демократического Содружества Земли недавно обратилось к Совету Директоров ВФБ с просьбой о предоставлении кредита в 10 триллионов кредитов...

Он что-то еще пытался сообщить, но я перестал это воспринимать. Я так смеялся, что мамыши поспешно увезли детей из сквера, приняв меня за контуженного, а рыбки в ручье забились под камни.

И смеяться я перестал, когда вдруг увидел терпеливо ожидающего конца моей истерики Игор.

- Итак, 10 триллионов кредитов на сто лет, под 5% годовых и залог в 10% валового продукта, - напомнил управляющий, когда я подавил смех и вытер выступившие слезы.

- Причем тут я?

- Братья Малино, госпожа Чицуи и лорд де Вега высказались за предоставление кредита, - пожал плечами Танкелевич. - Но господин Колосов против. По Уставу банка, в случае если голоса разделились, в голосовании должны принять участие все члены Совета...

Я увидел свет в конце тоннеля.

- Если этому правительству так нужен кредит и мое слово для них настолько важно, то почему бы им не решить некоторые мои проблемы? - с изрядной долей оптимизма в голосе, но, тем не менее, осторожно, поинтересовался я.

- Мы обладаем информацией о... величине Ваших проблем, - виновато сказал Игор. - Я подозревал, что обязательно затронете эту тему, поэтому пригласил на встречу нашего юридического консультанта, заместителя министра юстиции...

- Какого черта?! - вспыхнул я. - Вы можете легко приказать Кривицкому организовать мои поиски, можете «консультироваться» у замминистра, но вытащить меня из этого дерьма...

- Мы не можем! И в чем загвоздка, вам пояснит господин Ван дер Хаастен, - печально закончил за меня Игор и сделал непонятный жест рукой. Видимо это был знак юристу, ибо спустя минуту здоровенный, пузатый, с огромными кустистыми бровями и лысым черепом мужик стоял у нашей скамейки.

- Ну? - угрюмо и совсем не вежливо буркнул я.

- Меня зовут...

- Я знаю! Дальше!

- Вы, господин де Кастро, обвиняетесь в убийстве второй степени, «убийство без предварительного умысла», и наши адвокаты легко могут понизить обвинение до степени третьей, «несчастный случай», но...

- Но!? - вскричал я и видно вид мой был тогда настолько страшен, что дальше юрист затараторил с такой скоростью, словно от того, как быстро он выдаст всю информацию, зависит его жизнь.

- Но вы, господин де Кастро, подписали трехлетний контракт с армией ДС. Закон позволяет досрочное его расторжение по желанию одной из сторон, но армия будет обязана выдать Вас в руки правосудия. И мы могли бы завершить все дело к Вашему удовлетворению еще неделю назад... а теперь...

- А теперь, - подхватил Танкелевич, - правительство попросту не позволит нам это сделать без предоставления дополнительных льгот в кредитовании. Полковник Кривицкий, наш большой друг, уже уведомил, что такой вариант в правительстве рассматривался.

- Козлы! - уныло выдал я и Ван дер Хаастен затравленно оглянулся.

- Совет директоров просил передать, - возвышенно заявил Игор после минутной паузы. - Что позаботиться о Вас вне зависимости от Вашего решения.

- Очень мило с их стороны, - скривив губы, хмыкнул я и с невероятной силой захотел водки. Мозгам требовалась хорошая встряска. - У вас нет водки?

Юрист шелкнул пальцами и из-за близлежащего куста уже знакомый мне офицер выкатил столик с напитками. Два высокопоставленных чиновника с выражением почтительности на чисто выбритых физиономиях, наблюдали, как старший сержант Кастр поглощает водку и заедает ее стойшей баснословных денег красной икрой. Спустя несколько минут ответ у меня

был готов.

- Какие санкции предусматривает договор, в случае если через сто лет кредит не будет возвращен? - по-деловому спросил я у юриста.

- Правительство передает банку эквивалент десяти процентов валового продукта государства в золотых слитках в залог... - начал, усмехнувшись, дер Хаастен.

- Ага, - хмыкнул я в ответ. - А проценты по кредиту?

Толстяк пожал плечами.

- Значит так, - твердо заявил я. - Мои потомки должны получить эти проценты. Я голосую за предоставление кредита, при условии...

Танкелевич принялся быстро набирать текст в компьютер.

- ... Если договор будет изменен. Через сто лет и один день после предоставления кредита, в случае его не возврата, проценты должны будут удваиваться ежедневно... Либо банку передаются все права на все межпланетные и межзвездные перелеты на сто лет. Либо до полного погашения кредита банк освобождается от всех налогов!

- О! - выдохнул управляющий, но продолжил оформлять документ. Потом я заверил текст подписью и снимком рисунка сетчатки глаза.

- Все? - устало спросил я, когда Игор закрыл свой чудо-ящик.

- Я еще должен передать предложения Совета касающиеся Вас лично, - уважительно сказал управляющий и выразительно взглянул на юриста. Тот поспешно откланялся и скрылся за кустами.

- Совет имеет возможность оказать помощь в решении Ваших проблем некоторыми... другими способами...

- Хорошее начало, - поощрил я Игор. В душе шевельнулись новые надежды.

- Мы предлагаем либо.. помощь в Вашем переезде на одну из звездных земных колоний. Разумеется инкогнито... В этом случае, придется передать ваши акции в управление Совету.

- А другой вариант?

- Совет имеет возможность помочь в существенном продвижении по службе и... на срок действия вашего армейского контракта, препятствовать прекращению жизнедеятельности вашего организма.

- Это, каким, интересно, образом? - ехидно осведомился я.

- Именно таким, сеньор де Кастро, какой уже был однажды в отношении Вас применен.

Я выпил еще водки, поел икры, кивнул и на следующий же день отправился на юг Англии в офицерскую школу.

Танкелевич правильно меня понял. Едва увидел ворота офицерской школы, куда меня занесло, почувствовал себя настолько хорошо, что обида на это вонючее правительство отошла на

второй план.

Офицерская школа находилась в небольшом английском городке Ху и носила тоже название, что и город. Тихий, спокойный, старый городок с именем, переводившимся на интерлинг, как «кто?», до войны жил своей тихой провинциальной жизнью. Жители, в большинстве своем, ездили на работу в Большой Лондон, а в том особняке, где я «учился» на офицера, до войны был пансионат для старых дев.

Когда увидел надпись на полукруглой арке над воротами – «Пансионат „Последний салон“», сказал себе: «не верь ни одному человеку в этом дурдоме». Ибо, у наспех построенной будки контрольно-пропускного пункта, прямо в пыли, заботливо подвинутый в тень, храпел во все горло и пускал носом пузыри смертельно пьяный курсант.

Парень, с которым нам выпало вместе попасть в эту школу, растолкал пьяного, дабы задать ему всего один вопрос:

- Эй, сопляк. Как пройти к начальнику училища? Где он находится?
- В задницу! – уверенно заявил пьяный и тут же снова отрубился.
- Страшная тайна Ху, – засмеялся я. Парень, с которым мы вместе приехали, Арт Ронич, зашел в будку КПП и вскоре вернулся с полупустой емкостью виски и снятым со стены планом расположения зданий школы. Мне этот парень понравился.
- Тут без этого дела, – Ронич хлопнул ладонью по бутылки, – в плане не разобраться.
- Придется воспользоваться, – согласился я и решительно отхлебнул. Пойло оказалось совсем не плохим.
- О, уже начинаю соображать! – ткнув пальцем в план, пять минут спустя, заявил Ронич.
- Дай мне, – авторитетно воскликнул я, отбрасывая пустую бутылку.

Общими усилиями, спустя час и еще одну бутылку найденную в припаркованной у административного здания машине, мы наконец-то нашли нужную дверь. На табличке сверху была надпись: «полковник Иниску», а чуть ниже подписано от руки – «задница».

Мельком глянув на сияющую, будто это он автор надписи, рожу Ронича, я решительно постучал. Не услышав ответа, постучал еще.

- Задницы нет на месте, – предположил мой спутник. – Подождем?
- Придется, – вздохнул я.

Мы отошли к окну.

Я смотрел на замусоренный плац внизу и думал. Мне было как-то странно, непривычно хорошо. словно я вернулся домой, в дом, где живут родители, где провел беззаботные годы детства. И лишь глупая, бестолковая суэта радующейся возвращению родни немного раздражает... А я посматриваю на всех сверху вниз и снисходительно молчу.

Идиллию моей души испортил звук открывшейся двери кабинета начальника училища. Оттуда вышел совершенно трезвый, вытирающий кружевным платочком влажные губы человек в форме курсанта.

- Вы к Сержу? - глядя на нас и махнув рукой на дверь за спиной, томно выговорил он. - Не вздумайте строить ему глазки. Личики по расцарапаю!

Ронич издал какой-то булькающий звук и согнулся пополам. Через секунду из его широко раскрытого рта вырвалось лошадиное ржание.

- Пошел ты... противный, - наконец хрипло выговорил приятель и снова зашелся в припадке.

Я дал Арту время просмеяться и только потом постучал. Мне было не до смеха. Ощущение, словно я наконец-то дома безвозвратно ушло. Меня занесло в дыру наполненную алкашами, голубыми и еще Бог весть какими извращенцами. И от этих-то самых извращенцев можно было ждать чего угодно.

Из-за двери нам разрешили войти и мы не заставили себя ждать.

Полковник и помещение, в котором он, похоже, и жил, так сильно воняли гомосексуализмом, что тошно стало. Арт, который как-то сразу погрузнел, похоже чувствовал тоже самое. Поэтому сделали все возможное, чтобы не задерживаться в гнездышке многозвездного педика дольше, чем это было необходимо.

Закинув свои вещи в двухместную комнату, мы с Артом отправились искать столовую. И конечно же нашли по шуму голосов и стойкому запаху спиртного.

Пить уже не хотелось. Пьяные рожи раздражали. Еда оказалась поганой, как впрочем, всегда в армии. Настроение прыгало от плохого до очень плохого, размахивало топором и жаждало крови. Я поймал себя на мысли, что очень хочется кому-нибудь причинить боль. И в тоже время так и не смог разбудить в себе злость. И от этого стало жутко.

Сознание словно раздвоилось. В один и тот же миг во мне был я - наблюдающий за всем творившимся в столовой бедламом и анализирующий бушевавшие чувства. Другой я томился от желания пустить паре придурков кровь.

- Не нравится мне это место... - недовольно протянул Ронич. Потом метко заехал пятерней в морду подползающему к нашему столику на четвереньках курсанту и добавил:

- И твоя рожа мне тоже не нравится.

Смертельно пьяный незнакомец с громким хрустом завалился на пол и тут же уснул.

- Есть предложения? - выискивая среди сотни пьяниц хотя бы пару наглых глаз, сквозь зубы поинтересовался я.

- Нет... Не нравятся мне эти рожи! - еще раз посетовал Арт.

Мы уже были готовы отправиться на поиски приключений в гущу оргии, как неприятности сами к нам пожаловали.

- Что-то мне ваши хари не кажутся знакомыми, - подозрительно щуря рыбы глаза, заявил здоровый, словно бык мужик. Вспоминая о нем, у меня так и стоят перед глазами его большие лошадиные зубы, мясистый нос, узкий гладкий лоб и бритая налысо башка.

- Попробуй догадаться с одиннадцати раз, с чего бы это тебе так казалось. Одиннадцать - это пальцы двух рук, плюс еще один... Ты знаешь, что такое плюс?

- Ты... это! - недовольно потирая толстенную шею, замычал незнакомец. - Нарываешься?

- Как ты догадался? - восторженно воскликнул Ронич и с выражением искреннего счастья на лице всадил пластиковую вилку в ляжку здоровяка.

Издали наблюдавшие сцену знакомства собутыльники бугая, повскакивали с мест и, поддерживая друг друга, двинулись в нашу сторону. Наверное, они думали, что выглядят грозно. На самом же деле, это было просто смешно.

- Я знал, что мы здесь здорово повеселимся, - удовлетворенно уточнил я, пиная корчившегося на полу «парламентера».

- Сразу заметил, что ветеранов тут не уважают, - протягивая мне ладонь, кивнул Арт. - Воевал?

- Южный Алтай, - кивнул я, пожимая руку. - Пора поучить сосунков!

До этого случая я дрался всего пару - тройку раз, и то в далеком детстве. Знал кучу народа, кому нравилось это делать и которые никогда не отказывали себе в этом удовольствии. Я же не находил в энергичном обмене увесистыми тычками ни чего привлекательного. Всегда больше нравилось доказывать свою значимость другими, более гуманными методами. Но тут за воспитание взялся незабвенный сержант Ван Нитчен. Я своими собственными глазами видел результаты гуманизма, человечности, когда в напалмовом аду стонали деревья, а люди превращались в чудовищ, уничтожая все живое на своем пути.

Иллюзии, присущие свободному обществу, свалились с глаз в несвободе армии. Вместе с изменениями генного кода в мышцах, произошли изменения и в кодах моральных. Я больше не боялся причинить людям боль.

Я разломил керамическую тарелку пополам и взял в каждую руку по половине.

- Думаешь, вид крови их остановит? - махнул головой на вооружение Ронич. Сам он уже давно обзавелся увесистой ножкой от стола.

Что я думал в тот момент, Арту уже не суждено было узнать. Пьяная орда навалилась со всех сторон. Я резал осколками тарелки чьи-то лица. Пинал чьи-то животы. Уворачивался от чьих-то кулаков. Мне было весело. Я смеялся и пробовал петь. Арт время от времени подпевал.

В таких свалках очень важно - не дать уронить себя на пол. Бесчисленные и безымянные ноги немедленно растопчут, разомнут, раскатают косточки несчастного. Если все-таки случилось, и ты упал - дерись ногами или катись под защиту стола. Я сам видел, как опрокинутый навзничь Ронич несколько минут довольно успешно отпинавался от двоих или троих сосунков пока удача не повернулась к нему лицом и не выгадал секунду, чтоб подняться.

Ронич вообще дрался, как сто чертей. При малейшей опасности для моего здоровья, творил чудеса, подставлялся сам, но выручал. На самом деле в столовой против всего училища дралось трое - я, Ронич и Ронич...

Двое последних сосунков позорно сбежали. Мы с Артом замерли на минуту в напряженных позах, а потом сначала он и я следом облегченно засмеялись. Мы победили.

Время учебы в офицерской школе «Ху» - это, без преувеличения, самое лучшее время в моей жизни. Никогда, ни до, ни после, я так много не смеялся, не занимался сексом, не пил и не...

Да, черт возьми, чего только там не делал.

После, так сказать, «знакомства» с большинством курсантов, мы с Артом получили карт-бланш на что угодно в стенах школы. А, имея погоны курсантов, получили иммунитет от полиции городка. О том, как мы с Роничем куралесили в кабаках, наверняка долго еще будут ходить легенды.

Лишь один единственный раз полный бардак, разгильдяйство, дурдом и распущенность школы «Ху» сослужило плохую службу.

В тот раз мы с Артом возвращались после очередной попойки в городке особенно поздно. Нельзя сказать, чтобы были очень уж пьяны или кулаки болели после драки. Случалось, конечно, и такое, но только не в тот раз.

Трезвый, и от этого «не в духе», курсант на КПП хмуро на нас посмотрел и пробурчал приветствие, звучавшее как пожелание смерти. К такому давно уже привыкли и не обращали на это внимание. Весело, хотя и немного устало, переговариваясь, сразу проследовали в свою комнату.

То, что насторожило Ронича, ускользнуло от моих глаз. Случилось это, конечно же, оттого, что Ронич ждал нечто подобное. А я вовсе нет. Считал себя неплохо устроившимся счастливым, вернувшимся за чужой счет с того света. В голову не могло придти, что кто-то может захотеть моего на тот свет возвращения. Но, слава Всевышнему, со мной уже был Ронич.

- Тихо, - шепнул одними губами приятель и для убедительности даже приложил палец к губам. Затем, довольно грубо, ухватил за локоть и оттянул к стене сбоку от двери. Сам же, присел на корточки, вынул из-за пазухи черный, зловещего вида пистолет и только тогда толкнул дверь.

И ничего не произошло. Гидропривод двери приглушенно шикнул, дверь распахнулась. Однако Ронич не торопился расслабляться. Подобно дикой, лесной кошке, или вернее коту, он просочился в темную комнату.

Минутой спустя там раздался выстрел, потом звук шагов нескольких человек и еще один выстрел.

К тому моменту, как в комнате зажегся свет, я уже сидел на полу у стены, ни жив, ни мертв от страха и лишь слабость в ногах удерживала от панического бегства.

- Заходи, Берти, - сказал Арт, и мне понадобилось еще несколько минут, чтобы понять, что все обошлось, а потом собрать остатки сил. Руки отчаянно дрожали, сердце колотилось, как у кролика. Я пытался, тупо пялясь на два трупа занявших почти все свободное пространство пола, уговорить себя, что вовсе не я был нужен им, что их цель - Ронич. Мое поведение удивляло меня самого. Я не сдавался страху даже в огненном пекле фронта. Брызги крови во время драки в столовой были мне милее водки, но тихая, глумливая смерть из-за угла ужасала до глубины души.

- Ты видел их когда-нибудь раньше? - обшаривая карманы в одежде мертвецов, спокойно и очень, очень заинтересованно спросил Ронич.

- Нет, - отстучал зубами я. - Не знал, что у тебя есть пистолет...

- На наше счастье, он у меня оказался, - хмыкнул Ронич. - Кто-то на тебя в большой обиде...

- Почему ты думаешь, что им нужен был я? - истерично хихикнул я. Впрочем, эти люди пришли к нам в комнату не для того, чтобы поговорить по душам. И это не требовало доказательств. Оба убийцы были вооружены. И они пришли за моей жизнью, что тоже не вызывало сомнений - обыскали лишь в мои вещи.
- Что будем говорить властям? - закончив обыск трупов, как бы мимоходом спросил Ронич. - Не очень-то и хочется объяснять, откуда у меня пушка...
- Что ты предлагаешь? - с любопытством разглядывая барахло из карманов убийц, поинтересовался я.
- Есть у меня ребята... здесь неподалеку. Они могут все устроить... за небольшую услугу.
- Деньги у меня есть, - не слишком решительно выдал я.
- Не думаю, что их заинтересуют деньги... Впрочем, вряд ли у тебя возникнут сложности с тем, чтобы их отблагодарить.
- Ну и хорошо, - облегченно вздохнул я. - Зови.

Ронич ушел, заперев за собой дверь. А я остался один в обществе двух мертвецов.

Их лица не были мне знакомы. Ни их одежда, ни вещи из карманов, ни оружие ничего не сказали о тех, кто послал этих людей. И это заставляло волноваться. Мог сходу назвать пару влиятельных организаций заинтересованных в моей смерти и имеющих возможность осуществить задуманное. Не говоря уж о том, что не слишком-то верил в искренность Совета директоров банка. А я еще вляпался в темное дело с ядерной атакой. Так и не смог решить, зачем же военная разведка позволила меня оживить, и почему Совет на это пошел. К тому времени, как Арт вернулся, я ни к какому выводу так и не пришел.

- Пойдем погуляем, - деловито позвал меня приятель. - Ребята управятся без нас.

Я послушно вышел. Ронич отвел в пустую сумеречную столовую, усадил за стол в самой середине и даже принес бутылку водки со стаканами.

- Куда они денут трупы? - вяло поинтересовался я, болтая в стакане бесцветную жидкость.
- Уберут... - отмахнулся Ронич. - В нашем бардаке, это не такая уж и проблема.
- Бардак... - задумчиво повторил я. - Им не составило большого труда проникнуть на территорию школы.
- Для профессионала не большой труд забраться и в более охраняемые места, - пожал плечами Арт.
- Профессионала? Например, для кого?
- Киллеры, агенты спецслужб, командос... хотя на командос эти не похожи!
- Кем же они могут быть?
- Киллерами... Тебе виднее!
- Или агентами?

- Врядли... Впрочем, я попробую разузнать, если хочешь.

- Очень хочу.

Наш разговор прервал человек одетый в точности так же, как и те два дохлика. Холодный пот собрался в лужи между лопатками, но Ронич даже не шелохнулся.

- Де Кастро? - хрипло и тихо спросил незнакомец. Дождавшись утвердительного кивка, продолжил:

- Любой человек, показавший вам такой знак, может рассчитывать на помощь? Ведь так!?

Я еще раз кивнул, и человек с повадками черной пантеры ушел. На столике передо мной остался лежать листок с нарисованной от руки трехсторонней свастикой.

- Что это значит? - устало, спросил я Арта.

- Не знаю, - равнодушно отозвался тот. - Какой-то знак...

Я пил водку и пытался понять, в какую выгребную яму залетел теперь.

3

Битва фантазий. Курсант-2

На следующее утро тихая размеренная жизнь маленького английского городка, а следом и нашей школы, полетела ко всем чертям. Из Большого Лондона хлынули толпы беженцев. В ту ночь, когда Ронич ликвидировал угрозу в нашей комнате, Берлин подвергся ядерной атаке красных. Огромный, семнадцати миллионный город перестал существовать. Центр, вместе с его древними памятниками, дворцами, музеями, галереями и публичными домами, превратился в разбросанные по окрестностям светящиеся в темноте камни. Краины получили такую дозу радиации, что выжить смогли только крысы, пауки и тараканы.

Как всегда болеющие с похмелья курсанты, угрюмые инструкторы и даже воняющий женскими духами начальник по прозвищу «задница» с самого утра собрались у большого экрана галовизора в офицерском клубе и пялились на здорово приукрашенные, но от этого еще более страшные кадры новостей из Германии. И пока с экрана на нас тарачились, бодро ползающие по раздутым смертью и жарой трупам насекомые, а мы в тягостной тишине глядели на них, небольшой городок Ху наводнили лондонцы.

Был самый разгар лета. Стояла испепеляющая мозги жара. Ветер отказывался работать, и на небе не было ни единого облачка. Лианы, заполонившие парковые и садовые деревья, свернули листья в трубочки. Ростки остальных деревьев повернулись к осатаневшему солнцу ребром и тени почти не давали.

Пыльные, грязные папаши носились по улицам городка, выискивая или выпрашивая у местных всякое барахло пригодное для постройки временной хижинки. Случались драки из-за куса пластика или мотка проволоки. Всем казалось, что эти разнокалиберные постройки - только временно. Казалось, что пройдет два-три, ну максимум шесть месяцев и все вернется на прежние места. Приближающийся сезон дождей никого не пугал, осень и зима в тропической Южной Англии всегда были мягкими.

Некоторые курсанты пробовали помогать в постройке хижин, но обычно только мешались и к

обеду уже почти все собрались в баре. Мне пить не хотелось. Я ушел в сортир, через окошко вылез на улицу и, придерживаясь тени, ушел на берег моря.

Теплые волны моря вяло накатывали на пологий берег. Говорят, что очень давно, будто бы тысячу лет назад, берег был на десяток километров дальше. Говорят, что на северном и южном полюсах планеты когда-то были навалены дикие количества замерзшей воды. Потом какому-то умному человеку пришла в голову идея создать парниковый эффект. Лед растаял. Англия, Скандинавия, Канада, Аляска, Россия попали в пояса тропиков...

Я разулся, закатал до колен брюки, вышел в полосу прибоя. Я специально ушел от Ронича. Я начал, после этого случая в нашей комнате, его опасаться. Стал более внимательно слушать его рассказы, пристальнее смотреть на его манеру держаться. Вдруг оказалось, что человека, которого очень долго считал приятелем, вовсе не знаю. Стал замечать, что Арт Ронич обладает навыками, которыми ну ни как не должен был обладать. Он и слова-то произносил как-то не так.

Впрочем, мне он зла не желал. Иначе зачем ему было спасти меня от верной гибели? Скорее он был приставлен кем-то, чтобы оберегать от неприятностей. Я не был против этого. А даже прямо наоборот, но этот человек набивался в друзья!!!

Я сел на сырой от брызг камень и, разглядывая мутную от взбудораженного песка воду, разработал некое подобие плана. И я так увлекся этим, что когда вышел из задумчивости и поднял глаза, то прямо на самой середине залива меня поджидал сюрприз: Почти все пространство причудливо изрезанного фьорда занимал десантный флот, а над этим колоссальным скоплением кораблей парил целый рой штурмовых глайдеров и транспортников.

Корабли могли оказаться и вражескими так, что пока не разглядел флаги АДС, я испытал несколько весьма неприятных минут.

Армада могла собраться в заливе для абсолютно любых целей, но я почему-то сразу решил, что флот пришел издалека и вот-вот начнется высадка. Я поудобней, насколько было возможно уселся поудобней на сыром валуне, устроился и, хотя солнце уже перевалило середину неба, принялся ждать.

Ни куда не торопился. Побродив по теплому песку в полосе прибоя, я принял решение, должное который уже раз перевернуть мою жизнь. Взамен я должен был получить относительную безопасность от удара в спину. Я решил, что самое время доверить эту важную функцию наиболее агрессивной части государственной машины. И уже заранее представлял себе физиономии тех людей, кто так жаждал моей смерти, что даже не пожалели на это денег.

Сидел на камне, болтал ногами в воде и смотрел, как похожие на саквояжи десантные челноки отделяются от кораблей-носителей и под прикрытием штурмовиков движутся к берегу.

И вот несколько стальных монстров, каждый размером с трехэтажный дом, скрипнули днищами о песок. С шипением атакующей кобры огромные ворота открылись, упали рифленые трапы.

Я ждал организованных колонн, увешанных оружием и амуницией десантников или хищные пятнистые пантеры. Или, быть может, тяжелогруженные грузовики с надписью «боеприпасы». Но вместо этого, на песок Англии лихо выскочило несколько десятков обшарпанных машин с красными крестами на бортах. Их водители, не обращая на меня ровно ни какого внимания, вывели свои машины на возвышенность, и немедленно закипела работа. Прямо на глазах там были собраны купола тоже украшенные крестами. Заработала энергоустановка.

Тем временем челноки продолжали прибывать. Все больше и больше их выстраивалось вдоль берега. А те, что пристали первыми, все еще продолжали разгружаться. И делали это еще долго. Потому, что люди выходящие под жестокое тропическое солнце не торопились. Спешка им была противопоказана.

Люди шли и шли. Частью сами, части идти помогали. Некоторых несли на носилках санитарные андроиды. Белые, чернокожие, желтые, смуглые и альбиносы, все как один в кровавых бинтах. Волочащие раненые ноги, оберегающие забинтованные руки, с гримасами боли, со стонами... У меня перед глазами проходила целая армия искромсанных войной людей.

Между ранеными, с отчаянием и усталостью на лицах, суетились медработники.

На берег выкатилось несколько вагончиков полевых кухонь. Запах донесшийся до меня, однозначно говорил, что ужин вот-вот будет готов.

- Не уходи далеко, парень. Потерпи еще немного, - прикоснулся к моему плечу какой-то толстячек в белом халате.

- Ага, - кивнул я, тупо на него посмотрев.

- Ну и ладненько, - обрадовался тот. - Я пошлю кого-нибудь за тобой...

Один из транспортников, наконец, освободился и тут же отвалил. Место немедленно занял другой. Его стоянка оказалась настолько близко ко мне, что когда ворота распахнулись, пахнуло смрадом выворачивающим душу. Запахи крови, пота, людской боли и страданий смешались в ограниченном сталью бортов брюхе корабля.

Я не мог этого больше терпеть. Покалеченное непонятной войной человечество обтекало мой камень, а я сидел и, растирая слезы солонее морской воды, крыл матами всех гадов придумавших войны.

Когда полосатое, взрезанное несколькими слоями узких облаков, солнце коснулось горизонта, меня, почти сошедшего с ума от чужой боли нашел Ронич. Говорят, когда он привел меня в школу, я все еще продолжал что-то бормотать. А Арт готов был разорвать любого, кто посмел бы хихикнуть по этому поводу.

На следующее утро мы узнали от раненых солдат из вновь прибывшего конвоя, что красные еще неделю назад высадили десантную армию на юге Африки. Южно-Африканский военный округ к атаке готов не был. Спустя неделю красные были уже в Танзании.

Нам с Артом пришлось ждать в тесном чулане для матрасов и рваных подушек часа два пока «задница» не ушел со своим новым мужчиной. Потом, я с непривычной дрожью внутри, а Арт внешне совершенно спокойно, размяли затекшие члены и взломали двери кабинета начальника школы. Нам нужен был образец подписи и личный код нашего командира. И то и другое мы легко нашли на столе среди бумаг.

Я подсвечивал фотонным фонариком, а Ронич тщательно сфотографировал факсимиле.

Мы вернулись в нашу комнату, даже не потрудившись как-то скрыть следы взлома. Предстояло самое трудное из намеченных на этот вечер предприятий, и мы пришли к себе сменить кассету в фотоаппарате.

Еще в конце дня я попросил одного покладистого, к тому же испытывающего некоторые

финансовые затруднения, парня присмотреть за комнатой нового друга командира. Парень оказался добросовестным, а после того, как из моего кармана в его переместилась стокредитовая купюра, стал обладать еще и удивительно плохой памятью.

Наблюдатель сообщил, что примерно минут за десять до нашего появления в комнате активного педика перестали звенеть бокалами, прощуршали одеждой и погасили свет. Это значило, что мы пришли как раз вовремя.

Пока Ронич возился с замком, я успел хорошенько приложиться к бутылке. Потом, занялся подготовкой фонаря, а Арт бутылкой. И, наконец, мы были готовы. Я поднял лампу, Ронич приготовил камеру и поднял ногу.

- В задницу, - скомандовал я. Ронич, что есть силы пинанул дверь, и мы ввалились в комнату. А там любовники пребывали на грани самого сладостного, по их мнению, момента.

- Не отвлекайтесь, - посоветовал я, глядя на их вытаращенные от страха глаза и в тоже время старательно высвечивая приятелю самые пикантные моменты.

Через пару минут мы, весело гогоча, мчались в городок к знакомому Арта. Знакомый пообещал нарисовать почти настоящий рапорт «задницы» к вышестоящему начальству. Этим документом начальник - педик униженно просил досрочно присвоить отличникам школы, героям Бертрану Кастру и Артемию Роничу офицерские звания. Пленка, которую мы засняли в комнате «голубых» должна была гарантировать, что командир от состряпанного рапорта не откажется.

Пока горбатый специалист по подделкам документов и неожиданно оказавшийся осведомленным в этом многотрудном деле Ронич готовили инструменты, я сел к компьютеру и составил еще один рапорт. На этот раз от себя лично.

Дело в том, что я решил стать командос. Во-первых, размышлял я, спецслужба, которой подчиняются полки особого назначения - это государство в государстве. И вставая в их ряды, я оптимально защищался от происков этого самого государства. С другой стороны, в случае если покушавшихся на меня киллеров подослали банкиры, вся машина государства прикрыла бы от следующих покушений. И еще я, не особо сомневаясь, отметил знаком плюс свое офицерское звание в совокупности с крупным капиталом. Мне казалось, что обладание этим комплексом обеспечивает прямую дорогу в высшие круги, а значит можно было забыть о страхе новой командировки на фронт.

Это плюсы. А минус заключался в том, что служба командос опасна и трудна. Даже не смотря на все деньги, меня могли послать на опасное задание...

Впрочем, посчитал я, всегда больше нравилось самому бить из-за угла, чем быть чьей-то жертвой.

Текст рапорта я придумал давно, и поэтому его распечатка не отняла много времени. Горбун, не пожелавший представиться, с Артом только-только успели приготовить негатив снимка факсимиле и закрепляли его на установленном под прозрачным столом фонаре. Когда все было готово, и фонарь зажгли, а на стол положили лист бумаги, там проступил четкий образец подписи шефа училища. Горбуну лишь оставалось обвести чернилами выступивший образец. Точно так же на пластик перевели и личный код командира. А потом на уже подписанную бумагу впечатали придуманный нами рапорт.

Я запечатал оба документа в конверты и, вернувшись в административное здание, добавил к почте приготовленной к отправке. Потом мы отправились спать. Дело было сделано.

- Куда вы хотите деть пленку? - нервно спросил поджидающий нас в нашей же комнате курсант-педик.

- Убирайся отсюда, - выразительно постукивая кулаком о ладонь, заявил Арт.

- Ты все провонял здесь своими погаными духами, - брезгливо поморщился я. - Пшел вон, гомик!

- Шеф хочет знать, куда вы собираетесь деть пленку, - взвизгнул голубой.

- Передай «заднице», что мы готовы подарить ему эту пленку на память...

- После того, как станем офицерами и свалим отсюда, - уточнил я. - И пошел вон!

Нам пришлось с полчаса проветривать нашу комнату, пока запах сладких женских духов перестал шибать в нос.

Бюрократы и мелкие чиновники обожают героев. Это именно для них первые полосы газет и журналов забивают аршинными заголовками типа «Один против тридцати танков». Только эти люди, знающие все, что только можно о бумагомарательстве, выясняющие настроение шефа по тому, как он подколол скрепкой документы, верили в героев.

Армия на треть состоит из бюрократов, которые не меньше, а может и больше гражданских, обожают героев. Они почему-то чувствуют свою сопричастность...

В общем, это я к тому, что наши документы ни где преград не знали. Дня через три в училище пришел приказ, согласно которому нас с Артом вызывали в Реденг, где располагался штаб округа. Нам предлагалось прихватить с собой вещи, а документы послать с курьером. Все говорило о том, что в школу больше не вернемся. Так оно и вышло.

Почти целый день бюрократы жали нам с Роничем руки, просили автографы и отдавали честь. К концу дня я чувствовал себя словно лимон попавший в соковыжималку. Во всяком случае, выражение лица у меня, по словам Арта, было такое же.

Чтобы хоть как-то сгладить впечатление от тяжелого дня, а заодно отметить новенькие лейтенантские погоны, мы взяли с собой в номер гостиницы несколько бутылок. Смышленный коридорный быстренько сбежал в ближайший магазинчик за закуской.

Ронич выдвинул журнальный столик, я присовокупил пару кресел. Протерли стаканы салфетками, разлили добычу и уселись. Плоские прямоугольники погон с тремя серебряными звездочками на каждом, кучной лежали между другими предметами нашего натюрморта. В пузатых стаканчиках дрожала от работавших в подвале автономных генераторов бесцветная жидкость по имени водка. Напротив сидел человек, спасший мне жизнь, а я, глядя на жилистые, с набитыми костяшками кулаков, руки, раздумывал, как бы побыстрее спить приятеля и выведать, что он там от меня скрывал.

- За что? - отрывая донышко рюмки от столика, нерешительно спросил Ронич.

- За Удачу?! - предложил я, подняв свою.

- Пойдет, - кивнул, улыбнувшись, Арт.

Мы звонко чокнулись, выдохнули и опорожнили емкости. Ронич вцепился зубами в толстую, с

палец толщиной, плоть помидора, а потом принялся шумно высасывать сок. Я не разделял его любовь к овощам-мутантам и предпочел закусить горькую хрустящим маринованным огурчиком.

Вторая рюмка пошла под «за здоровье», а вместо того, чтобы звякнуть третьей, мы чокнулись овощами.

Пьяное веселье незаметно заползло в уставший за день мозг. Смех вызывали даже старые, бородатые шутки и анекдоты. Как-то незаметно разговор переключился на работу спецслужб. Я не замедлил выдвинуть тост за славных шпионов, стукачей и слухачей, оберегающих нашу безопасность. Ронич судорожно дернул головой, но выпил.

И надо же такому случиться, именно в этот момент сигнал нашей двери сработал. Слегка покачнувшись, Арт пошел открывать и вскоре вернулся с уже знакомым мне Игорем Танкелевичем. В руках низкорослый банковский служащий держал полутора литровую емкость украшенную впечатляющей этикеткой. «Спирт-96,6». Такого я еще не пил.

- Меня просили передать, что они... - Игор неопределенно ткнул куда-то за спину, - присоединяются к вашему тосту! И прислали презент, - угрюмо заявил банкир.

- Так они нас... - воскликнул Ронич и оглянулся.

- А как вы хотели, - развел руками Танкелевич. - Этот человек теперь будет всегда в зоне повышенного внимания.

Банкир посмотрел на меня. Я почувствовал, как губы сами собой разъезжаются в улыбку. Почему-то меня вовсе не смутил факт нашего прослушивания. Льстило, что ли? Как доказательство собственной значимости.

- Ты бы представил приятеля, что ли, - сказал Арт уже гораздо спокойнее. Мое хорошее настроение на него повлияло.

- Конечно, - легко согласился я. - Это Игор Танкелевич, старший управляющий Азиатского Земного филиала Всеземного Федеративного банка...

- Извините, сэр де Кастро, - неожиданно перебил меня банкир. - После, с вашей помощью, удачно заключенного контракта с правительством, меня повысили и теперь я управляющий всего Земного филиала...

- Это стоит отметить! - обрадовался Ронич, мигом выставил третью рюмку, налил и сунул ошалевшему Танкелевичу. Естественно сие произведение завершилось генетически измененным помидором. Игор помедлил секунду, сел рядом с нами, положил томат на столик и взял огурец. Моя взяла, и я торжествующе показал Арту язык. Банкир вытаращил на глаза и открыл рот.

- Выдохни и выпей! - скомандовал Ронич.

Игор послушно выпил, и мы от него не отстали.

- А это, - продолжал я представлять, - Арт Ронич, лейтенант... с сегодняшнего дня, Армии Демократического Содружества...

- Тоже, вроде как, повод, - вдруг выдал Игор, поставил свою рюмку рядом с нашими, и хитро

подмигнул.

- Окей, Игор, - засмеялся Ронич. - Давайте выпьем за это и будем на «ты».

- Но, сэр де Кастро, мой... хозяин... - попробовал возразить Игор, но мне некогда было его уговаривать. Прищурился один глаз, я, старательно прицеливаясь, разливал остатки водки из первой бутылки по стаканчикам.

- Плевать... валяй, - не отрываясь от ответственного дела, разрешил я.

- На брудершафт будем пить? - как-то уж очень пьяно, хихикнул Ронич.

- Нет, - отверг я домогательства приятеля.

- Не будем, - поддержал меня Танкелевич. - Я с мужиками целоваться не буду!

- Аминь, - подвел итог Арт и поднял стакан.

Оказывается, чтобы выпить тридцать грамм водки нужно всего девять секунд. На десятой, рюмки уже стояли прижатыми попками к столу.

- Кстати, я пришел тебя обрадовать, - морщась после выпитого, с трудом выговорил Игор. - Отмена всех налогов для банка увеличила твою долю до 15,07%.

- Здорово, - вяло отмахнулся я.

- Что это значит? - нахмурился Арт.

- Это значит, что наш приятель Барт, может нас с тобой пару сотен раз купить и у него еще хватит денег на флот из атомных крейсеров.

- Кто самый богатый, тому и бутылку открывать, - не моргнув глазом, заявил Арт. Мне пришлось братья и за это дело.

- Зачем мне эти деньги, если должен бутылки открывать... - горько сетовал я, срывая пломбы с пробки, - лучше быть просто солдатом или банкиром каким-нибудь...

- Не скажи, Берти, - засмеялся Игор. - Ты тоже не плохо устроился.

Пробка звонко хлопнула и слетела, попав в плечо банкира. Это вызвало новый приступ смеха и тост «за меткость». Потом снова вспомнили о моих богатствах и за это тоже выпили.

- Да, вот если бы не война, - неожиданно заявил Ронич. - Мы бы никогда не встретились. Ты бы, Игор, так и был бы банкиром. При встрече даже и не подумал на меня посмотреть... А ты, Берт... А кстати, кем бы ты был, если б не война?

- Банкиром! - хмыкнул я. - Модная профессия!.. А ты, Арт?

- Не знаю... - загрустил Арт. - Бродягой, наверное...

- Я бы с тобой побродил, - успокоил я приятеля.

- А я хотел бы свой публичный дом содержать, - пьяно икнув, поделился Игор. - В каком-нибудь порту...

- Вхожу в долю! – воскликнул я. – После победы нужно будет заняться.
- Я ваш первый клиент, – обрадовался Арт.
- Тебе, как герою, бесплатно! – совершенно серьезно пообещал Игор. – И как собутыльнику.
- Тогда захочется там, насовсем остаться... – решил напугать нас Ронич.
- Оставайся, – великодушно разрешил я. – В нашем публичном доме всегда для тебя место найдется.
- За победу! – радостно заверещал Ронич и поднял рюмку. Не отставать же было от него...
- Нужно будет только девок хороших подобрать, – развил тему, энергично помогая себе руками в попытке показать смысл слова «девка», Игор. – Разных. Желтых, красных, черных, белых...
- Зеленых и оранжевых в крапинку, – заржал Ронич. – Я берусь за раскрашивание!
- Черных не нужно, – авторитетно заявил я и заметил одобряющий кивок Арта. – Ни чем они от остальных не отличаются... Была у меня как-то...

Последовала серия рассказов о любовных приключениях, которую мы изредка прерывали на то, чтобы выпить. И благодаря этому уже скоро плавно перешли на спирт.

Не помню, у кого первого появилась идея отправиться на розыски подходящих для нашего будущего дома терпения девиц. Но едва возникнув, эта мысль разом захватила разумы всей честной компании. Мы немедленно принялись собираться, попутно строя планы о том, в какое место отправимся. И здесь неожиданным знатоком показал себя Игор Танкелевич.

То обстоятельство, что в солидной спиртосодержащей бутылки жидкости еще плескалось более чем достаточно, нас не смутило. Банкир немедля сунул емкость в боковой карман пиджака. Он очень нелепо выглядел – маленький человечек с большой бутылкой в кармане. Пришлось Игору снова расстаться со спиртным, чтобы влить понемногу в наши давящиеся смехом глотки.

На голос, вдруг загремевший из развешанных по всему городу репродукторов, мы сначала и внимания не обратили.

- Воздушная тревога, – между тем надрывался репродуктор. – Всем, всем, всем. Воздушная тревога. Рекомендуются укрыться в убежищах...

- Да чтоб его.., – предельно зло и очень грубо, неподходяще для своего имиджа банковского служащего, выругался Танкелевич.

- Пойдем?! – позвал я, вставая.

- Черта с два! – заорал, вращая глазами, маленький человечек. – И шагу не сделаю! Я плачу эти чертовы налоги, так пусть они хотя бы позаботятся о нашей безопасности!

- Садись, – спокойно предложил мне Ронич. – Чему быть, того не миновать...

Игор продолжал ругаться, но я его больше не слушал. Я смотрел в окно, надеясь что ли, увидеть черные точки ракет. И чувствовал, как хмель нехотя отступает во мне под натиском холодного липкого страха.

Садануло где-то так рядом, что окна жалобно затрещали. Запричитал сквозняком в приоткрытой форточке пронсящий мимо порыв ветра. Чахлые деревца вытянули тощие ветви вдоль асфальта...

- Отбой воздушной тревоги... - недовольным тоном выговорили динамики, а темное небо продолжало вспыхивать краткими зарницами далеких молний. И, наконец, новый порыв ветра принес крупные капли дождя.

- Они спутали бомбы с грозой!? - не вполне уверенно предположил как-то присмиривший банкир.

- Наливай, - хрипло выговорил я.

- За что? - спросил Ронич, проворно потянувшись к бутылки.

- За войну!

- Пошел в задницу, - капризно сказал я в ответ на наглое беспокойство плеча и гудящей от выпитого головы. - Приходи завтра.

Наглец и не подумал отвязаться.

- Руки выдерну! - мрачно пообещал я и с помощью непослушных, дрожащих рук разлепил веки.

Рядом, в позе крайней нерешительности, стояла страшенькая девушка. Ее и без того не блестящую фигуру еще больше портила нескладная военная форма.

- Ну? - проглотив противную на вкус слюну, поинтересовался я. То, что я валялся на смятой постели в одних трусах, ни сколько меня не смутило. В отличие от нее. Но ведь, в конце концов, это же не я вломился к ней в комнату...

Я с трудом сел и оглянулся в поисках, сначала собутыльников, а уж потом штанов. Игор пускал счастливые пузыри, удобно расположившись на полу и положив под голову мои ботинки подошвами кверху. Арт спал на постели, но почему-то не вдоль, а поперек. Мои штаны обнаружились на торшере, но я, убей Бог, не понимал, как они там оказались.

- Чего уставилась? - неласково спросил я девушку. - Мужика не видела? Дай воды...

Курьер, а об этом явно свидетельствовал соответствующий шеврон на плече, сразу засуетилась. Большой стакан мутной от хлорки воды упал в желудок, оставив во рту лишь чувство еще более нестерпимой жажды.

- Еще есть? - тупо разглядывая пустой стакан, спросил я.

- В кране? - удивилась та.

- О боже, - застонал Ронич, переворачиваясь на другой бок и пытаясь устроиться поудобнее. - Дайте поспать...

- Еще принести? - шепотом осведомилась курьер.

- Ага, и побольше, - тоже шепотом разрешил я.

Девушка проворно, чем несказанно меня обрадовала, сполоснула пустую бутылку из под спирта, набрала в нее воды и отдала.

- Уф, хорошо, - выдохнул я, через силу отрываясь от холодного источника блаженства.

- Вы Бертран Кастр? - почти уверенно и более смело спросила девушка.

- Ты будила меня только чтобы это спросить? Ты бы еще поинтересовалась, почему это мне не спится в такое раннее время!

- Уже три часа дня по Европейскому времени и у меня есть для вас пакет! - твердо заявила курьер. Я почувствовал легкий укол совести, но не извиняться же было перед соплюхой.

- Вообще-то, в таких случаях положено представляться! - нравоучительно заявил я, кряхтя и запихивая ноги в брюки.

- Рядовой-курьер Пи Кархулаанен, - уныло выговорила девушка, а потом добавила и вовсе обижено:

- Вы тут спите кверху... Не... спине же было честь отдавать...

- Давай пакет, Пи, - тяжело вздохнув, сдался я и курьер немедленно вручила капсулу с приказом.

В документе говорилось, что просьба удовлетворена и я должен, как можно быстрее прибыть на военную базу «Лунный пес», имея при себе личные вещи и денщика. Месторасположение базы я должен был узнать в штабе округа, а солдата выбрать по своему усмотрению из рядового состава АДС.

Я сунул приказ в карман и, моля Создателя чтобы Ронич не проснулся, стал быстро собираться.

- Я могу идти? - проговорила Пи, когда я скидывал в сумку последние мелочи.

- Подожди.., ты в штаб? - еще не понимая чем это может закончиться, спросил я. И, увидев утвердительный кивок, предложил:

- Я на машине. Тебя подвезти?

И ни чуть не удивился, когда она согласилась.

Я легко, по описанию дежурного офицера, нашел помещения курьеров. Не спрашивая разрешения, вошел, отыскал глазами Пи и сказал:

- Пи Кархулаанен, теперь для тебя есть пакет!

Девушка быстро оправилась от удивления, подошла, взяла капсулу и вперилась глазами в напечатанный адрес получателя. Но там стояло лишь ее имя. А приказ, прочитав который она приглушенно вскрикнула, гласил всего лишь, что с момента прочтения поступает в мое распоряжение в качестве денщика.

Стратолет без иллюминаторов сел в незнакомом порту поздно ночью. Взлетное поле было освещено редкими и тусклыми разноцветными фонарями, а административное здание и вовсе обходилось без света.

Словно тень, выплывший из под крыла солдат в камуфлированной форме, молча отдал честь и жестом предложил следовать за ним. Привел нас с Пи к выкрашенной в какой-то темный цвет двери и, все так же молча, указал на нее. Нам ничего не оставалось, как войти. Солдат следом за нами входить не стал.

Неулыбчивый сержант с металлическими нотками в голосе велел Кархулаанен забрать вещи и идти в дверь направо, а мне обидно и больно всадил какую-то прививку в шею и, взяв за плечо, прямо-таки впихнул в дверь напротив входа.

За дверьми, которые за спиной сразу захлопнулись, оказался длинный коридор с зачем-то мягким, словно перина, полом. Сначала показалось, что с потолка доносится какая-то красивая мелодия, но потом, прислушавшись и ни чего не услышав, я решил, что это была не более чем разыгравшаяся фантазия.

Я спокойно пошел по мягкому, упругому полу, но такое необычное покрытие продолжало смущать. Я все время ожидал какого-нибудь подвоха и так был насторожен, что на самой середине коридора даже слегка оступился, чуть не упав. Обследовав пол на предмет причины и ничего не обнаружив, ухмыльнулся и списал все на так и не прошедшее похмельное недомогание.

Подбадривая себя шутками, прошел последние метры, отделяющие меня от двери в другом конце коридора.

На мой стук из-за двери не донеслось ни звука. Я толкнул оказавшуюся незапертой створку и вошел в заставленную столами комнату. Бегло осмотрев помещение, понял причину. В комнате не было ни единой живой души. Хотел было вернуться к неприветливому сержанту в приемную, но вместо этого обнаружил, что дверь через которую только что вошел заперта. Тень тревоги затронула душу. Я быстро прошел через лабиринт столов к другому выходу и убедился, что попал в клетку. Лишь приоткрытое окно в залитый солнечным светом сад изменяло всю обстановку в лучшую сторону.

Решив, что должен подождать кого-нибудь здесь, уселся на кресло у одного из столов, но долго не просидел. Тревога уже вовсю хозяйничала во мне.

Я поднялся и стал прохаживаться между столов. Внимание привлекли в беспорядке разбросанные по столам бумаги. Взяв несколько, обнаружил, что все они абсолютно чисты с обеих сторон. Полон недоумения, я разложил листки на их прежние места, пошел к облюбованному креслу и снова уселся.

И снова долго не усидел. Стало вдруг казаться, что я больше не один в этой странной комнате. То легкое движение воздуха у уха, то скрип пола за спиной навязчиво намекали, что сзади кто-то есть. Я, стараясь не нервничать, поднялся. Делая вид, что заинтересовался чем-то за окном, а потом резко обернулся.

Там никого не было. Но ощущение того, что «враг», а кто еще мог так издеваться надо мной, где-то рядом не проходило.

Мышцы поджались, волосы на загривке встали дыбом. Пришла в голову мысль, что попался в ловушку тех самых злоумышленников, что уже однажды приходили за моей жизнью. Утешало только, что в пустой комнате кроме меня не смогло бы укрыться более ни одного человека. Я готов был дорого продать свою жизнь.

Однако все еще смущали столы. Мне показалось неприличным раскидывать и крушить мебель

в поисках врагов. Я прошелся вдоль стены до угла, а потом снова резко обернулся, прижавшись спиной к стене. И снова сзади никого не было. Лишь слабый ветерок сдвинул несколько листков на ближайшем столе.

- Выходи, я тебя вижу, - тихо, стесняясь своего нерешительного голоса, сказал я. Слабый шелест листьев в саду стал единственным звуком, услышанным в ответ.

И все-таки я был уверен, что не один в помещении. Ярость и страх дикой смесью бурлили в венах. Чего больше всего не хватало, так это доброго глотка водки для прочищения мозгов.

Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия и единственным подходящим предметом оказался костяной нож для разрезания конвертов. Я надеялся, что он сможет разрезать и человеческую кожу. Зажав в кулаке оружие, я почувствовал себя значительно увереннее, и даже стал способен трезво мыслить. И без алкоголя голова стала работать неплохо. У меня появилась идея перехитрить невидимку.

Я покинул свой угол и, делая вид, что сам черт мне не брат, на негнущихся, слегка даже дрожащих ногах вышел на самую середину помещения. Нужно было выманить врага из его укрытия. Я думал, предполагал, что он обязательно поймается на провокацию.

Парой секунд спустя, решив, что невидимка уже занял свое обычное место за спиной, я пошел, наконец, к своей цели.

На одной из стен висело зеркало. Я, трепеща, чуть ли не бегом подошел к нему и вперился в свою собственную бледную рожу. Врага сзади не было и вместе с тем, чувство, что он вообще существует в этой комнате, покинуло меня.

- Паранойя, - пробормотал я и вытер покрытый холодным потом лоб. Я состроил своему отражению рожу и почесал костяным ножиком себе затылок. И даже принялся насвистывать какой-то мотивчик...

Тем более что к мотивчику вдруг появился ритм. Несколько человек уверенно шли, стуча подошвами по бетонным плиткам, которыми были выложены дорожки в саду. И шаги звучали все громче и громче. Люди приближались.

Я, нечаянно опрокинув стул, побежал к окну в надежде выяснить у прохожих, куда я попал и долго ли еще ждать. Побежал, внутренне опасаясь, что и эти люди окажутся невидимыми.

Троица одетых в «хамелеоны» камуфляжных костюмов командос существовали наяву. Лица были скрыты под тускло отблескивающими масками с прорезями для глаз и ртов, а в руках они держали короткие штурмовые винтовки с тупыми рылами глушителей. Я, вроде как, находился на базе спецвойск и появлению троих боевиков ни чуть не удивился.

- Эй, мужики, - обрадовано воскликнул я. Но это оказалось излишним. Они, оказывается, и шли по мою душу. Я представлял для них отличную мишень в окне и когда принялся еще и размахивать руками, они, должно быть, даже засмеялись.

Тело, начиненное адреналином и его приятелем тостастероном, среагировало быстрее чем я успел об этом подумать. Боевики еще только поднимали смертоносные ружья, а я уже, обхватив руками голову, сжался на полу.

Мириады смертоносных насекомых - пуль, сметая все на своем пути, ордой пронесли по опрятной комнате. Щепки от разрезаемых на части тугими свинцовыми струями столов, и

непорочные стаи бумаг взвились в воздух. Зеркало разлетелось на сотни тысяч осколков, которые вспороли обивку кресел. Светлые стены запятнали автоматные очереди. Хаос наполнил комнату.

Дважды боевики останавливали это безумие, чтоб вставить в винтовки новые обоймы. В минуты затишья я старался и вовсе не дышать...

В одну из очередных пауз я расслышал, что к двери кто-то подошел. Лишь миг понадобился, чтобы сообразить, что если это тоже враг, то смерть неминуема, как наступление ночи. И, как бы не боялся шевелиться в своем уголке, если не предпринял бы каких-либо действий, мне наступит конец. Мое тело, не смотря на все возражения рассудка, выпрыгнуло их безопасного угла.

Я схватил один из столов и швырнул его в оскаленное осколками окно. А потом, пригнувшись, ринулся к двери и вышиб ее плечом. Разрушение дверного косяка довершил град пуль пущенных мне в след убийцами.

Нужно было обыскать распластанного под вышибленной дверью человека, но боевики, чертыхаясь, лезли через подоконник в комнату и нужно было решать, что делать дальше. Слава Богам, Создатель не торопился еще списывать меня со счетов. У пришибленного обнаружился пистолет, а к поясу были прицеплены две гранаты. Правда, я успел позаимствовать только одну. И только для того, чтобы сразу бросить ее в безнадежно испорченную комнату. Оттуда, сразу после взрыва, послышались вопли. Ответили только два ствола.

Короткий коридорчик отделял меня от благословенного сада. Я уже собирался рвануть туда, но зашевелился хозяин взятого мной оружия. Враг не торопился лезть в проход, видимо прекрасно зная планировку здания, и у меня появилась минута на то, чтобы решить участь лежащего у ног человека.

Я не раздумывал и мига. И вовсе не смутило, что беру на себя функции судьи и палача сразу, не выяснив даже степень вины подозреваемого. Он тогда был препятствием на пути. Подняв незнакомца, я просунул руку под шею и с силой отпустил. Раздавшийся хруст ломающейся шеи унес душу несчастного на небеса. А я, не задерживаясь более, побежал в сад.

Вырвавшись из сумеречного помещения в ярко освещенный полуденным солнцем сад, мне понадобилось некоторое время, чтобы глаза перестали слезиться. И это время мне то же предоставили. Поджидавший убийца, видимо вылезший обратно через окно, полоснул из автомата, но в меня попала лишь каменная крошка выбитая пулями из стены. Я, как подкошенный, рухнул под куст сирени.

Валяясь под кустом, почему-то вспомнил одно из высказываний незабвенного капрала Ван Нитчена. «Война, – говаривал он, пиная наши торчащие из окопов головы в шлемах, – это, вонючий тир, где ты стреляешь по мишеням, а мишени, мать их, частенько дают сдачи!»

И одна из подходящих мишеней как раз появилась в дверном проеме. Точно так же, как я, несколько минут назад, он остановился и потянулся руками к прищуренным от яркого света глазам.

- Где он? - глухо из-под маски крикнул он напарнику.

- Вот он! - сквозь зубы выговорил я и спустил курок. Боевик отпихнул от себя винтовку и кувыркнулся в соседний от меня куст. У меня остался лишь один соперник. Восторг от

предчувствия победы уже переполнял меня.

- Все! - крикнул я, прикрывая рот ладонью, чтобы казалось будто голос доносится из-под маски. - Он готов. Иди сюда!

- Точно? Ты проверил? - недоверчиво пробубнил враг из-за зарослей каких-то цветов.

- Точно. Под сиренью прятался.

Последний боевик замолчал на минуту, а потом смело поднялся и, ломая кусты, двинулся ко мне. Оружие он повесил на плечо.

Тогда я тоже встал, спокойно прицелился и выстрелил. Когда стянул с его лица маску, на роже было нарисована высшая степень удивления, раскрашенная кровью из пробитого глаза.

Пистолет я сунул за пояс. Туда же поместил и пару найденных у боевика магазинов к винтовке. И снова скрылся в кустах. Мне очень важно было знать, кто же явиться на звуки перестрелки первым. Я имел все шансы узнать заказчика покушений.

И тут свет в глазах погас.

4

Война и трава. Командос

Очнувшись, обнаружил себя лежащим на мягкой чисто застеленной снежно-белой кровати в больничной палате. Спиной ко мне, слегка согнувшись, отставив ягодицы и поджав одну ногу, возилась с чем-то на столике Пи.

- У тебя хорошая попка, - хрипло выговорил я и прокашлялся, выгоняя из горла комок.

- Жить будет! - уныло констатировал кто-то из-за головы голосом Танкелевича. Повернув голову, его именно и обнаружил сидящим на приставленном к изголовью стуле.

- Что со мной произошло? - поинтересовался я, продолжая разглядывать занимающуюся своим делом Кархулаанен, и отмечая у себя появление эрекции. Это, последнее, яснее ясного говорило, что я в полном порядке. И еще больше удивляло место, в котором находился.

- Поздравляю, - все так же уныло заявил Игор. - Ты прошел тест на пригодность...

Я почесал саднящую после укола шею. Смысл происшедшего стал постепенно достигать разума.

- Так это было всего лишь гипнотест?

- Виртуальный бой, - подтвердил банкир. - Почему ты не сказал о своем переводе в командос?

Я хмыкнул, и отвечать не стал. Пи повернулась со шприцем в руке и я вдруг подумал, что, не смотря на веснушки и глуповатую мордашку, она все-таки очень даже ничего.

- Как мы будем следить за твоей безопасностью, если.., - тянул свое Игор.

- Так же хреново, как и раньше! - воскликнул я и сел. Комната поплыла перед глазами, но после виртуального боя я не слишком-то доверял глазам.

- Тебе разве не доложили, что двое ублюдков хотели свести на нет все усилия еще в офицерской школе!? Скажите спасибо Роничу, он спас мне жизнь...
- Уже сказали... - утешил собутыльник. - Мы ведем следствие...
- Пока вы вели бы следствие, меня сто раз уже грохнули, - возразил я.
- Ты уже один раз был мертвым, - напомнил Танкелевич. - ... Сам виноват в своих бедах! Зачем убил того негра?
- Да пошел ты... - отмахнулся я, переворачиваясь на живот, чтобы Пи могла вкатить инъекцию. - Скажи лучше, чего приходил?
- Сообщить, что твое состояние увеличилось, и что Правительство в обмен на долю акций готово похоронить дело об убийстве негра...
- Передай правительству координаты того места, где их всех хотел бы видеть, - закричал я. Пи именно этот момент выбрала, чтобы пырнуть иглой.
- Ты в плохом настроении, - сдался Танкелевич. - Все время перебиваешь... Совет директоров готов выбрать тебя Председателем, если откажешься от предложения Правительства!
- Замечательно, - ехидно заметил я. Очень уж нежно Пи втирала антисептическую жидкость в ягодицу. - И как же, по-твоему, я буду руководить?
- Это и я хотел бы от тебя услышать, - не менее ехидно выдал Игор. - Мы хотели пристроить тебя офицером в Генеральный Штаб, а ты...
- Ладно, - примирительно похлопал я по руке банкира, едва переварив услышанное. - Давай сюда компьютер.

Игор открыл кейс, ввел в компьютер все необходимые пароли и коды, и лишь после этого поставил мне на колени. Пока любвеобильный коротышка шептался о чем-то с все больше и больше смущавшейся Пи, я настучал доверенность на ведение дел, как Председателя Совета Директоров для Игоря Танкелевича. Хотел того собутыльник или нет, но пришлось защищать в Совете мои интересы.

- О чем это мистер говорил? - как бы лишь для того, чтобы разговор поддержать, невинно поинтересовалась Пи, когда Танкелевич ушел. - Какие-то банки, советы, капиталы...
- Он говорил, что твой прямой начальник один из самых богатых людей планеты, - тяжело вздохнул я и придвинулся ближе к стене, освобождая место еще для одного. - Ложись.

Пи снова покраснела, неторопливо затемнила окно, выключила освещение и легла.

Нескончаемым хороводом мимо плясали дни и ночи. Лето сменилось осенью, та зимой. Весной мы на месяц покинули учебную базу для полевых учений. Каждые три дня нас перебрасывали из одной климатической зоны в другую. Из зимы в лето, из джунглей в сердце бесплодных арктических островов, а оттуда в самый зной экваториальных пустынь, где величайшая драгоценность - обычная вода. Для меня, сугубо городского человека, было особенно тяжело.

Все обучение строилось на трех китах. Во-первых, большинство полезных сведений мы получали быстрым и не обременительным гипноспособом, а потом практически закрепляли

полученные навыки. Во-вторых, в нас прямо-таки вколачивали сладкое чувство уверенности в своих силах. Но, как продолжал повторять при каждом удобном случае наш инструктор, прячущий настоящее имя под кличкой «Красс», не абсолютное! И в третьих, вся система учебы здорово напоминала игру. Весь полк курсантов был разбит на двенадцать команд – рот и ежедневно на табло появлялись результаты вчерашних тестов каждой из них. Поблажек не имела, как команда-аутсайдер, так и чемпион, но чемпионом было быть почетно!

Конечно, стоит на минуту задуматься над этими «играми» и сразу поймешь, что они созданы искусственно, с целью внести в трудную учебу элемент азарта, но мы ничего не могли с собой поделаться...

Примерно раз в каждые две-три недели меня навещал Игор. Никаких глобальных новостей о моем положении он больше не приносил и появлялся обычно с горой бумаг, которые я должен был подписывать.

Пи Кархулаанен исправно следила за одеждой и согревала постель. В те часы, которые порой нам выделяли на личную жизнь, я пробовал с ней разговаривать, но очень быстро выяснил, что она беспросветно глупа. На все мои разглагольствования она отвечала молчаливой доброй улыбкой. Такой, с которой мамы глядят на спящее дитя. Сначала я смеялся, потом злился и в итоге привык. Эта улыбка почему-то разом снимала все напряжение и агрессию.

Когда вернулись с учений, на базе нас ждал неприятный сюрприз. Оказывается, пока мы отрабатывали проникновение на секретный объект противника в заполярье, красные прорвали линию фронта в Анголе и высадили десант в Колумбии. Полторы сотни недоучившихся командос с учебной базы близ Картахены двадцать ночей превращали жизнь оккупантов в настоящий ад. Комми пришлось вывести оттуда войска, а потом разбомбить оставленный город. Тем не менее, потери коммунистов в сотни раз перекрыли смерти курсантов. Командование АДС усвоило урок, и было принято решение увеличить количество полков командос в три раза.

Ввалившись в три часа ночи по времени базы, грязным, измотанным и голодным в свою комнату, я обнаружил двоих спящих в обнимку на кровати молокососов и Пи дремлющую в чулане. Я осторожно сложил амуницию в углу, разбудил девушку, вывел в коридор и уже там спросил:

- Они тебя обижали?

Пи покраснела, улыбнулась своей глуповатой улыбкой и ответила:

- Я очень рада, что ты вернулся, Бертран.

- Они тебя обижали!? - с трудом сдерживаясь от того, чтобы ударить, процедил я сквозь зубы.

- Нет, что ты, - округлила испуганные глаза всегда отлично понимающая мое душевное состояние Пи. - Они же шутили...

- Стой здесь, - привычно и быстро уняв рвущееся от ярости наружу сердце, сказал я. - И не смей никуда отсюда уходить, пока не разрешу!

Потом пошел обсудить проблему с уже выходящими из своих занятых комнат ветеранами. На нашем этаже жила только наша команда и мы быстро приняли решение: убрать.

Для начала мы вернулись в комнаты и вновь обрядились в комбу «хамелеон». И когда

выключили на всем этаже свет, окончательно превратились в снующие туда-сюда тени. Итогом нашей суеты стало перемещение всех чужих на пол в коридоре. В кроватках осталась только парочка в моей комнате. С ними был разговор отдельный, и с этим согласились все.

Дело в том, что пока мы изнуряли себя на многочисленных тренажерах, наши денщики жили здесь своей жизнью. И так уж получилось, что моя Пи стала им всем, в большинстве мужчинам, кем-то вроде сестры-советчицы по вопросам ведения домашнего хозяйства. Это ведь не я, Природа заказала женщинам заботу о семейном очаге. Обида, нанесенная моей добрейшей Пи, становилась обидой всей роте.

Все в мою келью не втиснулись, а те, кто все-таки попал, сгрудились столь тесно, что пришлось напомнить ребятам о виновнике этого «торжества». Некоторым пришлось выйти, чтобы впустить Пи, которая, не переставая, уговаривала нас всех не причинять вреда глупышкам. При этом она выглядела настолько встревоженной за судьбу молокососов, что даже сердце защемило, чему я, надо сказать, немало был удивлен.

- Вставайте, подъем! - сказал я, не сильно пиная спальную платформу. Новобранцы проснулись и сели, протирая глаза. Впрочем, потом им пришлось заняться глазами вновь, потому, что открывшееся зрелище ни как реальностью быть не могло. «Хамелеоны» десятка собравшихся ветеранов исправно повторяли окружающую обстановку и перед глазами юнош одновременно плавало десяток окон, шкафов и дверей.

- Слезайте, - стараясь говорить ровно, не срываясь на рев, командовал я. - На колени!

Окончательно ошалевшие новобранцы покорно выполнили приказ.

- Повторяйте за мной...

Парнишки дважды повторили извинение перед Пи, каждый раз существенно дополненное ветеранами. Потом ребяташки склонили головы в ожидании дальнейшей расправы и были быстро и безболезненно усыплены. Проснулись они утром уже в коридоре.

Участь обнаружить комнаты занятыми в ту ночь постигла весь наш полк. Не везде с захватчиками обошлись так же мягко, как это сделали мы и построенные утром на главном, парадном плацу, в каре все ждали реакции начальства. И она последовала, удивив нас всех. О ночном инциденте не было сказано ни единого слова.

Полковник зачитал приказ командующего о досрочном присвоении нам званий три-лейтенантов спецвойск и пригласил в течение дня явиться в канцелярию для получения предписаний о месте дальнейшей службы...

Одним из первых получив пакет, я вернулся в свою комнату. И застал там тех же самых юношей, снова донимавших, судя по сырым глазам Пи, моего денщика.

- А в одиночку ты тоже такой смелый? - хмыкнул один из них. Второй отпустил руку Пи и вытащил нож.

- Собирай вещи, - сказал я девушке. - Мы уезжаем.

А потом очень быстро, не тратя ни единой секунды, экономя драгоценное время, сломал четыре руки. Мои были дороги мне самому, а руки Пи были заняты сборами нашего с ней барахла и тоже остались в целостности и сохранности. Девушка укоризненно взглянула, но ничего не сказала. Через десять минут мы с ней уже ехали к новому месту службы.

В далеком сказочном детстве, когда жил в доме матери, у меня была собака. Она досталась мне уже будучи старой и умной. Пес никогда не грыз обувь, не портил обивку мебели и не бродил по дому с грязными лапами. Поэтому затравленная адвокатами отца по поводу развода мать ничего против пса не имела.

Я очень гордился своей собакой. Регулярно водил ее на прогулку по нашей тихой улице, чтобы сверстники и соседи могли нас видеть. Чинно пройдясь по параноидально чистой мостовой, мы обычно сворачивали в нищую рошу у оврага, где пес мог свободно задирать лапу или удобрять своим дерьмом и без того жирную почву. Мы сворачивали в переулок, пересекали пустырь и, наконец, попадали под сень истерзанных насекомыми дубов. Там пес поворачивал ко мне свою большую добрую морду и его глаза как бы спрашивали, а не пора ли отлить, хозяин?!

Точно такими же глазами на меня посмотрела Пи после пятиминутного общения с Луи Ченом, техником-специалистом моей группы. Он был способен справиться с любым мыслимым компьютером, водил любое транспортное средство, был спецом по части сигнализаций и очень любил всевозможных роботов и подслушивающие устройства. Однако, глядя на невинное, покрытое детским пушком лицо и широко распахнутые глаза о его способностях и помыслить нельзя было. Даже в сумрачном брюхе небольшого специального стратолета Луи продолжал возиться с нашим тактическим роботом-кентавром и с вмонтированным в его брюхо компьютером.

Миха Безденежных, судя по характеристике в его личном деле, был супер следопытом. Мне вскоре представился случай это проверить, и убедился в добросовестном отношении армейских чиновников в святом деле составления личных файлов. Вяло тянувшееся время полета в стратолете он занимал, показывая пилотам летающей машины балаганные фокусы. Итогом этого цирка стали переполненные сигаретами карманы Михи. Кстати, он не курил.

Последним членом моей команды был здоровенный негр из юго-восточной Африки, Ангудо Нимбомбе. У него было столько талантов по части применения всякого рода вооружений, и я здорово сомневался в том, что он приобрел эти навыки в школе спецвойск.

Мне дали первое задание. Сотни раз я выполнял различные миссии в тысяче разных частях света на тренажерах виртуалах. Но когда наконец-то получаешь свою команду, грузишься в матово-серый стратолет на секретной базе и летишь навстречу Судьбе, это нечто совершенно другое. Чувствуя, как подрагивает пол летуна, начинаешь вдруг задумываться, а не дурак ли ты. Какого черта сюда попал и каким ветром тебя несет в самое пекло выполнять не слишком вразумительный приказ чужого дяди.

Впрочем, все эти мысли почему-то попросту остаются в стратолете, а ты, сброшенный вниз, во тьму ночи, на одноразовом челноке, занят уже совершенно другими делами. Ну, например, поиском разумного компромисса между необходимостью выполнить приказ и спасти свою ненаглядную задницу.

Нас, как дерьмо из мусорного бака, вывалили в непроглядно-темную бездну. Несколько адски долгих минут мы сияли словно солнце на радарх туземцев и, поджав челюсти руками, чтобы зубы не так сильно стучали, ждали, когда нас разнесут в пух и прах первой попавшейся задрипанной ракетой. Одноразовые челноки – они и есть одноразовые. Сделанные из картона и пластика, они даже не подразумевали защиты от радаров.

Но чертовым туземцам на нас было просто наплевать. Наш челнок крепко плюхнулся в жирную грязь рисового поля. Которого, судя по имеющейся у меня карте, здесь вообще быть не должно. Радуюсь уже тому обстоятельству, что мы хотя бы живы, и стоим на поверхности

планеты, не обратил внимания на этот факт. Скорее выбил ногой одноразовый люк и выпрыгнул наружу.

Ни единая живая душа меня там не встретила. И, надо сказать, это здорово порадовало бы, если я способен был тогда об этом думать. Меня заботило совсем другое – штаны отягощенные фекалиями. Хотелось немедленно переодеться, но было стыдно показывать подчиненным результаты неодолимого приступа страха.

Оказалось, что зря беспокоился. Остальные вылезли следом и сгрудились у растворяющейся в жидкой грязи туши челнока, переминаясь с ноги на ногу с противным чавкающим звуком. И до тут же дошло, что есть, по меньшей мере, еще трое собратьев по несчастью.

- Десять минут на переодевание, – негромко скомандовал я и подал пример.

Вместе с нестерпимо воняющими штанами с меня снялись последние шоры романтики. Командос больше не казались мне такими уж супер героями, на которых хотят походить дети. Вся романтика обернулась четырьмя замаранными штанами.

- Чего уставился? Голых мужиков не видел? – услышал я голос Михи. Словно следопыт пробирающийся между кустов, бредущая среди клочковатых тучь Луна, высветила стоящего на узенькой дамбе парнишку и нашего бесштанного русского по колено в грязи.

- Мужиков видел, – рассудительно ответил совсем детским голоском местный. – Но от них пахло гораздо лучше.

Выговорив это, туземец спокойно повернулся и засеменил в темноту.

- Он же разболтает о нас каждому встречному! – выдохнул я, вспомнив какого черта мы вообще сюда заявили. Негр спокойно поднял пистолет с раструбом глушителя и мозг парнишки брызнул в свете любопытной Луны.

- Он забрызгал кровью мне комбу, – пожаловался Миха, стаскивая труп с дамбы.

«Это война», – сказал я сам себе и отвернулся.

Все изменила всего одна циферка. Всего на одну цифру в координатах ошиблись пилоты, а нам это добавило шестьсот километров пути. Благо, не пришлось все это расстояние топтать пешком. Мы расселись на ребристой спине киборга и, перебирая сквозь зубы все знакомые ругательства, потряслись на север.

Если когда-нибудь поймаю конструктора оперативного киборга командос марки 1198, обязательно припомню ему все наши неудобства. Начиная с того, что едва мы уселись, и Луи скомандовал «кентавру» трогаться, как эта придурочная машина совершенно неожиданно, распрямил не передние, а задние ноги. Мы дружно нырнули вперед носами. На этом наши неприятности не закончились. Из под универсальных ступней металлического скакуна фонтанами била жирная грязь с рисовых делянок. Даже когда рельеф стал меняться, душная долина осталась позади и появились редкие холмы, бездушная машина все равно выбирала путь в местах по грязнее. Винить этот безмозглый кусок железа в пренебрежительном отношении к нашему удобству было трудно – «кентавр» руководствовался в него заложенной программой и требованиями маскировки.

Я скомандовал привал, когда небо на востоке порозовело. Это была официальная версия. На самом деле мой пах совершенно вышел из-под контроля. Я боялся элементарно обмочить

вторые и последние штаны.

Киборг растянул тент под каким-то раскидистым деревом и разогрел нам питательные брикеты Ненарда. Но прежде чем сожрать по куску полу картонной питательной массы со стаканом эрзац кофе, мы дружно разбежались по кустикам.

Коричнево-зеленые, краснозадые обезьяны продолжали истошно вопить даже, когда мы укрылись под своим тентом. В итоге, мы просто привыкли и перестали обращать на макак внимание.

- Зря ты так... того парнишку, - вдруг заявил Луи, когда, насытившись, мы улеглись подремать. Странно было, что этот, с головой ушедший в компьютерный мир, человек вообще заговорил. Хотя, в общем-то, он ни к кому определенно и не обращался. Но еще больше потрясло, что Чен вдруг заинтересовался каким-то человеком.

- Я проявил инициативу! - усмехнулся в тридцать два белоснежных зуба здоровенный угольно-черный негр. - Умею быстро устранять угрозу!

- Были другие варианты... - на грани слышимости проговорил Луи и скрылся в распахнутой утробе кентавра.

- Ты хочешь сказать, что я тупой негр?! - повышая тон, воскликнул Ангудо и приподнялся на локте, но ответа так и не дождался. Чен снова потерял интерес к людям.

- Если бы ты не пристрелил щенка, - в неуклюжей попытке разрядить обстановку, произнес я. - Быть может, не пришлось бы теперь думать где найти проводника...

- Тот задохлик в проводники не годился, - авторитетно возразил Миха, сдувая капли пота с носа и русских усов. - Фу-у-у, какая духота...

- Хорошая погода! - снова повеселел Ангудо. - Совсем не жарко... Эти места должны принадлежать черным... Когда-нибудь вся Земля будет принадлежать черным!

- Если тебя не беспокоит, что место уже занято, то позволь оставить себе другим расам хотя бы космос, - хмыкнул Миха.

- Когда-нибудь... - снова завел свою песню негр, но я его перебил. Мне совсем не нужна была ссора в нашем маленьком коллективе. Генная сыворотка капрала Леви впрыскивала в рот нужные слова.

- Тем не менее, нам нужен проводник, а тот туземец наверняка хорошо знал местность!

- Нет, командир, - реабилитировал Ангудо Миха Безденежных, чем немедленно завоевал симпатии негра. - Нам нужно попасть в горы, а та грязная тварь - был житель долин. Рисоеды не любят горы...

- Я знал, что делал! - привычно оскалился стрелок. - ... Возможно, мы позволим остаться на Земле русским...

- Тогда твоего пра-пра-внука будут звать Ваней Сидоровым, - нейтрально выговорил Луи Чен и, не дожидаясь ответа, снова нырнул в потроха киберга. Дружбой народов в моей команде и не пахло. Тем более что и у меня язык чесался высказать все, что думаю о расовом вопросе.

Мы не перестреляли друг друга только потому, что на узкой тропинке через рощу, где располагалось наше убежище, появились чужие люди. Благо радары «кентавра» об этом предупредили заранее. Мы врубили «хамелеоны» на всю катушку и, подхватив оружие, рассредоточились вдоль тропы.

На шествие стоило посмотреть. Даже поганые мартышки, загадившие всю рощу, неожиданно притихли и чинно расселись рядами вдоль нависающих над тропой ветвях. По красно-бурой, вытопанной до твердости асфальта, тропе торжественно шествовало гуськом группа туземцев разряженных в ярко-желтые, канареечно оранжевые и огненно-алые бесформенные хламиды. Их головы были до синевы выбриты, а пальцы безостановочно перебирали камешки длиннющих четок.

- Командир, - раздался у меня в ухе, донесенный тактическим переговорником, шепот негра. - Почему бы нам не выбрать какого-нибудь из этих петухов в проводники?

- Тот, что идет последним, светлокожий, может оказаться горцем, - поддержал идейного противника Миха.

- Эти канарейки здорово смахивают на сбежавших сумасшедших, - засомневался я. Не очень-то мне хотелось возиться с идиотом.

- Это монахи, - отсутствующим тоном сообщил Чен. - Тропа ведет к их монастырю. Юг-юго-восток, три-пятьдесят семь.

- Безденежных! Монах может быть проводником?

- Если судить по тем, что живут у нас, в Сибири, в русских православных монастырях - вполне... Только я не вполне уверен, что это монахи. У комми религия под запретом.

- Бога очень сложно запретить, - философски возразил Луи, чем снова меня удивил. Я и не подозревал, что Бог мог проникнуть и в виртуальный мир.

Туземцы не торопились. К моменту, когда я выслушал все мнения, принял решение и отдал приказ, они едва прошли место, где скрывался Ангурдо.

- Ангурдо. Забирай последнего в этом стаде. Только без стрельбы!!

Бесформенной тенью, лишь слегка искривляя пейзаж «хамелеоном», негр скользнул из под куста и огромными прыжками догнал кавалькаду. Спустя минуту Ангурдо и его трофей уже нырнули в гущу джунглей. Потом из зарослей показалась чернокожая рука и остановила качающиеся ветки.

Монахи, или кем бы там они ни были, не моргнув глазом, продолжали свое торжественное шествие. Исчезновение их приятеля осталось незамеченным.

- Он кусается, как бешенный, - радостно пожаловался негр.

- Усыпи его, только постарайся ничего не ломать.

Мы лежали без движения пока бритоголовые не спустились с холма и не зашлепали босыми ногами по дорожке мимо рисовых делянок.

Тиаон Лиондисванон действительно оказался горцем, как и предполагал Миха. И буддийским

монахом, как говорил Луи. Правда, вот проводить нас по горным хребтам он категорически отказался. Монах клялся, что он из горного народа мео, словно это что-то нам могло сказать. Поэтому всем отговоркам, вроде тех, что будто бы мео буддизм не признают и его, как отступника от веры предков немедленно убьют, мы не верили. Ну, кто бы поверил этому щупленькому мужичку, что, в наше-то время, кого-то еще могут убить только за веру в другого идола. Смех!

Мои подчиненные принялись было с полной искренностью обсуждать методы принуждения, но на счастье для горца, наступил вечер и я приказал собираться в дорогу. Я опасался, что остальные монахи, обнаружив пропажу, отправятся на поиски брата и этим привлекут внимание властей. В мои планы не входило развязывание широкомасштабных военных действий в глубоком тылу противника.

Не очень-то и хотелось снова трястись на угловатой спине металлического «скакуна». Седалище все еще продолжало ныть после ночной скачки, и перспектива провести на нем еще одну ночь не прельщала. Я чувствовал себя плохо еще и от не проходящего ощущения грязи налипшей на руки. Казалось, что от меня разит потом за километр. Тем не менее, топтать пешком оставшиеся до цели мили и в голову не приходило. Как философски заметил мой русский, лучше плохо ехать, чем хорошо идти...

Человек стал человеком потому, что смог приобрести способность к приспособляемости. Когда мы взгромоздились на работа, выяснилось, что уже не так неудобно, как это казалось прошлой ночью. Луи что-то подрегулировал в утробе «кентавра», и ход нашего «коня» стал более плавным. Я даже уснул, облокотившись о спину сидящего впереди Чена. Он не возражал, а мне было наплевать.

И мне приснился мерзкий сон. Сказочные эльфы и прелестные феи разыграли самую, что ни на есть гадкую сцену из жестокого порнофильма. Присутствовали и однополая любовь и мазохизм, и садизм и прочие - измы. Фей трахали так, что их стрекозиные крылышки трещали, а маленькие шлюхи еще при этом сладострастно стонали и скалили мелкие ящерьи зубки. Эльфы в нелепых кожаных ошейниках, гномы с кривыми ножками и членами до земли, дюймовочка делающая минет небольшому дракону. Калейдоскоп извращений потряс даже привычную к оргиям душу. Я проснулся с гадостным привкусом во рту.

«Кентавр» стоял. Спеленатый в кокон и подвешенный под брюхом машины монах шептал какие-то молитвы. Ангудо и Миха спали. Причем негр отвесил огромную нижнюю губу и яростно сопел приплюснутым носом. А Миха удобно примостил голову на широком плече идейного противника и пускал ему на спину слюни. Чен, с помощью имплантированных ему в основание шеи разъемов, подключился напрямую к мозгу киборга, застыл в полной неподвижности и в реальном мире отсутствовал.

Робот, подогнув насекомьи ноги, стоял на самом краю обрыва. Вдоль края шла хорошо наезженная дорога, в тот момент пустынная. На другом, низком берегу не широкой бурной реки меланхолично трясли густыми головами залитые лунным светом пальмы. А дальше, за джунглями, темнели устрашающие громады гор.

Я взглянул на хронометр. Наступало утро, скоро должно было взойти солнце. Пора было искать убежище на день. Я похлопал по плечу Чена.

- Очнись, - тихонько, чтобы ненароком не разбудить пускающих счастливые слюни командос, проговорил я. Луи моргнул. Раз, другой и, лениво потянувшись, вытащил разъем.

- Ох, - жалобно выдохнул он.

- Давай перейдем реку, - все так же в полголоса скомандовал я. - Нужно искать убежище. Наступает день.

Луи дернул головой, что выражало у него согласие. Остальное человечество таким движением отгоняет надоедливых насекомых. Киборг плавно разогнул лапы. С негромким гудением включился антиграв, и мы одним прыжком взвились в воздух. После минутного полета конечности «кентавра» коснулись рыжего песка на другом берегу речушки.

- До цели сто два километра, - бросил через плечо Чен и направил киборга прямо в джунгли.

Лес знал о вторжении и противился ему. Настолько безумно, остервенело перепутавшихся лиан, кустов и деревьев я даже представить себе не мог. Двигатели робота выли. Шипели, взрезая сочную мякоть растений, плазменные резак. Пробудившиеся командос сопровождали ругательствами эту битву живого с неживым. Лицо Чена морщилось от натуги и переживаний за робота.

После получасовой баталии Луи выключил привод и угрюмо буркнул:

- Мы не Боги!

Не очень то я понял, кого он имел в виду. Нас всех, все человечество или лишь себя с «кентавром». Но согласился. За полчаса робот не пробился в джунгли и на десяток метров.

- Все. Привал, - угрожающе заявил я и взглянул на подчиненных. - В 13.00 выходим. И если... это! Будет мне мешать, я выжгу все горы дотла!

Я себе верил. По внешнему виду остальных путешественников понял, что поверили и они.

- И заставьте это... животное делать, что ему говорят, - махнул я рукой в сторону подвешенного туземца. Ярость поутихла, но мне нравилось это чувство. Чувство, словно я Царь Природы.

- Командир, - равнодушно, казалось вовсе не тронутый моими брызгами ядовитой слюны, обратился Чен. - Энергозапас нашего друга, - он погладил танталовую броню робота, - упал до минимума. На зарядку аккумуляторов уйдет не меньше пяти часов при солнечном дне...

- Ну, так займись этим, - рявкнул я. Луи пожал плечами, буркнул что-то вроде: «солнце еще не взошло» и скрылся за корпусом киборга.

Ярость больше не показывала носа, но гены привитые Леви требовали продолжения представления. Однако генам пришлось уняться. Негр и русский добросовестно, с помощью переносного переводчика, последний, сто первый раз, пытались уговорить горца стать покладистой и он, здорово напуганный моими рыками, уже вроде бы начал соглашаться. Луи умело и споро развешал по окрестным деревьям нити солнечных батарей, а потом снова ушел в любимый виртуальный мир. Оказалось, что только мне делать было абсолютно нечего.

Карту я знал почти наизусть. План операции конкретно на точке был разработан без меня и головами по умнее, чем моя. Я мог спокойно лечь досыпать, но после взбучки, которую устроил своим подчиненным, просто не мог себе этого позволить.

Почти живой, колеблющийся и неровный в густом воздухе Индокитая, раскаленной

сковородой, из-за горизонта выполз огромный диск солнца. Словно чудовищный колпак, светило залило землю теплом и ошарашенные, черные, непричесанные головы тонконогих пальм замерли в полном штите. Всего один час абсолютного мира, когда тигры не едят ланей, а пантеры не ловят обезьян. Когда макаки перестают возиться, а птицы гадить им на тупые головы. В джунглях наступило спокойствие.

- Командир, - шепотом, неуютно поеживаясь, словно хищник в окружении пищи, которую нельзя сожрать, доложил Безденежных. - Туземец согласился.

- Тем лучше для него, - громко сказал я и сразу наткнулся на испуганные глаза горца. Словно я, громким возгласом, мог разбудить спящее в лесу чудовище...

- Мы, люди, здесь повелители, - не менее громко сказал я и сразу же понял, что пробую лгать даже самому себе.

Ох, и глупо же выглядел Чен, замерев с выпученными глазами и с половинкой только что разогретого брикета во рту. Только ни кто из нас не засмеялся. Потому что, Луи сказал:

- Один человек. Идет вдоль реки. По нашему берегу. Прямо к нам. Восток-северо-восток, ноль, двести девять.

- Без суеты! - предупредил я командос, и тут же возникла самая настоящая суета. Ангудо и Миха кинулись натягивать на «кентавра» маскировочную ткань, но тянули в разные стороны и у них ничего не получалось. Негр и русский материли друг друга на родных языках и от этого злились. Дело пошло на лад только после вмешательства Луи. Потом под аккомпанемент все уменьшающихся цифр, которые докладывал Чен, мы метались в поисках брошенного как попало оружия и компонентов наших «хамелеонов». А пока незнакомец преодолевал последние пятьдесят метров, я лихорадочно расставлял подчиненных по позициям вдоль берега.

И вот мужчина, вторгнувшийся в наш тихий быт, показался в поле зрения. Он был одет в дешевый хлопчатобумажный серо-зеленый костюм. Такой, в котором по Европе ходят подсобные рабочие и заключенные. На голове человека восседала широкополая шляпа, дающая густую тень, совершенно скрывающая лицо. Ноги незнакомца, в отличие от монахов, небыли разуты. Их украшали здоровенные всепогодные армейские ботинки.

Поминутно останавливаясь, оглядываясь и сверяясь с какой-то мятой бумажкой, человек прошел мимо нас метров на сто. Там постоял несколько минут, неуверенно топчась на одном месте, а потом выбрал валун и сел. Достал дешевые сигареты, закурил и, пуская кольца сизого дыма, истязал наши мозги еще минут пять.

Наконец туземец выбросил окурки в реку, решительно повернулся и зашагал обратно. Точно напротив проделанного «кентавром» прохода остановился, еще раз сверился с бумажкой и тогда уже громко заявил:

- Я знаю, что вы здесь. Выходите, я свой.

Не знаю, как у других, а мои нервы загудели от напряжения, словно хорошо натянутые струны. Палец свело на спусковом крючке, а зубы выбивали португальские народные песни с кастаньетами. Если незнакомец вовремя не догадался продолжить говорить, и говорить как раз то, что было нужно, мерцающая СВЧ-излучением пуля в труху размолотила бы его череп и запекла мозги. Причем моя пуля вряд ли оказалась бы первой. Ни одному спецназовцу не понравится, что какой-то облезлый туземец запросто, по бумажке, с которой и в сортир не

сходить, находит группу в диких джунглях.

- Лейтенант Бертран Кастр и группа АКСАЙ-4А. Я знаю, что вы здесь... Я ждал вас выше по течению реки, а утром спутник засек ваш маяк. Меня послали проводить вас до Мэсалонга. Меня зовут Кхун Чиа...

- В радиусе полутора километров, кроме него человеческих существ нет. Средств маскировки нет. У него оружия нет. Скрытых систем наблюдения нет, - скороговоркой доложил Луи, но я и без этого уже принял решение. Те сведения, что за полминуты неумной болтовни выложил Кхун Чиа не знали даже ребята из моей группы, не говоря уж о краснопузых.

- Еще минуту и ты стал бы мертвым Кхуном, - заявил я, поднимаясь из-за какой-то поросшей мхом кочки. По виду туземца я понял, что он и не предполагал мое оттуда появление. Горец не видел позиций командос! Он руководствовался только сведениями со спутника. Сообразив это, я испытал немалое облегчение.

- Лейтенант!? - немедленно шагнул вперед проводник и почему-то сразу завел разговор о совершенном, по моему мнению, пустяке. - Тиаон Лиондисванон еще жив?

- Ангудо. Обезьяна еще жива? - с хохотом спросил я безжизненные на первый взгляд джунгли справа от меня.

- Ага, командир, - донеслось оттуда.

- Слава Богам, - шумно выдохнул Кхун.

- Он что, император коммунистической республики Таиланд? - равнодушно поинтересовался Миха, приподнявшись на локтях среди валунов на самом берегу, за спиной туземца. Надо сказать, это произвело впечатление не только на проводника, но и на меня. Момент, когда Безденежных успел перейти на новую позицию и там замаскироваться, совершенно ускользнул от внимания.

- Он буддийский монах! - очень важно выдал Кхун. - В этой стране можно убить императора, но монах - это святой человек. Вам не спрятаться от мести местных аборигенов, если с ним что-то случится.

- Мы не собирались его убивать или причинять вред, - солгал я, здорово напугавшись. Почему-то сразу поверил почти незнакомому человеку.

- В монастыре-то этого не знали, - туземец подошел ближе. - На наше счастье, я уговорил настоятеля не поднимать тревоги, пока с вами не встречусь.

- Ты, что? Рассказал им о нас? - угрожающе выкрикнул негр из своего укрытия. Он пока не торопился появляться.

- Они и без меня о вас прекрасно знали, - пожал плечами Кхун. - У этой земли миллионы глаз и ушей.

- Ну да Бог с ними, - закрыл я тему. - У нас нет времени возвращать им эту... человека.

- Дойдет сам, - отмахнулся горец. - Ему не посмеют причинить вреда... Ни кто, кроме вас.

- Ангудо, отпусти своего подопечного, - мягко приказал я негру. Спустя несколько минут

Тиаон, покачиваясь, появился среди зарослей. Кхун удовлетворенно кивнул, но я сразу понял, что он не особо-то верил нам. Даже увидев мео живым и без видимых повреждений, он все еще ждал подвоха. А я от него.

В нашей компании царил мир и благодушие...

Мы все любили и уважали друг друга...

- Можешь идти, - просто сказал проводник ошалевшему монаху.

- Иди, иди, - тоном, не предвещающим ни чего хорошего, разрешил негр и похлопал по кобуре крупнокалиберного пистолета.

- Или лучше беги, пока мы не передумали, - посоветовал я туземцу.

- Выше по течению есть брод, - любезно подсказал Кхун. - Ты его легко найдешь.

Лиондисванон неуверенно шагнул в указанном проводником направлении, обернулся, а потом видимо вспомнил мой совет и побежал.

- Надеюсь, он не станет рассказывать каждому встречному о небольшом приключении, в котором побывал, - выразительно посмотрев на Кхуна Чиа, сказал я.

- Нет, он не станет болтать, - уверенно заявил тот. - Уже вечером он попадет в поселок Чианграй, а там нечаянно съест ядовитую рыбу. К утру болтать будет уже некому.

- Ты что, Бог? - хмыкнул Ангудо.

- Нет, конечно, - тоже усмехнулся горец.

- Кстати, тебе уже давно пора признаться, кто тебя послал, - ненавязчиво напомнил я, подозрительно щурясь.

- Хорошо, - сдался тот. - Мое имя Кхун Чиа. Меня послал резидент Бангкогского отделения Бюро Стратегической разведки, чтобы я проводил группу АКСАЙ-4А в Мэсалонг. И если вы, лейтенант Кастр, хотите придти туда вовремя, я советую выступить прямо сейчас.

Возражений у меня не было. Мы быстро собрали амуницию, Луи закончил подзарядку «кентавра», Миха весьма эффектно даже по мнению туземца скрыл следы привала и мы вышли на неширокий речной пляж. Кхун шел впереди. Миха, которого я попросил присматривать за туземцем и за тропами, что тот станет выбирать, шел следом. Луи ехал на своем роботе, а мы с негром замыкали наш небольшой караван.

Метрах в трехстах ниже по течению сплошную стену непроходимых джунглей взрезало высохшее глиняное русло ручья. Знай мы о нем раньше, уже давно карабкались по горам и Кхун не нашел бы нас так легко.

Сначала импровизированная тропа, в изобилии усеянная следами диких животных и домашних коз, лишь слегка поднималась. Потом откосы стали выше, и дорога пошла гораздо круче вверх. Нам даже пришлось пропустить вперед киборга и идти сзади, держась за укрепленный на спине «кентавра» канат. А так как роботу было наплевать на комфорт, он шел довольно быстро, и приходилось резво переставлять ноги, чтобы не продолжить путь на брюхе.

- Скоро мы поднимемся на хребет, - утешил Кхун, обливаясь ручьями пота под жарким

солнцем, как и все мы. – Тогда идти станет легче и не так жарко.

– Жаль, – бравурно заявил негр. – Отличная погодка...

На черной коже струи пота было видно хуже, но потемневшая от влаги футболка под слабо мерцающим комбинезоном говорила сама за себя.

Скоро киборг и правда вытянул нас на вершину горы. Деревья там по ниже, да и росли не так густо. Идти можно было и, не придерживаясь троп. Ко всему, стало попрохладнее из-за поднявшегося ветерка. Лежащие у подножья душные влажные джунгли и оплывающая маревом плодородная долина, сверху казались просто адом.

Как не странно, но наверху, и чем выше, тем больше, тропинки встречались чаще. Порой мы проходили даже по краю небольших засаженных светло-зеленой порослью, а кое-где и цветущих ярко-алыми цветами, делянок.

– Опийный мак, – сквозь зубы, словно говорил о личном враге, объяснил Кхун. – Еще в прошлом году его было гораздо меньше...

– Спрос и предложение, – непонятно к чему сказал Луи.

– Я думал красные против наркомании, – удивился я.

– Мак сильнее идей, – пожал плечами Чиа. – Мак – это не только дурь, но и лекарство... А, кроме того, комми переправляют опий и героин в Содружество. Они считают наркотики оружием не слабее ядерного.

– Тогда почему мы проходим мимо и не выжигаем эту заразу? – равнодушно поинтересовался Ангудо.

– Этих делянок здесь миллионы... – ответил, горестно вздыхая, Кхун и снова пошагал вперед.

Тропа заторопилась вниз. Ноги дрожали, мелкие камешки так и норовили выскользнуть. Приходилось тщательно выбирать место, куда поставить ступню при каждом следующем шаге, а это здорово замедляло движение. Вверх мы карабкались быстрее, но, тем не менее, к ночи прошли две трети пути, а к четырем часам утра Кхун показал пальцем на слабо светящиеся огоньки Мэсалога.

Разглядывая ровные улочки аккуратного, почти европейского городка, я ловил себя на мысли, что он кажется удивительно знакомым. Казалось, что попади я на его главную площадь, обязательно бы знал, куда идти дальше. Вот только КУДА? Я раньше читал, что такое бывает. У этого эффекта даже есть какое-то свое название...

Я не стал забивать голову, вспоминая научные термины. Мне вполне было достаточно простого объяснения, придуманного сходу – возможно я видел этот городок в гипносне во время получения задания.

План был разработан до мелочей. План проникновения на охраняемую территорию. Далее следовало действовать по собственному усмотрению. Итогом должно стать полное, с исключением возможности восстановления, уничтожение комбината по производству болеутоляющих медикаментов в Мэсалонге. На гипнобрифинге особо отмечалось, что на скрытой под городком фабрике вырабатывают не только медикаменты, но и производят полную очистку опия с выработкой героина.

Впрочем, на героин командованию наплевать. Война это не только солдаты, танки, пушки и ракеты. Война – это еще и горы бинтов, антибиотики, болеутоляющее, тушенка, чистая вода, спирт, средство от вшей, зубная паста и еще один Бог знает сколько всяческих мелочей, без которых чумазой пехоте в окопах, а бравым пилотам в штурмовиках, воевать неудобно. По оценкам военной разведки, комбинат под Мэсалогном вырабатывал до 15% всех болеутоляющих средств краснопузых. И если мы перекроем этот краник, 15% раненых солдат комми станет совсем не до победы. Конечно, можно возразить. Вспомнить о принципах гуманизма или чего-то в этом роде. Не хорошо мол оставлять простых солдат без необходимого им укола. Но ведь ни кто их не просил устраивать мировую революцию и лезть освобождать остальные народы от «гнета капитализма». Чувство боли должно показать красным цену их пресловутого социального равенства.

Итак, план был уже готов. И это очень важно. Хуже всего, когда люди не знают, что же им делать в следующий момент. Тогда возникает хаос, неразбериха, а в итоге бессмысленные ранения или даже гибель. В армии такого быть не должно. В армии все должно быть по плану.

Нам предписывалось приступить к проникновению на фабрику с 14.45 до 15.12 любого дня. В случае если мы были готовы к атаке хоть на минуту позже, нам приказано было отложить мероприятие на другой день. Просто именно в это время у спутника-наблюдателя зона отличной видимости. План подразумевал, что после выполнения задания моя группа живыми вернется на базу. Командование должно с достоверностью в 100% знать, что операция началась. Это давало нам шанс уйти домой целыми и невредимыми.

Мы были готовы в 14.00, и пришлось лежать в чахлах кустиках у вентиляционной шахты еще три четверти часа, пока сателлиты выползут из-за гор. Зато, когда я скомандовал, наконец: «вперед», кто бы видел с каким желанием рванули ребята.

Киборг плазменными резаками, словно консервную банку, вскрыл увешанную сигнальными устройствами решетку. Потом из открывшегося брюха робота выстрелился трос, по которому сначала Ангудо, а потом и все остальные, спустились вниз. Замыкал, вернее попросту, будто пробка бутылку, закупоривал узкую шахту, наш «кентавр».

В этом были как свои плюсы, так и минусы. Например, пришлось вскрыть еще несколько решеток и дверец без помощи робота. Но вот мы вывалились в центральный воздухообменник комбината, где наконец смогли разогнуть наши усталые, от ползания по «кишкам» воздуховодов, спины. Мы проникли в самое сердце фабрики, а тревога так и не поднялась. Зато настроение устойчиво замерло на отметке «очень хорошее». Настал момент, чтоб открыть специальную дверцу в задней части робота и достать оттуда специальное оборудование, выданное нам для выполнения самого важного этапа задания. Дело в том, что стараниями господина Танкелевича, сделавшего все мыслимое и не мыслимое, чтобы облегчить мне жизнь, нам выдали четыре комплекта новейших бронекостюмов и четыре экспериментальных плазменных ручных излучателя. Эти, фантастически выглядывшие, полуметровые пушки из-за своей тяжести крепились к поясу, а стреляли ни чем иным, как шаровыми молниями. Только летящими быстрее пули. На глаза нам полагалось надеть специальные щитки, так как сияющие тысячами солнц взрывы могли навсегда сделать нас инвалидами. В седых, из-за специального покрытия, бронекостюмах, со щитками на лицах и притороченными к поясам пушками, мы выглядели весьма и весьма грозно.

- Вы знаете, что нужно делать, - изменившимся от внутреннего с трудом сдерживаемого восторга голосом воскликнул я, еще раз взглянул на выпучившего круглые глазенки проводника и ударом ноги вышиб тонкую жестяную переборку.

- Джамбо э багамойо! - завопил, ударяя себя по грудным пластинам, негр и ринулся на другую стеночку.

- Мать вашу, пере мать, - непонятно к чему с чувством произнес Миха, сплюнул на пол и распылил из своего орудия непонравившуюся ему преграду.

Луи молча взгромоздился на киборга и двинул машину с места. За него стрелять должен был робот. Для Луи Чена война - это компьютерная игра.

Все имели собственные цели и задачи. Луи минировал помещения, которые негр очищал от живой силы противника. Миха и Кхун должны были сначала уничтожить центр связи, а потом помочь Ангудо. Моей же целью был исследовательский центр. Головастики из управления по подготовке точечных операций предполагали, что там сопротивление коммунистов будет наиболее ожесточенным, поэтому, сделав свое дело, остальные должны были спешить мне на помощь.

Я вывалился из бака центрального воздухообменника прямо в цех укладки готовой продукции. Когда-то здесь почти не было людей. Вся трудоемкую и нудную работу выполняли киберы. Но ведь их нужно было чинить! А людям, чинившим роботов, всегда хорошо платили. Поэтому они ушли на Запад, вслед за отступающими войсками. Остановившихся без присмотра спецов, поломанных роботов легко и просто заменили пять сотен шустрых китайцев. Маленькие ростом люди проворно подхватывали капсулы с конвейера и вставляли в пластиковые стандарты. О стерильности не было и речи. Зато скорость упаковки вряд ли уступала той, что была в эпоху роботов.

Пока туда не попал я.

В задании ничего не говорилось о мирном населении. Но война есть война. Любое мирное очень быстро становится военным. Особенно, когда нужно уговорить самого себя. Восторг боя, упоение сверх силой и безнаказанностью очень быстро подсказали, что эти люди участвуют в производстве военной продукции, а значит являются врагами...

Молнии сразу же принесли чудовищные разрушения, вопли, стоны, кучу вывороченных кишок какого-то бедолаги и панику. Рабочие, среди которых были и женщины, ринулись к выходу, прочь. Но ворота небыли на это рассчитаны. Все это стадо суетливо размахивающих руками людишек, вопя от ужаса не хуже тех краснозадых обезьян, столпилось у узких ворот. Я представил себе, что нахожусь в тире, куда любил захаживать в молодости, и развлекался, расстреливая то толпу, то штабеля готовой продукции. Правда, потом вспомнил, что были еще дела в другом месте, но уйти не доделав работу уже не мог. Черная кровь фонтанами заливала серые стены цеха и мою броню. Крики китайцев раздражали уши. Я старался не двигаться с места, потому что слизь смешавшихся с пылью мозгов делала передвижение опасным. Я боялся поскользнуться и оказаться в положении Гуливера прикованного лилипутами к земле. И не оставалось ни чего другого, как тратить энергию плазмомета на то, чтобы убить всех.

Стих последний писк. Лишь покрытые металлом стены продолжали слабо гудеть и где-то вдалеке раздавались хлопки разрядов моих бойцов. Пора было уходить, но я, подчиняясь неведомому импульсу, остановился еще раз осмотреть поле боя.

- Просто большая гора поджаренного мяса, - проговорил я для себя, подрегулировал уровень кислорода в своем скафандре и отправился работать.

Чтобы попасть в лабораторный блок нужно было пройти немного по путям подземного монорельса. Однако когда вошел в туннель, выяснилось, что теперь это пассажирская линия. И

поезда летели не быстрее моих сияющих пулек. С громким треском лопалась керамическая обшивка магнитов и, пуская целые облака искр, цилиндры вагонов наполненные людьми, как селедкой, падали на пол. Жар стоял такой, что даже субброня потрескивала. Гидроприводы дрожали от напряжения, удерживая тело в вертикальном положении вопреки огненным ураганам. Эти несчастные в поездах даже не успевали вскрикнуть, мгновенно запекаясь в металлических кастрюлях.

Воздух наполнился гарью приправленной вонью горелого мяса и пластиков. Мне пришлось врубить систему химической очистки воздуха в скафандре, чтобы пройти нужные полсотни метров.

Плохие новости бегут быстрее хороших. Лаборатория оказалась закрытой стальными дверьми, а стоило расправиться с этим препятствием, как из-за импровизированной баррикады посыпался град пуль.

Я не знал где именно расположены хранилища информации, которую должен был забрать, поэтому, боясь ее случайно попортить, не хотел стрелять из любимшегося молниемета. Я, громыхая армированными подошвами, пересек небольшой зал и расчистил себе путь с помощью рук и ног. И мне это понравилось. Никогда еще не чувствовал себя таким могучим. Кости красных попросту ломались в ладонях. Ударом ноги я пробивал человека насквозь. Я не боялся перебарщивать. И не боялся испачкаться...

Вскоре ко мне присоединился Ангудо, а потом и Миха. Негр во всю, кроме кулаков, использовал пистолет. Миха, с чисто русской удалью, действовал обрезком железной трубы. Нам было немного тесновато в небольшом помещении, но зато, как же тесно было краснопузым!

Незащищенный доспехами Кхун, прятался за нашими спинами и, проявляя милосердие, добивал раненных.

Наконец, когда в почти опустевший блок въехал Луи, сопротивляться было уже некому. Только сотни обезьян в клетках, приготовленные для опытов, продолжали истошно вопить.

- Они меня уже достали, - зло сказал Миха и навел свою пушку на клетки.

- Оставь их, - Кхун взялся рукой за парящий ствол оружия командос. - Над ними и так здорово поиздевались эти... ученые.

- Ладно, - сквозь зубы согласился русский. - Проявим человечность.

- Борт 3-58 запрашивает лейтенанта Кастра, - вдруг раздалось в переговорнике. - Подтвердите посадку.

- О'Кей, парень, - облегченно воскликнул я. - Ждем тебя с нетерпением...

Космический челнок круто взмыл вверх, и нас вжало в кресла. И как раз вовремя. Внизу адским цветом расцветало облако чудовищного взрыва, унося к небесам останки сотен маленьких китайцев, обезьян вместе с их клетками, приборы, станки и само понятие - Мэсалонг. Поселок, так похожий на средний европейский городок, перестал существовать.

А где-то внизу, с безопасного обрыва, махал на прощанье рукой человек в дешевой одежде и соломенной шляпе.

Предпоследнее искушение. Командос-2

По возвращении мне, конечно же, повесили на мундир еще одну блестящую висюльку, добавили третью звездочку на погоны, я стал три-лейтенантом, и торжественно напомнили, что прошел ровно год, как подписал этот проклятый контракт. А значит, мне положен законный оплачиваемый отпуск. Правда, в тот же день выяснил, что число мест, куда можно было отправиться отдохнуть, сильно сократилось. Даже Бразилию, вместе с моей шикарной яхтой, захватили комми. Демократическое Содружество уменьшилось до границ Европы, вместе с Европейской частью России, самого краешка Северной Африки, Центральной и Северной Америк. Конечно, и на этом пространстве хватало теплых морей и шикарных пляжей, но несвобода выбора возмущала мое чувство относительной свободы. Мне казалось, что здорово обманут этим отпуском. Что, куда бы я не поехал, война приползет следом. И в тоже время думал, что такой умненький парнишка, как я обязательно сможет обхитрить это кровожадное чудовище.

И я купил билет на стратолет следующий рейсом Лиссабон - Нью-Йорк. Северную Америку правительство называло «Цитаделью Демократии» и показалось необходимым проверить это утверждение.

Встав рано утром, я подхватил заранее собранный стараниями Пи багаж с вещами и, не простившись с денщиком, уехал на вокзал. Все сослуживцы искренне считали, что я уже дремлю в комфортабельном салоне аэробуса на пути в Америку. А я в это время покачивался в не менее удобном кресле трансевропейского экспресса монорельса. Для меня почему-то было очень важно перед собственно отдыхом попасть в свой дом.

Мундир с планками наград я не стал снимать. Экспресс был битком набит военными и в их массе чувствовал себя в безопасности. Тем более что форма давала некоторые льготы. Я путешествовал в отсеке первого класса «А», а хвостовые блоки класса «L», словно сардины в банке, были заполнены беженцами. Сотни или тысячи людей самых разных рас и народов, в жуткой тесноте, духоте и грязи, с угрюмыми, изможденными лицами. Матери, увешанные чумазыми ребятишками, бродили по вагонам более высоких классов, выпрашивая еду или деньги. Наверное, им что-то давали, иначе они не таскались бы толпами, раздражая стюардов. Мне пришлось запереть дверь своего купе и увеличить звук галавизора чтоб не слышать и не видеть эти отмеченные безнадежностью морды. Впрочем, и агрессию некоторых состоятельных пассажиров к этим несчастным, лишенным крова людям тоже не разделял. Я прекрасно знал, от чего они бежали. Если б было куда, я бежал вместе с ними.

На перрон в Лиссабоне я сошел одетым в угольно-черный мундир три-лейтенанта командос, симпатично украшенный орденами Свободы, Золотой Хризантемы, Британской Империи и Святого Георгия. Мне нравилось это сочетание. Оно привлекало внимание людей, и мое лицо не задерживалось в памяти.

Старый служащий автопаркинга, сотни раз обслуживающий меня прежде, долго препирался, уверяя, что я это не я. Когда он, наконец, поверил после сканирования сетчатки глаза, выяснилось, что мой авто забрала полиция. Пришлось искать такси.

- В Буэнос-Айрес, вилла Кастро-а-Нова, бросил я ЖИВОМУ водителю. Когда год назад уезжал в Анголу, такси в Лиссабоне водили только роботы. Вторжение безработных беженцев взломало рынок рабочих мест в провинции Португалия. А может быть и во всей Европе. «Марсианская колония готова принять еще сто тысяч человек», - с некоторой надеждой утверждал заголовок

в газете, забывая, что даже все пятьдесят две планетные колонии не в состоянии принять пятнадцать миллиардов бегущих от войны землян. Слава Богу, в Большой Космос не ломанулись все жители Колыбели Человечества.

- Тебя, солдатик, туда не пустят, - с отчетливым русским акцентом, авторитетно заявил водитель.

- Пошел ты... - сказал я по-русски и добавил на интерлике. - Не твое дело.

- Ого, братишка, - непонятно от чего обрадовался таксист. - Ты откуда такой?

- Я воевал на Алтае... - пытаюсь закончить навязанный разговор, сквозь зубы процедил я. Однако это только добавило оптимизма в голос русского:

- Да ты что?! Значит, проезжал через Новосибирск? Я там раньше жил. До войны. На Чкаловском заводе ремонтировал штурмовики...

- Хреново.

- Чего хреново? - не понял шофер.

- Хреново ремонтировал. Мы отступаем.

- Ну да, - истерично взвизгнул русский. - Хреново воюете! А я виноват...

Оставшееся расстояние ехали молча. У полицейского поста на границе района такси остановилось, и водитель жестом предложил вываливаться из машины.

Русский лихо развернул авто и умчался, оставив меня за три квартала от дома наедине с полицией. Я хмыкнул, подхватил вещи и пошел в сторону дома.

И прошел ровно пять шагов.

- Далеко отправился, герой? - лениво выговорил полисмен, резко открыв дверцу прямо на пути. Я аккуратно обошел препятствие и продолжил свой путь.

- Да ты... - заорал служитель закона и, как пробка, выскочил из машины с дубинкой в руке. - Стоять!

Я успел остановиться и даже развернуться. Фараон несся на меня, воя, как паровоз из древних фильмов, размахивая палкой. Напарник взбесившегося копа тоже выбирался из машины, нащупывая пистолет в клоунски огромной кобуре.

Дурацкая ситуация. Я не мог даже спокойно пройти к себе домой.

Тело действовало самостоятельно, без участия разума. Нога сделала полшага вперед, рука встретила поднятую руку полисмена, торс сработал как противовес и коп, словно неживая кукла, перелетел автомобиль, сбив по пути с ног своего партнера. И в течение всего этого я даже выпустил бэг из руки.

- Я иду к себе домой, - спокойно сказал я приподнявшему голову полицейскому, отметив, что уложил двоих людей и не сбил дыхание. - На виллу Кастро-а-Нова. Мое имя Бартоломео Эстер де Кастро. Если я, еще хотя бы раз увижу ваши рожи, вас уволят. Понял?

Полицейский попробовал кивнуть, но это ему не удалось, и он снова потерял сознание.

Всегда чувствовал странное притяжение, исходящее от дома моего отца. Почти все детство прожив с матерью в городишке Регенгуш-ди-Монсараш и наезжая в Кастро-а-Нова только в летние каникулы, я, тем не менее, всегда считал только это место настоящим домом. Я мог посмеиваться над нелепым в наше время родовым гербом с девизом «Щит короны, меч чести» на кованых воротах усадьбы, но высокие узкие окна и старые, увитые диким плющом стены, всегда заставляли трепетать от восторга. Соседство с другими не менее древними родовыми гнездами прославленных португальских семей лишь укрепляли меня в желании жить в этом доме.

Я любил этот дом. Я все знал об этом месте. Впервые маркиз де Монсараш де Кастро построил здесь свой замок 1278 лет назад, в 1659 году. С тех пор дом перестраивался не менее шести раз и уже, по крайней мере, тысячу лет имя усадьбы не менялось. После того, как уровень Океана поднялся, граница земли принадлежащей нашей семье вплотную подошла к морю. Это было еще до зачатия моего деда, и для исконных мореплавателей де Кастро, это был знак свыше. Если капитан-командоры де Кастро не идут к морю, море пришло к ним. Я с самого детства мечтал стать моряком, но когда подрос, финансовый океан привлек больше.

А галерею решетки ворот родового дома моего рождения всегда прикладывал к резюме, когда устраивался на новое место работы. Герб и особенно девиз на быдло действует безотказно. Всегда приятно отдавать распоряжения человеку, легко перечислявшему своих предков до пятидесяти четвертого колена. Особенно если с трудом припоминаешь собственного деда...

Может быть, несколько идеализировал виллу, но мне там всегда было хорошо. Открывая найденным на его обычном месте под плиткой ступени ключом высокие дубовые двери, я так волновался, словно шел на свидание с первой красавицей Человечества. О небольших недоразумениях с полицией больше и не думал.

Я распахнул дверь и вошел в высокий сумрачный холл. Хотелось кричать во весь голос: «дом, мой любимый дом, я вернулся к тебе. Я вернулся из Ада!» И только благоговение, перебивающее дыхание не позволяло повысить голос.

- Вот я и вернулся, - тихо сказал я и аккуратно прикрыл дверь.

Каменные ступени, покрытые слоем пыли, вывели меня в верхнюю гостиную, куда выходили двери всех личных комнат. «Надо нанять несколько уборщиков. Дом должен умереть чистым», - неожиданно для самого себя вдруг подумал я. Эта мысль настолько потрясла, что я на миг потерял ориентацию в пространстве и обессилено, рухнул в укрытое пластиком кресло. Для меня сама возможность разрушения Кастро-а-Нова приравнивалась к умышленному разрушению Мекки для истового приверженца ислама. И, тем не менее, в глубине души, чувствовал, или скорее даже знал, что дом сотен предков должен быть уничтожен. Я не мог допустить, чтобы грязное быдло, краснопузые голодранцы по-хозяйски разгуливали в родовом гнезде двенадцати великих португальских командоров.

Я решительно встал и четким строевым шагом прошел в кабинет. Я знал, что мне делать и времени на все это оставалось совсем не много. Возвращение домой, которого с трепетом в душе боялся на протяжении всего пути в Лиссабон, обратилось в простую и понятную военную операцию.

Я едва обратил внимание на явные следы обыска. Этого следовало ожидать. Некоторое время я

числился у полиции всего мира в розыске и фараоны не могли не вломиться ко мне домой. Мне было все равно. Обыск лишь дополнил план подготовки дома к оккупации.

Компьютер от вторжения полиции не пострадал. Выходы в глобальную сеть и блоки памяти работали, как и прежде. Я перевел некоторое количество средств в местный филиал моего банка и сразу же принялся за заказы.

Спустя час десяток андроидов отмывали дом от грязи. Несколько киберов занимались садом, а более разумные исины перетаскивали семейные реликвии по древнему подземному ходу в специальный каземат, врытый одним из предков прямо в скалу над морем. Я и не надеялся на победу в этой дурацкой войне. И хотел оставить имущество нажитое за две тысячи лет семейством де Кастро потомкам.

Когда роботы убралась в грузовик, пришло время взрывчатки. Минированием занимался сам. Брикет с пластиковой смертью расположил так, что единый взрыв зарядов полностью разрушит дом, завалит подземный ход, но не тронет деревьев сада. Деревья мне не принадлежали. Они принадлежат Богу.

Фараоны подъехали к решетке ворот и долго сигналили, отвлекая внимание от установки детонаторов, но на территорию усадьбы вторгаться не решались. А раз так, то я не торопился. В конце концов, жалобные завывания полицейских надоели, и я оставил на время взрывоопасное занятие.

- Что вам нужно? - любезно улыбнулся я копам сквозь решетку.

- Сеньор Бартоломео Эстер де Кастро? - прямо-таки сияя от счастья, воскликнул полицейский со знаками отличия два-лейтенанта.

- Всякий раз, когда кто-нибудь об этом спрашивает, это кончается чем-нибудь неприятным, - поделился я своими наблюдениями. - Вы хотите меня арестовать?

- Нет, что Вы, - поспешил успокоить тот. - Вы не пригласите нас войти в дом?

Я представил на миг лица полицейских, когда они увидели бы штабель серо-зеленых армейских ящиков с взрывчаткой в холле.

- Нет, что вы, - продолжая поддерживать светскую беседу, ответил я. И этим, как не странно, здорово смутил лейтенанта. Растерянный фараон - это что-то новое.

- Что-то еще? - перестав улыбаться, спросил я. - У меня еще много дел...

- Я лишь хотел принести вам... - чирикнул офицер. Меня начал раздражать этот цыпленок в форме полицейского.

- Мне ничего от полиции не нужно, - заявил я и повернулся уходить.

- Простите тех двух полицейских, дон де Кастро! - закричал мне в спину юноша. - У них семьи, которые умрут от голода, если их кормильцев уволят.

- А! - остановился я. - Я предупредил их, что сделаю все возможное для их увольнения только в случае, если хоть один еще раз попадутся на глаза. Разве я недостаточно понятно объяснил?

- Спасибо, - без большого энтузиазма выдал фараон. - Больше такого не повторится.

- Несомненно, - согласился я. - Я сюда больше не вернусь. А вы очень скоро окажитесь на фронте.

- Это угроза?! - возник второй коп, до этого не издававший ни звука.

- Нет, это предсказание, болван, - хмыкнул я и пошел к дому. Хотел убраться в любой отель Лиссабона уже этим вечером, а меня еще ждала работа.

Мое предсказание начало сбываться даже быстрее чем думал. В номере гостиницы «Аргентино-Эльдорадо», куда я приехал провести ночь перед перелетом в Америку, работал галовизор. И как только дверь за носильщиком и администратором закрылась, обаятельная смуглая диктор, счастливым тоном зачитала заявление правительства Демократического Содружества:

- Вчера, седьмого июля 2937 года, Президент ДС подписал законопроект, подготовленный Советом министров, о всеобщей воинской обязанности...

- Очень своевременно, - буркнул я под нос. - Нужно было сначала отдать этим ублюдкам три континента и только потом догадаться вооружить народ...

Самое неприятное в этом законе было, что в рядовой состав АДС брали и молодых женщин. И закон вступал в силу именно тогда, когда я отправлялся в отпуск. Не слишком-то радовала перспектива провести полмесяца в обществе инвалидов и старух.

Впрочем, после небольшого раздумья я пришел к нескольким более утешительным выводам. Например, что богатенькие мамы и папы вряд ли отпустят своих обожаемых дочурок в грязные окопы, где их могут не только убить, но и обесчестить грязные солдаты. Уж скорее эти самые папы поспешат увезти деток с воняющей войной Земли.

Я быстро набрал секретный номер Игоря, наорал на секретаря и едва недовольная рожа банкира появилась на экране, воскликнул:

- Так, Игор. Возьми блокнот и сиди молча. Записывай то, что я буду говорить. Если ты меня понял - кивни.

Танкелевич ошарашено кивнул и потянулся за блокнотом.

- Очень быстро организуй новую корпорацию. Назови ее... как тебе в голову взбредет. Переводи на ее счета все мои доходы. Скупай все появляющиеся партии топлива для звездолетов, и не продавай пока цена не вырастет... в пять паз. Понял?

Игор кивнул. Я мог продолжать.

- Запусти своих юристов тщательно изучить закон о воинской обязанности. Я не очень понял, но, кажется, от окопов освобождаются служащие отделов безопасности крупных компаний занятых государственными военными заказами. Организуй охранную фирму и заключи контракт с нашим банком об охране чего-нибудь... Места охранников продавай... ну скажем, по тридцать тысяч и жалование не плати. В рекламе обязательно укажи, что служащие освобождаются от фронта. Понял?

- Понял, - хрипло выговорил банкир. - Ты гений!

- Сам знаю, - согласился я.

- Ты где?

- Я в отпуске. Все, до встречи.

Стратолет улетал только утром следующего дня. Было еще масса времени. И я принялся выбирать среди объявлений в газете девушку по вызову.

Терпеть не могу большие города. Они будят те детские страхи, когда в ужасе убегал, обнаружив в углу комнаты паутину с серым мохнатым пауком. Так же и город, весь укутанный тенетами проводов, стянутый клейкими нитями линий метро. С его людьми, серыми, мохнатыми людьми – пауками. С его воздухом, полным запахов пота, миазмов, отработанных газов и плотских желаний.

Сияющий яркими многоцветными огнями реклам, притягивающими глаза и кошельки простакон в неминуемый плен паучьей ловушки.

Громящий завораживающей музыкой лязгающего, трудящегося металла. Машин и механизмов, единственных, в этом паучьем логове, обладателей бессмертной души.

Но я всегда умел брать эти плохо лежащие деньги большого города и поэтому любил большие города.

Нью-Йорк встретил неприветливо. Банальная фраза, но как еще назвать прием, когда едва успел выйти на твердую землю и дойти до стоянки гравитакси, как у меня успели дважды проверить документы. А толпа подростков с ушами занятыми наушниками, глазами укрытыми за линзами галопрокторов и ртами заткнутыми трубками от бутылок с «колой», наткнувшись на меня, залепила мне жвачкой весь багаж.

В отель «Уолсдорф-Астория» я приехал раскаленным от ярости до бела. Кстати сказать, это здорово шло к моему черному цивильному костюму, украшенному лишь серебряным факелом значка ордена Свободы на груди.

Привратник заученно сверкнул белоснежной улыбкой и распахнул дверь. То, что форменный камзол привратнику слегка маловат, а на поясе одежда подозрительно оттопыривается, я не заметил.

Портье, увидев меня, бросил дела и вышел из-за стойки.

- Ваш номер готов, мистер Де Кастро, - излишне громко провозгласил он с полупоклоном и тут же подбежал бой, дабы забрать вещи. Что-то, какая-то тень подозрения шевельнулась душе, но тщеславие легко подавило это чувство. Приятно быть объектом повышенного внимания. Особенно после всех мерзостей Большого Города.

Гравифт стремительно вознес на сорок первый этаж, где уже поджидала коридорная с карточкой – ключом от номера.

- Сюда, пожалуйста, мистер де Кастро, - вымученно выговорила негритянка и выпучила и без того большие глаза. Бой с багажом на плече недовольно покачал головой, и коридорная испуганно прикрыла рот дрожащей рукой.

- Ты первый день на этой работе? - попробовал догадаться я, но девушка с предположением не согласилась.

- Нет, сэр. Я здесь уже четвертый год. Но такого у нас раньше не было... - пролепетала она, и снова самодовольство победило во мне подозрительность. Я списал ее испуг на счет своей значимости.

У дверей номера встретил еще один служащий отеля. При нашем приближении он распахнул дверь. Потом забрал бэг у боя, который ушел, даже не задержавшись, чтобы получить чаевые. Это было уж слишком. Такое необычайное происшествие я не мог не заметить. И я насторожился. Тем более, что девушка тоже поспешила откланяться, заверив, правда, что готова к услугам стоит только позвонить...

На дверных косяках висели ни чем не скрытые сканеры. Стоило войти в номер и те, кто их установил уже знали, что под одеждой нет оружия. Керамический нож на икре правой ноги вряд ли был обнаружен.

Лакей вошел следом и я, бегло осмотрев гостиную, повернулся к нему лицом. Служащий как раз заканчивал получать информацию по вмонтированному в мочку правого уха коммуникатору. Лакей явно не был профессионалом и то, что он имел связь с кем-то координирующим действия легко читалось по легкому наклону головы.

- Туалетная комната справа, мистер де Кастро, - уверенно сказал лакей и улыбнулся. Мой бэг он все еще держал в правой руке, и я гадал, уж не левша ли он.

- Тебе это только сейчас подсказали? - невинно поинтересовался я и поставил отягощенную ногами ногу на подлокотник кресла.

- Что вы сказали? - растерялся мужик. Разоблачение не входило в его планы.

- Положи вещи на кровать в спальне, - попросил я. Мне было интересно, знает ли он, где вообще находится спальня. Неудачное подобие служащего нервно оглянулся и, бросая косые взгляды в мою сторону, двинулся к одной из дверей.

- Дверь в нужную комнату у тебя за спиной, - блефовал я. Мужик оглянулся на другую стену и, этого времени вполне хватило, чтоб вынуть нож из ножен на голени и убрать руку с оружием за спину.

- Не путайте меня лучше, - разозлился «лакей».

- А то, что? - хмыкнул я. - Ты меня убьешь?

- Да! - взъярился тот и начал поворачиваться ко мне, одновременно, невообразимо медленно вынимая пистолет из-за пояса. Как я и предполагал, левой рукой. Теперь я мог действовать. Мой нож чирикнул, разрезая грязный Нью-Йоркский воздух, и со звуком рвущейся ткани глубоко вошел в плечо псевдо лакея.

- Ты слишком медлителен для киллера, - назидательным тоном заявил я. - Чтобы прихлопнуть командос нужно быть командос в квадрате!

Неудачник потянулся к оброненному оружию правой, здоровой рукой и мне понравилась его настырность. Но жить нравилось еще больше, и я отпихнул ногой пистолет. А потом пнул «лакея» по почкам.

- Умей проигрывать, скотина, - продолжал я поучать, поднимая с пола оружие. - Ты упустил свой шанс и теперь должен стать пай-мальчиком. Скажи-ка, кто тебя сюда послал?

- Пошел в задницу, - прохрипел убийца, сидя на полу и, пытаясь выдернуть нож.
- Не трогай мое имущество! - вспыхнул я и выстрелил ему в коленку. Реактивная пуля чавкнула свежим мясом, кость хрустнула, и в рваной ране показались ее осколки. Мужик заорал, как бык, и свернулся на полу в калачик. Мне пришлось терпеливо дожидаться пока воздух в легких кончится, и он перестанет вопить.
- Ты будешь отвечать или заняться второй ногой? Кстати, сколько в пистолете патронов? Тридцать? Сорок?
- Будь ты проклят! - страдальчески выговорил лакей. - Я забыл вопрос...
- Еще бы. У тебя была уважительная причина, - покладисто согласился я. - Так кто тебя послал?
- АНЕА, - сказал раненый, и я даже сначала подумал, что это только еще один стон.
- Чего ИА?
- Армия, у-ау, Национального Единства Африки. АНЕА!
- Это что? Негры нацисты, что ли? Ну, ты-то - белый!
- Будущее за Африкой!
- Ясно. А откуда вам стало известно, что я остановлюсь именно в этом отеле и именно сегодня?
- Ангудо Нимбоме наш большой друг. Он был инструктором на нашей базе. Раньше... Вызови врача... Мне больно!
- А мне не больно? Мое сердце обливается кровью, как только подумаю о миллионах угнетенных африканцев. Как они страдают, бедняжки, надрываясь на непосильной работе, доставая бананы с пальмы... При мысли о бедном дохлом черном докторе Кимбумбе, ощущаю всю никчемность своего существования... Но мы должны терпеть свою боль, как терпел за нас Иисус...
- Позови врача, гад!
- Охота на меня началась из-за Кимбумбе?
- Да, черт тебя дери!

В дверь тихонько постучали и кто-то из коридора густым басом сказал:

- Мтото, каа са?

Я, не слишком желая встречи с новым противником, широко расставил ноги, и расстрелял входную дверь. Глушитель добросовестно скрыл звуки, а нитиоловая поверхность затянула дыры. Я подхватил вещи и вышел в коридор.

Могло показаться, что какой-то здоровенный грузный негр напился до чертиков и спит, сидя прямо на полу коридора 41-го этажа. Крови на его модной самозатягивающейся хламиде не было видно среди разноцветных ярких пятен.

- Вызови врача, убудок! - крикнул мне в спину неудачливый убийца из гостиничного номера.
- Вызови приятелю доктора, - передал я пожелание раненного дохлomu негру, вытаскивая из-за его пояса пистолет. - Слышишь, как он тебя просит!

И пошел к лифтам. Я уже передумал останавливаться в этом отеле.

Коридорная так мои намерения и поняла. И не удивилась. Гораздо больше ее смутило само мое появление. Она открыла рот и некультурно показала кому-то на меня пальцем.

- Что-то не так? - тоже немного смутился я и навскидку с левой руки пристрелил парнишку - «носильщика» высунувшегося из пустого номера с пистолетом-пулеметом в руках. Кровь брызнула на серое ковровое покрытие, а автомат отлетел к ногам коридорной. Девушка взвизгнула и подпрыгнула на полметра.

- Ну что ты так нервничаешь?! - пожурил я ее. - Это же только на меня открыт сезон охоты...

Пока я пытался завязать разговор с заметно побледневшей негрityнкой, лифт сам собой двинулся на наш этаж.

- Ты вызвала? - встревожено поинтересовался я. Коридорная отрицательно мотнула головой и отрубилась. Наверное, так и не смогла привыкнуть к традиционно гостеприимному обращению с клиентами в этом старом добром отеле.

Я решил преподнести сюрприз пассажирам приближающегося лифта, кем бы они ни были. Не слишком-то верил в случайности и в существование нейтральных постояльцев в этом гадюшнике. Я прислонился спиной к стене напротив дверей лифта и поднял оба трофейных пистолета.

Когда двери открылись, опасения подтвердились, а на меня смотрели три ствола очень некрасивых современных автомата Калашникова. Я с жалкими хлопалками, оказался лишним на этом празднике стрелкового оружия и поэтому, выстрелив лишь раз, поспешил удалиться к пожарной лестнице.

Не знаю, удалось ли попасть в кого-нибудь. Судя по количеству несущихся в след крупнокалиберных пуль - вряд ли.

Легкая дверца с надписью «пожарный выход» была оборудована замком. Не стал разбираться заперт он или нет. После удара дверца слетела с петель и криво повисла. Пришлось бросить вещи, чтобы не терять драгоценные секунды. Я нырнул головой вперед, совершенно не задумываясь, на что приземлюсь.

Я убью архитектора этого здания; упавшая дверь заняла почти всю небольшую площадку между лестничными маршами, и мне там уже места не хватило. Не успев зацепиться за редкие прутья, поддерживающие перила, продолжал кувыркаться по острым ступеням, пока стена не остановила движение.

Я не чувствовал себя загнанным в угол. Я вообще ничего не чувствовал кроме головокружения. Тем не менее, организм, перейдя в сверхстрессовое состояние, уже справился с введенным в вену перед отпуском серотонином, и боль от ушибленных боков почти не чувствовал. Тостостерон дал силы подняться после кувырканий и продолжить спуск. Я еще успел заметить, как на минуту опоздавшие пули в щепки разнесли невинную дверцу. Будь я управляющим этого отеля, вряд ли согласился бы с предложением устроить здесь локальный военный

конфликт. Как войну не ограничивай, одна из сторон, почувствовав близость поражения, обязательно возьмется за более мощное оружие. Сорок первый этаж уже требовал существенного ремонта...

А едва попробовал добраться до лифтов на сороковом этаже, ремонт потребовался и там. Оказывается то, что я поначалу принял за охоту, было облавой. Не скажу, что был сильно опечален. У бегущего под постоянным обстрелом человека все эмоции обычно подавлены мышечными усилиями.

На протяжении всего гона, с сорок первого до шестнадцатого этажа, врагов не видел. Только метеоритный дождь реактивных пуль, рикошетирующих о стену над головой, намекал об их постоянном присутствии. Наконец решил, что пора вернуться в лоно цивилизации и воспользоваться-таки лифтом. После сорокового этажа больше не делал попыток выйти с пожарной лестницы, разумно решив, что, если объявлена широкомасштабная облава, то почему бы им не поставить заслоны на каждом этаже? Всего-то, и понадобился бы для этого батальон вооруженных людей...

Оснований думать, что за дверью с цифрой 16 засада не ждет, у меня не было. Я выбил дверцу плечом, перекувыркнулся, встал на колени и направил оба пистолета на первого же попавшего в поле зрения человека.

- Очень эффектно! - лениво сказала она, вынимая из ушей шарики плееров. - Ты тоже посчитал, что неплохо жениться на сотне миллионов кредитов?

- Заткнись, дура, - прорычал я, настороженно ошупывая глазами людей собравшихся на какое-то празднество в огромном шикарном зале. - Где они?

Мужчин и женщин, разряженных в богатые одежды, было около двухсот и ни один человек, кроме меня, не был вооружен. Я слишком выделялся и поэтому поспешил спрятать пистолеты. О том, что одежда после сальто по грязным ступеням потеряла былой лоск, я как-то не подумал.

- Так ты не... - обрадовалась вдруг довольно смазливая девица. - Ты грабитель?

Мне не пришлось ей отвечать. И это хорошо. Иначе выдал бы все известные ругательства, и мы с ней, конечно же, не познакомились.

Скрытая за картиной дверца на пожарную лестницу хлопнула, и в зал вбежали четверо негров с автоматами. И они так старательно шумели, что немедленно привлекли внимание. Четыреста два недоумевающих глаза словно прожектора.

- Вы будете убивать меня прямо здесь? - прокашлявшись, поинтересовался я.

- Квахери, физи, - ткнул в меня толстым пальцем с розовым ногтем угольно-черный негр. Квартет убийц поднял стволы оружия к потолку и спокойно удалился.

- Полиция! - пискнул чей-то слабый женский голос.

- Все в порядке! - громко провозгласил я. - Они сейчас усядутся в автобусы, и вернуться на окраины. Вмешательства органов правопорядка не требуется...

- А ты кто такой? - выкрикнул кто-то из толпы.

- Лейтенант Бертран Кастр, батальон «Иэри-Двофф».

- Командос, - авторитетно пояснил окружающим старик в мундире генерала.

- Я видел ваши действия, юноша, - продолжил генерал. - И считаю, что они выше всяческих похвал. У меня еще есть друзья в Генеральном Штабе, и я думаю, что смогу ходатайствовать о награждении.

- Служу Свободе, - тупо выкрикнул я и отдал генералу честь. Толпа сытых богатеев взорвалась аплодисментами. Я чувствовал себя полным кретином и ярость продолжавшая бурлить в жилах, предлагала энергично прекратить этот цирк. Кто-то внутри толкал руки сжаться в кулаки и врезать старой развалине по седым бакенбардам. И удержали меня только поколения аристократов, гены воспитанности и культуры, которую прославленные командоры древности везли на своих утлых каравеллах стадам дикарей. Я разжал руки, глубоко вздохнул и улыбнулся. Стало легче.

- Я думаю, мистер Джехроуд, - важно развернул тушу генерал к мужчине, который был хозяином или виновником вечеринки. - Лейтенант может остаться?

Меня даже стало это забавлять. Овсяные хлопья, которыми в детстве закармливала мать, назывались «Завтрак дядюшки Джехроуд». Быть может, это всего лишь совпадение, но возможность провести вечер в компании с дядюшкой - овсяные хлопья искренне смешила. Еще не хватало, чтобы я забился в истерике, когда самое смешное было уже позади.

- Прошу меня извинить, сэр, - едва сдерживаясь, возразил я. - Мне нужно идти. Служба, сэр.

- Папа! - воскликнула девушка, на которую наткнулся, ввалившись пять минут назад в зал. - Я хочу, чтобы он остался!

Было заметно, что представительного вида «дядюшка» растерялся, но его спас генерал.

- Лейтенант, я приказываю вам остаться!

- Есть, сэр! - щелкнул я каблуками. - Мне необходимо привести себя в порядок.

Я передумал. Меня заинтересовала эта девушка, знал, что заинтересовал ее, и намерен был слегка пустить ей пыль в глаза. Но для этого был нужен брошенный на 41-м этаже багаж. Я прекрасно знал об эффекте, который производит на слабый пол черный парадный мундир командос.

- Пройдемте, - сухо проговорил служащий отеля. Почему-то он считал себя стоящим на более высокой ступеньке социальной лестницы. Когда вышли из зала, я решил уравнивать позиции.

- Слушай, мальчик, - вальяжно сказал я, протягивая стокредитовую купюру. - Сбегай на сорок первый этаж. Там моя сумка лежит, у двери на пожарную лестницу. Принесешь, получишь еще столько же.

- Банк ограбил? - ехидно усмехнулся лакей.

- Маскарад... - невнятно ответил я и добавил:

- Не уложишься в пять минут - вторую половину не получишь!

Получил вещи спустя три минуты и сорок три секунды.

- Ого! - воскликнул слуга и почтительно открыл передо мной дверь в зал.

Я решительно шагнул вперед. На голове у меня, лихо сдвинутый на бок, сидел черный берет с эмблемой батальона - череп в шутовском колпаке и кинжал. Еще одна такая же эмблема украшала левое плечо. Черные погоны с крохотными серебряными звездочками. На груди планки высших наград государства. Я выглядел более чем блестяще. Пузатый генерал рядом со мной выглядел просто старым чучелом.

- Отлично, - щелкнула языком та самая девушка, увидев меня в новом облики. - Благодаря тебе в моду войдет военный стиль. У какого кутюрье ты одеваешься?

- У мистера АДС, - оскалился я.

- У тебя есть чувство юмора, - с самым серьезным выражением лица констатировала она. - Пойдем, я познакомлю тебя со своими друзьями.

- Может быть, сначала познакомимся сами? - удивился я.

- Ты что? Ввалился сюда и даже не поинтересовался, как меня зовут? - недоверчиво протянула девушка. - Конечно же, мое имя Джана Джехроуд.

- Бертран Кастр.

- Ну и что? Ты удовлетворен? Только потеряли время... Пошли.

Мне требовалось время или водка для того, чтобы осознать новое положение, в котором оказался. Поймал себя на мысли, что мне нравилась эта девушка, нравилось ее общество... Доже появилось искушение вернуться к нормальной, добропорядочной жизни и мостиком к этому могла оказаться смазливая Джана Джехроуд.

Первым же другом Джаны, к которому она меня подвела, оказался совершеннейший кретин. Его лицо было густо покрыто какой-то жирной мазью, волосы покрывал прозрачный капюшон, а на руках плотно сидели, такие же прозрачные, перчатки.

- Это Диксон Маатес, - махнула на него рукой девушка. - Он дизайнер мужской одежды... Впрочем, ты это конечно знаешь...

- Очень приятно, - покривил я душой и протянул руку. - Бертран Кастр.

- Без тактильных* контактов, - процедил сквозь зубы дизайнер и брезгливо скривил губы.

Я не успел ничего ответить этому странному человеку. Джана уже, ухватив меня за локоть, утащила к другому приятелю. На этот раз, другом оказалась искусно накрашенная женщина, кстати не лишенная привлекательности.

- Это Маша Циль, - притронувшись кончиками пальцев к тыльной стороне ладони девушки, объявила Джана. - Она играет Лапуту в сериале «Месяц страстной любви на пляжах Норильска». Фильм идет уже третий год, с неизменным успехом... Но ты это, конечно же, знаешь...

- Бертран Кастр, - кивнул я, ожидая очередного подвоха.

- Мне откуда-то знакомо ваше лицо, - приятным голосом вдруг заявила Маша. - Вы не снимались в галовидении?

- Нет, Маша, - ответила за меня Джана. - Видишь ли, он убийца. А убийц в галовидении не показывают.

- Как это мило, - равнодушно улыбнулась галозвезда.

- Времена меняются, - светски заметил я, задетый за живое замечаниями Джаны. - Впрочем, ты, конечно же, это знаешь...

Джана уничтожающе на меня взглянула, но промолчала и повела знакомить с другими состоятельными и знаменитыми оболтусами.

- У тебя странные друзья... - поделился я наблюдениями, когда девушка закончила демонстрацию этой коллекции уродов и извращенцев.

- Называй ее не «вы», быдло, - тут же взвизгнул невесть откуда взявшийся Диксон Маатес.

- ... Особенно вот это чучело, - продолжал я, как ни в чем небывало, подавив в себе желание, размазать убудка по ковру. Джана весело засмеялась и я, естественно, приписал это своему остроумию.

- Мужлан! - привлекая внимание всех, закричал дизайнер. - Выкиньте его вон!

- Пойдем, солдатик, - дипломатично сказала дочь производителя хлопьев. - Составишь мне компанию. Я отправляюсь домой.

Пока мы с девушкой пробирались к выходу, я неожиданно обнаружил, что мнение человека из их круга очень много значит для толпы богатых людей. Джана любезно раскланивалась с каждым встречным, называя их по именам, и они более или менее искренне отвечали. Я шествовал следом, отставая не более чем на шаг, но мне во внимании теперь было отказано. Даже старый генерал высокомерно фыркнул и повернулся спиной. Лишь Маша Цилль не посчитала для себя зазорным заговорить.

- Я вспомнила, - улыбнувшись, сказала она. - Вы, кажется, снимались в какой-то рекламе. Вот только, не помню в какой...

- У Вас замечательная память, мадемуазель, - пытаюсь расслабиться и не обращать внимание на колкие взгляды великосветского стада, в полголоса произнес я. - Это была реклама армии. Я играл супергероя.

- Получилось неплохо, - похвалила Маша. - Подумайте о карьере актера...

Я с удовольствием еще немного поболтал бы со звездой галозэкрана, но Джана уже нетерпеливо тянула к выходу.

Лиссабон - это Португалия. Москва - это Россия. Париж - это Франция. Нью-Йорк - это Нью-Йорк. У этого города нет национальности. Он всегда сам по себе. Он весь, словно человеческое тело нервами, покрыт сетью электропроводов. Огни реклам и работу миллионов лифтов поддерживает компьютер. Искусственный мозг мигает светофорами и выписывает штрафы за неправильную парковку. Этому городу не нужны люди. Если бы их не было, механизмы изнашивались меньше.

Я вырос и всю жизнь прожил в более очеловеченной Европе, поэтому искренне удивился, когда в ответ на предложение сесть за пульт управления гравикаром Джана равнодушно

бросила: «А какая разница?»»

Тем не менее, позволила усесться на левое кресло и надавить на кнопку запускающую двигатель.

- Конечная цель путешествия? – мелодично поинтересовался компьютер. Джана назвала адрес, и машина тихонько тронулась с места. На попытки взять управление на себя кар больше не реагировал.

- Что ты делаешь? – высокомерно, с изрядной долей раздражения, осведомилась Джана.

- Пытаюсь управлять, – чистосердечно признался я.

- В этом мире, солдат, – вдруг заявила девушка, – управляют только такие, как мы. Как я.

- Чем же мы отличаемся? – не совсем понимая о чем идет речь, спросил я.

- Я, мы, богаты и умны. А вы, мистер... как вас там... Должны работать и умирать за нас.

- Почему это? – я совсем растерялся. Тем более что ко мне ее речи вовсе не могли относиться.

- Не задавай глупых вопросов, солдат. Иначе прослывешь коммунистом... И Диксон прав. Будь добр, обращайся ко мне на вы!

О, моя мечта! Мой розовый домик, куча детишек в кружевных пеленках, золотистые локоны вечно улыбающейся жены, лопнули, как мыльный пузырь, натолкнувшись на колючку высокомерности принцессы овсяных хлопьев. Поколения гордых командоров собрались в сердце толпой и, размахивая мечами, требовали крови. Я мог просто задушить эту смазливую девку, но физическое насилие не могло компенсировать потерю мечты.

- Останови, я выхожу, – скомандовал я машине.

- Куда это ты собрался? Я только – только начала развлекаться... – встряла Джана.

- Пришла пора и мне развлечься, – мило усмехнувшись, сообщил я. – Советую тебе умерить свой овсяной аристократизм! И впредь сначала интересоваться человеком, а уж потом заявлять о превосходстве...

Тем временем гравикар успел причалить к платформе седьмого уровня, и я смог выйти. Но девушка не думала так быстро оставлять меня в покое. Она прямо из салона вызвала полицию и заявила, что я пытался ее изнасиловать. Пять минут спустя я уже был арестован, а еще через три копы, под ядовитое шипение светской стервы, отдали мне честь, и убрались.

- Мы еще встретимся, животное! – крикнула она и умчалась. Кар мгновенно затерялся в этом человеческом муравейнике.

- Я тоже этого хочу, – буркнул я и занялся вызовом такси.

Валяясь на измятой кровати какого-то дешевого отеля, в объятиях непрерывно говорящей всякую глупость шлюхи, я, как не странно, уже жалел о размолвке. Глядя на размалеванную идиотку и стены со старым, выцветшим еще до моего рождения покрытием, говорил себе, что могу купить тысячи тысяч подобных Джане девок. Готовых танцевать танец живота на столе по щелчку пальцев... Но чем больше себя уговаривал, тем больше охватывала тоска. Ностальгия, по тому, чего у меня никогда не было. Дом, семья, любящая жена, дети, уют – всплывая в

мозгу, эти простые слова, причиняли боль. И, как олицетворение этих желанных слов был один человек – Джана. Ее лицо, походка, манера говорить, руки... Думая о ней, в миг излечивал нанесенные себе раны. И снова корчился от муки, стоило вспомнить о глупом разрыве.

Постепенно дошел до поразившей до глубины души мысли – а не влюбился ли я? Чтобы решить этот вопрос, остро необходима была водка и, по возможности, компания. Хотя и то и другое можно было заказать прямо в номер, я все-таки предпочел выгнать проститутку и отправился в бар.

Если человек пьян, сидит в хорошей компании и больше нет нужды заботиться о добывании выпивки, мудрость из него так и прет.

Я влил в себя полбутылки самой настоящей русской водки, а к нужному решению так и не пришел. Впервые в жизни, прежде безотказный стимулятор мозговой деятельности дал сбой. И я наверняка сошел с ума, если бы меня не спас поддатый мужик по имени Крис.

– Крестос, можно просто – Крис, – сказал он и уселся рядом. – Если ты начал сомневаться, любишь ли ты или нет, ответ может быть только один – да! Наливай...

Я заказал еще бутылку и второй стакан. Пока мы не выпили, Крис не сказал больше ни слова. Зато я наговорил уйму. Из меня лило так, словно год копил слова. Сыворотка Леви подсказывала новые и новые выражения, облекая полу осознанное в ясное и простое. Наконец, выложил все и заткнулся.

– Ясно, – философски глубокомысленно оценил Крис. – Ты сам себя запутал. Будем распутывать. Наливай...

Как я заметил, этот пожилой мужик с нелепой бородкой, одетый в мятую одежду, худой и нескладный, терпеть не мог пустых рюмок.

Мы выпили, и я налил снова. Крис поднял стакан и принялся втолковывать, изредка помогая себе руками, умудряясь при этом не разлить ни капли.

– Тебя обидела женская игра, парень! Она просто играла, а ты, гордый сукин сын, решил, что над тобой издеваются. Я давно говорил – гордыня – грех! Они все играют нами. Им так положено. Я их так создал... Посмотри на себя. Ты умный, удачливый... – Крис щелкнул ногтем по планкам орденов на моей груди, – сильный, как слон. Мужчины правят этим миром. Та маленькая штучка, что скучает в штанах, дает тебе больше прав чем всем этим... Выпьем...

Он одним махом влил в себя жидкость, и я побоялся, что, совсем напившись Крис не сможет договорить до конца. Однако полстакана адского пойла не произвели заметных изменений в философе.

– Поставь себя на ее место, – поставив рюмку на стол, продолжал он, как ни в чем не бывало. – Каждый обладатель меж ножного шланга норовит заполучить ее в постель. Но ей-то нужен только один! Принц! Лучше всего на белом коне... Ты отвлекся!

Я сразу не понял и он тут же требовательно подвинул опустевший стакан.

– Игра – единственный способ их самозащиты. Ты, муж! Мужчина, яйценосец, можешь заломить ей руки и поиметь... Некоторым бабам это даже нравится, и ты можешь выиграть. Но если ты попробуешь играть в ее игру, и это получится – ты выиграешь обязательно... Пьем.

Я почувствовал внутренний восторг и легкое затемнение сознания. На всякий случай, решил сразу расплатиться с барменом и не прогадал. Когда Крестос начал рассказывать, что должна чувствовать и как себя вести Джана в эпоху патриархата, я еще слушал. Но вот модель матриархата в представлении доморожденного мыслителя уже не воспринимал. Только чистый голос, наполненный бесконечной мудростью и состраданием, каким-то образом проник в угасающее сознание:

- Мир тебе, сын мой! Да будет с тобой любовь!

Впрочем, это, скорее всего, был уже сон.

Очнулся я глубокой ночью на жесткой металлической скамье в полицейском участке прямо напротив дежурного сержанта.

- Привет, - неприветливо сказал я и перевел свое тело из лежачего положения в сидячее. Только, оказывается, в полицейских участках на уровне пояса стоячего человека находится слой боли. И я туда по неведению врезался башкой. Даже в глазах потемнело.

Сержант терпеливо дождался, пока я закончу стонать, принес пластиковый стаканчик чуть теплого кофе с таблеткой и поинтересовался:

- Отправить тебя в военную комендатуру или в городе есть родственники?

- Знакомые..., - попробовал улыбнуться я. - Только не знаю, как с ними связаться.

- Достаточно имени, - успокоил меня коп.

- Джана Джехроуд, - сказали губы, и я удивился. Думал-то я об Игоре Танкелевиче.

Сержант вернулся за конторку и лихо застучал там по клавишам компьютера. Через минуту уже говорил с кем-то по телекому.

- О'Кей, лейтенант, - мягко сказал он, подошел и сел рядом. - Она сейчас за тобой приедет.

Я не верил своим ушам, но спорить с добрым фараоном не стал. Тем более что сержанта, почти уже старика, интересовал совсем другой вопрос.

- Был на фронте?

- Таиланд, Африка, Алтай...

- Там страшно?

- Да. Там убивают... Но это еще ничего. Хуже всего, когда тебя сильно ранят. Вот это страшно. Инвалиды никому не нужны... Она сама сказала, что приедет?

- Юная леди? Да, она сама... У меня сына в армию забрали...

- Дай ему Бог удачи... Она сразу согласилась приехать?

- Сразу. Я сказал, что она единственный человек в городе, кто тебя знает и может отсюда забрать. Она сказала, что уже едет... Как ты думаешь, мы победим?

- Вряд ли. Напиши мне имя твоего сына. Я попробую вытащить его из армии. Надеюсь, он не

доброволец?

Сержант недоверчиво хмыкнул, но потом мысль «чем черт не шутит» появилась у него на лбу, и ушел за бумагой.

Джана появилась в полицейском участке не менее эффектно, чем я на вечеринке ее отца. Сначала сквозь пинком распахнутые двери ввалилась пара закованных в бронированные латы киберов, потом прошла череда ошарашенных арестованных со скованными руками. За ворами шествовал десяток, увешанных амуницией полицейских, воняющих потом и громыхающих оружием. А Джана, словно добросовестный пастух, замыкала это карнавальное стадо. Хрупкая и утонченная, она вызвала усиленное сердцебиение. Я боялся, что дежурный сержант попросту не правильно ее понял, и она пришла, чтобы снова посмеяться надо мной.

- С тобой хорошо тут обращались, милый? - едва отыскав меня глазами, прямо от порога ласково проговорила она. И потом, грозно глянув на сержанта, принесшего листок с именем сына, задала этот вопрос уже совсем другим тоном.

- Я рад, что ты приехала, - не узнавая собственный голос, выговорил я. - У меня больше никого нет в этом муравейнике.

- Ну, как ты мог подумать, что я не приеду, - укоризненно, но все-таки очень и очень мягко сказала девушка и присела рядом на краешек кресла. - Наша небольшая ссора ничего не значила. Ведь так?

- Конечно! - с энтузиазмом воскликнул я и почувствовал, как губы расплзаются в улыбку. - Я вел себя попросту глупо...

Джана улыбнулась в ответ и обратилась к сержанту:

- Мистер Кастр свободен или мне нужно побеспокоиться об адвокатах?

- Для Правосудия лейтенант Кастр недоступен, - серьезно сказал полицейский и развел руками. - Он свободен.

Я сунул бумажку сержанта в карман и, даже позабыв попрощаться, вышел вслед за Джаной.

Всю дорогу, сидя в гравикаре, я выдавал, а она благосклонно принимала многочисленные комплименты. Я плохо помню этот путь, нечто совершенно другое занимало разум. Не зря говорят, что любовь - это временное помешательство.

Джана привезла меня в какой-то дом. Кар влетел точно в гараж и я вслух восхитился пилотским талантом пассии.

- Машину вел компьютер. Ты издеваешься или забыл? - несколько грубо перебила меня Джана.

- Впрочем, это неважно, - тут же мило улыбнулась она, избавив меня от разрыва сердца. - Тебе просто необходимо привести себя в порядок. Сейчас войди в эту дверь, одежду сложи в робопрачечную. Через полчаса она выдаст все совершенно чистое. Прими душ... Ну и все такое... Я хочу, чтобы на тебя взглянули одни... господа. Я хочу, чтобы они видели какой ты красивый...

Выражение «он улетел на крыльях любви» как нельзя лучше ко мне подходило. Я соображал не лучше лабораторной крысы попавшей в лабиринт. Войдя в забранное от пола до потолка в

зеркала, помещение туалетной комнаты, я, как Джана и хотела, разделся, сложил в работа одежду и, напевая какую-то глупенькую песенку, помылся под душем. Я чувствовал себя счастливейшим из смертных.

Сказка кончилась, едва я вышел из зеркальной комнаты. На аккуратно расставленных стульях возле прозрачной с одной стороны стены сидели десяток давящихся от смеха дружков Джаны. Сквозь стекло отлично были видны все мои манипуляции с душем...

- У тебя неплохое тело, - утирая острым краешком свернутого платка выступившие слезы, пропищал Диксон Маатес.

- Без визуальных контактов! - зло выдохнул я, и что есть силы врезал чертову придурку по печени.

- Я буду тебя иметь... - крикнул, ткнув пальцем в уже не смеющуюся Джану, - как последнюю шлюху!

- Если это случится, - показала зубки богатенькая тварь, - я станцую стриптиз в Метрополитан-Опера!

Сказать, что я был взбешен - значило ничего не сказать. Только что рухнул последний бастион моей самой розовой и пушистой мечты. Я сжег мосты и объявил войну. Но вместо ярости чувствовал только странную пустоту внутри. Мои вечные спутники, моя гордость и проклятие - кровожадная толпа напыщенных командоров, лишь укоризненно качали головами, как бы говоря: «мы тебя предупреждали, младший». «Значит, я должен сделать то, что должен!» - сказал сам себе, пнул под коленку начинавшего вставать дизайнера и, сопровождаемый взглядами замерших от страха «друзей» Джаны, спокойно ушел.

Город-робот немедленно растворил меня в себе. Шел по висящим над землей на высоте сотен метров над поверхностью усталой планеты тротуарам, слабо понимая, куда же меня несет. Где-то на краю этого стале-бетонно-стекляного монстра, из-за Великого Океана вставало Солнце и каньоны улиц уже наполнила предрассветная дымка. Это было важно. Значимое Солнце, несокрушимые громады домов - городов, делающие свое дело компьютеры, миллионы проносащихся мимо машин с людьми нужными и не очень. Важными господами и вечно гонимыми коммивояжерами. Все и все были на своих местах, имели свою нишу в жизни или были важны для жизни других...

И лишь я, маленький винтик в большой машине, который попал туда случайно, шел по чужой земле, неизвестно куда и ни кому не нужный...

6

Клетка в клетке. Командос-3

Наступление рабочего дня я встретил у заблокированных броневой плитой ворот Всеземного Федерального банка. Внутренняя опустошенность, полное отсутствие всяческих чувств, спасло в это утро не одного человека от верной смерти.

Банковские клерки, один за другим, тянулись к месту работы и каждого сначала приходилось уговаривать вынуть из ушей квадраушники, из глаз контактные галозкраны или положить в карман микропулт какой-нибудь компьютерной игры. Только потом человек становился открытым для общения. И каждого приходилось убеждать, что я Председатель Совета директоров этого банка, а значит имею право пройти на следующий уровень в многоэтажном

здании.

Наконец, когда время приближалось к перерыву на второй завтрак, я оказался перед дверьми со скромной табличкой: «управляющий, Игорь Танкелевич». Тут терпение истощилось. Я стремительно пробежал мимо смазливой секретарши и ввалился в кабинет.

Игор встретил меня возле самых дверей.

- Здравствуй, Бертран, - широко улыбаясь, воскликнул он. - Ты стал удивительно терпелив!

- Так ты... знал, как я пытаюсь к тебе пробиться? - почему-то даже не обидевшись, вяло проговорил я.

- Обижаешь! - притворно огорчился банкир, усаживая меня в кресло сразу принявшее наиболее удобную форму. - Я контролирую ситуацию в фирме... Я хотел, чтоб ты отметил, как много служащих стало в нашем офисе. Семьдесят процентов этих людей платят зарплату нам, а не наоборот. Ты уже заработал на этой идее триста миллионов кредитов...

- А топливо звездолетов? - немного оживился я.

- Чистая прибыль перевалила за миллиард! - гордо заявил Игор.

- Ух, ты! - я не знал, что и говорить. Честно говоря, на такое и не рассчитывал. Я, конечно же, был рад свалившейся куче денег, но столь высокий спрос на топливо означал уже начавшееся повальное бегство состоятельных людей с Земли, а это не слишком добрая примета.

- Есть одна проблема, Берти, - наблюдая мою задумчивость, осторожно начал коротышка.

- Я слушаю, слушаю, - поспешил я.

- Из министерства экономики пришло распоряжение немедленно прекратить глобальные спекуляции свититом...

- Чем?

- Свититом. Это так называется топливо для межзвездных кораблей. Его открыл болгарский профессор Светов, лет пятьсот назад.

- Да ладно... что там они от нас хотят?

- Хотят, чтобы мы перестали скупать все появляющиеся на рынке партии стратегического топлива. Пишут, что готовы начать репрессии, если не прекратим хулиганить...

- Ясно! - прервал я настроенного на сатиру и юмор приятеля. - Напиши прямо Президенту ответ от моего имени. Напиши, что начинать термоядерную войну первыми тоже не хорошо! Но я же не угрожаю! А кто больше хулиганит, еще нужно разобраться!.. Напиши, я подпишу.

- Серьезная игра! - констатировал в миг спрятавший улыбку банкир.

- Времена сейчас такие, серьезные, - уныло выдал я. - И вот еще что! Игор! Начни-ка ты строить звездолет для нас... Или купи готовый. Нам нужен большой корабль... Чтоб вошли все средства, все архивы банка и еще тысяч пять людей в придачу... И устрой мне назначение куда-нибудь... на Луну, что ли. Меня Земля больше не держит. Я хочу смотреть на все это... со стороны. Нормальные люди только так и должны поступать. Может быть, купить пару лунных

кратеров?

- Или захватить... - прошептал вдруг Игор.

- Что ты имеешь в виду?

- На Луне уйма кратеров, у них... - банкир неопределенно ткнул куда-то себе за спину, - рук не хватит все удержать. Небольшой хорошо подготовленный отряд, отправленный для поддержания стабильности в регионе...

- Бестия, - хмыкнул я. - Самое настоящее чудовище!

- Озвучиваю твои мысли... - за скромничал Игор. И тут же перешел на серьезный тон. - Сегодня же начну строительство крейсера...

- Завтра начнешь. Сегодня ты сможешь раздать долги!

Всемирной Федеральной Банк устаивает открытые приемы не часто. Вряд ли это случается чаще чем раз или два в год. С тех пор, как вспыхнула эта проклятая эпидемия коммунизма, банк не давал приемов ни разу. Необычным было и место проведения приема - Метрополитан-Опера. В огромный зал, даже не смотря на пущенную кем-то глупую шутку про «пир во время чумы», набилось слишком много народу. Все знаменитости, все бизнесмены, все политики и представители власти, все, кому что-то было нужно от банка, явились в тот вечер. Мистер Джекхруд с дочерью прибыл в первой волне...

Это все потому, что общая сумма его долгов, которые нам с Игором удалось скупить, переваливала за двести миллионов. И согласно учтивому уведомлению, скрепленному моей подписью, эти деньги он должен был вернуть в трехдневный срок. Аналитики банка заверили нас с Игором, что только чудо может помочь Джекхроду собрать за три дня такую сумму.

Ни единого человека из тысячи собравшихся в Метрополитан-опера не уведомили о причине бала. Ходили самые различные слухи, от чисто русских - «с жиру бесятся», до полностью абсурдных - «банк решил захватить власть». Я бродил среди людей, напрягал уши и высматривал единственного человека, ради которого все это шоу и было организовано - Джану Джекхруд.

Наконец я ее увидел. Она стояла у стены с коллекцией древних бумажных еще афиш. И могла дать сто очков форы любой из улыбающихся с ярких листков красавиц.

Рядом были ее отец и, наверняка друг семьи, тот самый старый пузатый генерал. Именно престарелый ястреб увидел меня первым и указал остальным. Озадаченные рожи папаш порадовали, а ехидная улыбочка девушки только придала уверенности. За прошедшие в ожидании этого часа дни, я как-то перегорел, сжег остатки чувств к этой стерве.

Невидимый ведущий включил запись гимна банка, высокие створки ворот распахнулись, и в зал вошел Игор Танкелевич. Аплодисменты, которыми человек был награжден, как я заметил, потешили его самолюбие. Шоу началось.

- Здравствуйте, добрый вечер, судари и сударыни, - напыщенно выдал Игор и его усиленный голос долетел до всех закоулков большого зала. Толпа избалованных вниманием богатеев и политиканов немедленно притихла. Слово имели Деньги.

- Мы пригласили вас в этот вечер с тем...

Игор уже отыскал меня глазами и теперь медленно приближался.

- ... Чтобы, в это сложное для страны время...

До меня было еще далеко, и Игорь тянул время.

- Представить нового человека в правлении нашего, крупнейшего в Ойкумене*, банка...

Что-то заподозрившая Джана подозрительно на меня взглянула, но потом, отказавшись в это поверить, покачала головой и отвернулась.

- Этот человек молод, свободен от консерватизма в мышлении и достаточно энергичен, чтобы придать нашему финансовому институту достаточно сил...

Речь придумали вместе, причем мне еще пришлось буквально приказать Танкелевичу не использовать и гораздо более цветистые комплименты.

- И в тоже время, этот человек - потомок древнего рыцарского рода, сочетающий в себе верность традициям с жесткостью времен конкисты*. Человек уже отмеченный высшими наградами Содружества за отвагу и доблесть в сражениях с красной заразой...

Игор приблизился на критическое расстояние. Теперь он должен был начинать выговаривать мое настоящее имя. Внешне спокойный, я дрожал, словно от холода.

- Итак, рад представить вам нового Председателя Совета директоров Всеземного Федерального Банка...

Нас разделяло не более двух метров. Джана открыла рот от удивления, а потом ее лицо исказилось в бессильной ярости.

- Кавальеро Бартоломео Эстер де Кастро!

Игор шагнул вперед и протянул руку для пожатия. Джана закусил губу. Я торжествовал, но представление только начиналось.

Церемония взаимных представлений с сотней другой высокопоставленных и богатых ублюдков, включая членов их семей, политиков всевозможных рангов и мафиози, тянулась нестерпимо долго. Такое количество повторений моего полного имени, памятуя о неприятностях, которые обязательно низвергались и при одном его упоминании, ничего хорошего не сулили. А имена представленных людей я забывал уже секунду спустя. Мне ничего от них не было нужно... Но это входило в сценарий.

Наконец официальная часть шоу закончилась. Со сцены невероятных размеров, зазвучал оркестр, в зал вкатили столики с закусками, шустрые стюарды вооружились бутылками с шампанским и нырнули в толпу. Пришло время триумфа.

- Мистер Джахроуд, - слегка поклонился я отцу Джаны. - Могу я пригласить сеньориту на танец?

Презрительно крививший губы король овсянки уже явно собирался отказать, и я счел нужным добавить:

- А вы, тем временем, подумайте о своем долге. Срок кончается завтра в полдень!

Джана чуть порозовела, ее губы дрогнули и она, почти силой освободившись от родительской поддержки, ринулась ко мне. Если бы фанфары, которые звучали голове, можно было хоть слегка усилить, весь Нью-Йорк оглох бы на месяц. Я испытывал наслаждение, сродни оргазму, от одного вида пышущего яростью лица своей недавней пассии.

- Ты ведь хорошая дочь? - принялся глумиться я. - Тебя ведь затронули неприятности отца?

- Скотина, - выдохнула Джана и впиалась в ладонь остро отточенными ногтями.

- Ну что ты, - продолжал я. - Такие, как я правят этим миром... А такие, как ты должны на нас работать, умирать за нас, утирать нам задницы...

- Ты чудовище!

- Я?! Помнишь, я обещал... - безучастно промолвил я, даже и не попытавшись освободиться от ее коготков. Боль тоже приносила удовольствие. Ее боль. Та, которая во сто крат сильнее боли физической. - ... Я обещал сделать тебя, как дешевую шлюху?

- Так все это только для этого? - скривилась Джана.

- Это для того, чтобы сообщить тебе... что я передумал. Ты не стоишь двести миллионов кредитов... Ну, десятку я за тебя еще бы дал...

- Так что же ты хочешь, монстр, - бессильно проговорила девушка, не забывая, впрочем, передвигать ногами в такт музыке. - Ведь тебе же нужна я, а не отец...

Жертва стремительно падала в тщательно приготовленную ловушку. Я подал условный сигнал и робот - микрофон повис над ее головой.

- ... Сними с него все долги, и я буду принадлежать тебе!

Вот этого-то я и ждал. По сценарию, я должен был громогласно расхохотаться, но горло подвело. Вместо смеха выдал только нечто напоминающее писк. Я мог испортить игру, и пришлось по быстрому брать себя в руки. Хохот получился не слишком естественным, но, благодаря уже подготовленному микрофону, очень и очень громким. Выдрессированные под руководством замечательного фердфебеля Игоря Танкелевича музыканты немедленно отложили свои инструменты. Тысячи глаз смотрели на нас с Джаной.

- Простите, господа, - делая вид, что и не подозревал о микрофоне, смутился я. - Просто сеньорита Джекхруд предложила себя в обмен на кредит нашего банка для ее отца...

Я, изо всех сил стараясь не попасть, попробовал отмахнуться от висящего над головой робота и добавил, слегка понизив голос:

- Видите ли, наш банк - оплот цивилизации. А торговля людьми - это варварство. И если в вашей семье это принято, значит не получите кредит никогда!

Танкелевич, уже успевший взгромоздиться на сцену, заплодировал и его, конечно же, поддержали. Люди всегда хлопают при виде большой кучи денег, а я представлял собой сверх большую кучу.

Выстрел совершенно растворился в громе оваций. Этого не было в нашем сценарии. Я уже получил то, что хотел, и незапланированное продолжение цирка рассердило. А на дуру,

которая первая увидела дохлого, прострелившего себе башку насквозь, Джехроуда, я и вовсе разозлился. Толпа ринулась взглянуть на мертвеца, совершенно позабыв про нас с Джаной.

Девушка опустила на пол и закрыла лицо руками. Я чувствовал себя усталым, словно всю ночь проработал шахтером. У меня оставалась еще одна фраза, которую я должен был сказать до того, как занавес скроет сцену от восторженных зрителей.

- Тебе не кажется, что я сделал тебя... вместе с твоим папашей. И ты только что станцевала здесь стриптиз? - сказал я и ногой опрокинул Джану на спину. В ее широко открытых глазах больше не было разума.

- Черт, - выругался я. - Такая хорошая фраза, а эта идиотка ее даже не поняла... И ведь больше некому ее не скажешь!

- Я ее слышал, босс, - сказал неслышно подошедший Игор. - Это было здорово. Ты начал новую рекламную компанию банка. Завтра мы это раскрутим по всему миру.

- Вот это Судьба, - усмехнулся я. - Полоумная принцесса овсяных хлопьев в рекламе банка...

- От судьбы не уйдешь, - тоже хмыкнул тот и подал запечатанный красной, тревожной печатью пакет. - Вас ждет Луна!

7

Буллиальд. Командос-4

Несколько раз собирался слетать на Луну в отпуск. Да только постоянно что-то мешало. То на глаза попадались рекламные буклеты ослепительно-белых пляжей Карибского моря с уймой загорелых красоток на переднем плане, то какой-то чернозадый болван рассказывал сказки об Анголе. Блеклые, режущие глаза черно-белые, безжизненные пейзажи планеты - соседки пальмовым рощам явно проигрывали. Видимо рок хотел сделать так, чтобы на Луну я попал в бронированном скафандре, весь увешанный оружием и с мокрой от страха задницей.

Ни кто нам этого не говорил. Нас не стали запугивать или считали слишком умными. Мы прочитали правила передвижения по поверхности, проверили обмундирование и погрузились в челнок. А когда из пассажирской кабины вышел весь воздух, мочевого пузыря не выдержал. Я внезапно ясно осознал, что будет, если в скафандре появиться хоть одна малюсенькая дырочка. Я тогда раздуюсь так же, как вздулся «костюмчик».

На Земле попадание пули в руку означало, что ты ранен и имеешь законное право проваляться в нежном объятии больничной койки. С Луны можно было вернуться только в двух качествах - на шаттле, живым, или в цинковом гробу, мертвым. Впрочем, меня ни что теперь на Земле не держало. Возвращаться я собирался. Странное, непривычное чувство внутренней пустоты, возникшее и так и не прошедшее с момента крушения последних метромориальных планов, требовало каких-то действий. Я надеялся занять себя Луной, до такой степени, чтобы некогда было думать, жалеть себя. Я надеялся, что какой-то счастливый случай, стечение случайностей позволят вновь испытать то сладкое, до безумия желанное чувство, которое пережил в момент триумфа в Метрополитан-Опера. И я надеялся привыкнуть к постоянному страху лишиться последнего глотка кислорода, как привык к постоянному страху получить пулю из-за угла от фанатиков расового освобождения Африки.

Я сидел на армированном кресле беспилотного космического кораблика и дрожал от бессилия что-либо изменить. Я боялся того оружия, которое держал в руках и боялся, что умру от ужаса

в тот самый момент, когда увижу вооруженного врага.

Слава Богу, аварийная ситуация – отключение искусственной силы тяжести, о возможности которой нас предупреждали на брифинге, так и не произошла. Не очень-то хотелось, чтобы все дерьмо, собравшееся в штанах, шариками летало перед носом. И без этого в выдавшем виды скафандре пахло ужасно, даже не смотря на воющую от натуги вентиляцию.

Иллюминаторов в военном транспорте не было. Солдатам вовсе не обязательно знать, куда их везут, решили конструкторы и «сэкономили» бронестекло. На счастье лунный челнок хотя бы не был одноразовой картонной капсулой, в которой нас однажды выбросили над Юго-Восточной Азией.

С расстояния в тысячу километров управление корабликом взял на себя оператор с Луны. Обратным рейсом челнок должен увезти на Землю компоненты генных сывороток – основной продукт производства лунных кратеров, так что оператору кораблик требовался целым и невредимым. Нас бережно, словно рукой, провели среди каменного безумия мира кратеров, приподняли над кольцом гор окаймляющих поселение и пропихнули в щель в едва приоткрывшемся куполе. И еще почти километр челнок опускался ко дну.

Машина стукнулась о твердое покрытие и спружинила на длинных, тараканьих лапах. Над входным люком вместо красного, горевшего все несколько часов полета, вспыхнуло зеленое табло. Дверь скользнула вверх, обдав парами компрессионных газов.

Все шестнадцать моих бойцов продолжали сидеть на местах. Нас предупредили, что на Луне наши тела станут весить в шесть раз меньше чем дома, и что любое неосторожное движение может привести к травме. Мы шевелили руками, топали, подбрасывали в руках оружие, пытаюсь определить силу тяжести, а вставать боялись.

- Эй, крестьяне, – раздался голос в шлемофоне. – Освободите телегу.

Я осторожно поднялся и, зачем-то пробуя пол ногой перед каждым следующим шагом, вышел наружу.

- Все нормально, выходите, – широко улыбаясь, заявил стоящий у трапа человек, одетый в одни шорты и майку. Этот ублюдок искренне над нами потешался.

- Имя, должность, звание, – рявкнул я, направляя на него плазменный излучатель. И добавил уже на тактической волне:

- Тяжесть в норме, все на выход. Не задавите цивика у трапа.

Бойцы организованно встали и, грохоча стальными, с гидроусилителями, ботинками, покинули средство доставки.

- Сэр. Разрешите перейти на глобальное воздушноснабжение? Сэр? – спросил мой заместитель, лейтенант ван Ку.

- Разрешаю, – ответил я и тоже открыл шлем.

- Фри, Станислас Фри, – заявил лунянин так, словно сам не был в этом точно уверен. – Фу-у-у, как от вас смердит... Обделались?

- Где командир этой ямы? – миролюбиво, сквозь зубы, процедил я, слегка сжимая ладонь на его

плече. Максимальное давление, которое могла дать перчатка, превышало сотню килограмм на квадратный сантиметр. Не думаю, что использовал больше одного процента от возможностей.

- Ты что? Дикий? - взвизгнул туземец.

- Я задал тебе вопрос!

- Он сейчас придет...

Я отпустил его плечо, повесил излучатель на крепления и повернулся к ребятам. Они, словно дети в цирке, оглядывались и зачем-то нюхали воздух.

- Ван Ку, в чем дело?

- Капитан, сэр, - дернулся молоденький лейтенант, - здесь пахнет... лекарствами, что ли. Как в аптеке... Сэр.

- А что ты хотел, - хохотнул тут же возникший Миха Безденежных. Он считал себя ветераном и во время заданий не утруждал себя субординацией. - Они же тут все доходяги. Поди, только на лекарствах и живут...

- Земляшки, - крикнул туземец, вскочил на проезжающий мимо погрузчик и умчался.

- Может пристрелить эту тварь? - внес дельное предложение Миха.

- Пожалуйста, не стреляйте, - интеллигентно попросил кто-то сверху, что было для нас совершенной неожиданностью.

Прямо над нами висела плоская машина, и в ней человек десять, все как один наряженные в коротенькие штанишки.

- Ты кто? - крикнул я и посторонился, дабы освободить место для посадки гравидиска.

- Директор научно-производственного центра Юго-Запад-1.5, Ким Са Хон, профессор.

Машина села и азиат, выскочив через низенький бортик, протянул мне ладошку, которую я осторожно потрогал бронеперчаткой.

- Добро пожаловать в кратер Буллиальд, море Облаков.

- Да, я сейчас искунуться не отказался бы, - мечтательно протянул Миха.

- Вот и отличненько, - обнажил идеально желтые зубы профессор. - Сейчас вас всех отвезут на санобработку...

- Капитан Бертран Кастр, - отрапортовал я. - Командир отряда АКСАЙ-4. Прибыл для охраны и патрулирования прилегающей территории. Вам пакет...

- Сначала санобработка, капитан, - мягко возразил директор. - Все остальное потом... Мы же не хотим умереть от какой-нибудь ерунды вроде гриппа. И, пожалуйста, не стреляйте в куполе...

Подкатил похожий на черепаху фургон, и мы все, как бараны, послушно туда влезли. Прежде чем люк за нами захлопнулся, я успел услышать, как Ким приказал:

- Принимайтесь за работу. Вытравите всю заразу, которую принесли с собой наши... защитники.

Нас повезли сначала вдоль высоченной, почти километровой, стены кратера и сквозь прозрачный изнутри купол «черепahi» видели, как несколько человек поливали из шлангов весь челнок, его внутренности и всю площадку на которой мы раньше стояли.

Впрочем, процедура дезинфекции занимала нас совсем не долго. Кто-то из солдат буркнул, что, мол, с нами возятся, словно мы прокаженные. И на этом обсуждение скользкой темы было закрыто.

Зато сам поселок обсуждали долго. Научно - производственный центр ЮЗ-полтора, в кратере Буллиальд, представлял собой огромный завод по выработке компонентов для генной инженерии. Немногочисленное, около двух сотен человек, население кратера жило в комфортабельных отсеках расположенных вдоль третьего уровня.

Туземцы, в основном семейные пары, занимались научными изысканиями, техническим обеспечением космического перевалочного пункта или управлением роботами на заводе. Жили луняне на всем готовеньком, держались отчужденно и нас, землян, явно недолго любили. Я с удивлением узнал, что подавляющее большинство туземцев родилось уже на Луне, и лишь единицы когда-либо ступали на поверхность Земли.

- Там... грязно, - затрудняясь с выбором подходящего слова, однажды все-таки выдал один из местных.

Поселение занимало практически весь колоссальный, пятьдесят километров в диаметре, кратер. На самом дне, «на полу», как говорили местные, работали машины, извлекающие из камня кислород. Туда люди редко заходили. Второй уровень занимали транспортные коридоры. Именно туда сел челнок. По террасам второго уровня в основном осуществлялась связь между разбросанными там и сям жилыми блоками.

Следующие уровни не имели целевого назначения. Цеха завода и станции наблюдения за близлежащим космосом занимали самые высокие уровни, у защитного купола. Искусственная гравитация там уже не действовала, а воздух был настолько разряжен, что работающим людям приходилось надевать дыхательную маску.

Вообще, центр был спланирован в расчете на гораздо большее население. Поселки, подобные этому, но расположенные на обратной стороне Луны, фарсайте, хоть и закладывались в одно время, в эпоху Первой волны Экспансии, в 24-25 веках, давно уже разрослись до гигантских мегаполисов, сравнимых с крупными столицами мира. Только благодаря Биркофф-сити и Менделеевграду на обратной стороне Луны, население планеты переваливало за тридцать миллионов человек. Из этих двух столиц Луны ежегодно к колониям в других звездных системах отправлялось более тысячи звездных крейсеров. Столько же кораблей возвращалось, вываливая там несметные сокровища чужих миров.

По сути, кратер Буллиальд был одной из сотен разбросанных по всей планете деревень. И для Земли, для нежно мной «любимого» Правительства эта дыра имела значение лишь как точка весьма удобная для наблюдения за прилунным космическим пространством. Кроме того, в кратере можно было установить пусковые ракетные установки. Тогда транспортное сообщение Луна-Земля оказалось бы под контролем. На брифинге перед вылетом на задание нам особенно указывали это обстоятельство. Только я не слишком внимательно слушал. Это мы с Танкелевичем все придумали и я, спасибо капралу Леви, мог бы объяснить это солдатам с

большим воодушевлением. Тем не менее, цель была достигнута. Мы, шестнадцать закованных в броню командос, сели в жестянку челнока и отправились брать ситуацию под контроль. Я надеялся, что такая же идея не пришла в голову какому-нибудь красному маршалу, и моим планам комми не помешают. Очень уж не нравилась лунная война.

Рекламные буклеты, зазывающие туристов провести отпуск на Луне, в большинстве своей, описывают красоты близлежащих окрестностей мегаполисов Темной Стороны. Известные на всю Ойкумену таверны звездных капитанов. Сан-Централ - вокзал, откуда к чужим солнцам стартуют сотни кораблей землян, Парк-Овраг - единственное на Луне место, где из серо-розового камня безжизненной планеты течет самый настоящий ручеек воды. Земляне не слишком-то восторгаются этим жалким зрелищем, но для коренных лунян ручей - самая настоящая святыня.

В общем, мы ожидали и в Буллиальде увидеть нечто подобное, но нашему взору открывались все новые и новые индустриальные пейзажи. Гигантский кариес в круглом лунозубе был битком набит какими-то машинами, трубами, роботами. Вонь синтетической смазки была знакома нам и на Земле, а дрожжевые культуры везде смердели одинаково. Что на Луне, что на Земле. Я был разочарован. Будущее королевство оказалось меня недостойным.

И уж ни в каком рекламном буклете не говорится, что Землян, прежде чем выпустить на огороженную селеновым куполом свободу, станут поливать какой-то едкой жидкостью. Потом облучать инфракрасными и ультрафиолетовыми мигалками, промывать, сушить, при - и выжигать. А в довершении ко всему еще и сожгут всю привезенную с Земли одежду, если только она не совсем еще новая, в фабричной упаковке.

Шестнадцать розовеньких, как младенцев, разъяренных бугаев, наконец выскочили из последней камеры пыток и нам тут же, с милыми улыбочками, вручили наше совершенно стерильное, но не работающее оружие.

- Паршивые луняшки, - брызнул ядовитой слюной вдруг переставший быть таким уж черным Ангудо, обнаружив, что его излучатель не подает признаков «жизни». - Да я их голыми руками...

Я был рассержен не меньше остальных ребят, чувствовал паршивый привкус ядовитой промывки для рта и жжение от клизмы, но сумел сдержаться еще на пару минут.

Пока не обнаружил свой тактический компьютер, сидящего возле него в полной прострации Луи Чена и брикет совершенно испорченных батарей.

- Его можно подключить к местной энергосистеме, - без большого энтузиазма, поделился со мной Луи.

- Ну, так сделай это! - рявкнул я и вся компания притихла.

Экран мигнул и включился. Чен облегченно вздохнул, и почти весело доложил:

- Зафиксирована попытка взлома пакета с секретной информацией, сэр.

В довершение к тому, что попросту свирепел при воспоминании о надругательствах санобработки, у меня появилось чувство, словно нас предали. Будто я один стоял в свете прожекторов, абсолютно голый, а вокруг смеются тысячи глумливых врагов.

И паскудное чувство не давало ясно мыслить до тех пор, пока не взялся за ребристую рукоять

большого ножа.

- Надеюсь, подлый враг не затупил наши ножи!? - воскликнул я и вырвал лезвие из ножен. И сразу понял, что идея пришлась солдатам по сердцу. Только молоденький лейтенант ван Ку попробовал было протестовать, но тут встрял Миха Безденежных, наверное взявший над новичком шефство:

- Попытка проникновения в секретные файлы - это измена Родине! - недобро глядя на растерянного молокососа, изрек русский.

- Да, но...

- Чен, найди в законах что-нибудь для лейтенанта, - приказал я Луи и, решив, что инцидент исчерпан, обратился к остальным:

- В этой выгребной яме, кроме нас некому наказать супостата. Сейчас мы пойдем и покажем местным хлюпикам, как нужно управляться с делами.

Я снова почувствовал себя храбрым и сильным. Проблема захвата кратера, поиска оснований, поводов, которые занимали еще со времени разработки этой идеи на Земле, у Танкелевича, разрешились сами собой. Со стороны аборигенов попытка взлома компьютера казалась просто подарком, значение которого они сами даже не представляли.

Незнакомая обстановка, чуждый уклад жизни перестали раздражать. Кратер превратился в поле боя, где цель битвы была известна только одной стороне. «Если ты не воешь с волками, то оказываешься среди овец»* - сказал кто-то Великий в древности, и я был согласен на все сто. Возможность свести процесс получения контроля за кратером к процессу раздачи приказов вызывала восторг.

Мы облачились в «хамелеоны». Споро и привычно развернули центр тактической связи. Луи создал голографический макет кратера. А я распределил среди подразделений цели.

- Операция с кодовым названием «Дыра». Цель - овладеть месторасположением противника, подавить сопротивление..., - ухмыльнувшись, сказал я своим готовым ко всему головорезам и они «доброжелательно» заулыбались в ответ. Они все еще помнили ощущение от введенного в задний проход шланга для промывки прямой кишки.

На счастье, на его счастье, ввалившийся без предупреждения профессор Хон, тоже не стал беречь раны банде. За то он, едва успев появиться, наговорил целую гору других глупостей.

- Вы уже получили свои... гм... костюмы обратно? - участливо поинтересовался директор, и вскинул брови увидев готовых к бою солдат. - Вы прямо теперь собираетесь выйти на поверхность?

Я подал знак ненавистному, предавшему меня негритянским фашистам, Ангудо. Проклятый «иуда», если негра можно так назвать, мелькнул за спину аскетичного азиата и заблокировал руки. Пленного туземца пристегнули кандалами к креплению на животе кибера.

- Кстати, командир, - с деланной заботой в голосе, прилаживая ножны на запястье, спросил Миха. - А как быть с пленными? Может не брать?

- Придется брать, - искренне огорчился я. - Берите, работы в этой дыре хватит. Не будем же мы тут вкалывать...

Отряды инициировали «хамелеоны» и небольшая комната наполнилась плавающими силуэтами людей. Если раньше не видел, это производит сногшибательное впечатление. В буквальном смысле. Вестибулярный аппарат не в силах справиться с противоречивой информацией. Например, глаза видят, как мимо проплывают сразу несколько шкафов-сушилок...

- Капитан, какого дьявола вы тут затеяли? - гневно воскликнул Хон, наконец-таки придя в себя после неожиданного пленения. - Это, что еще за учения в кратере? И даже без согласования! Они же могут повредить важное оборудование!

- Начали! - выдохнул я роющим землю от нетерпения бойцам. - Операция начинается!

Дверь распахнулась и три группы «стеклянных» теней выскользнули в «открытое» пространство кратера. Группа техников под руководством Луи Чена проверила оборудование связи и системы слежения. На объемной схеме «дыры» появились ярко-зеленые точки занимающих позиции командос.

- Что же здесь происходит? - продолжал вопить директор.

- Ангудо! - коротко бросил я негру. Тот довольно оскалился, шагнул к Хону и коротким резким ударом подкованного ботинка по лицу азиата надолго заткнул директору рот. Кровь струей брызнула на стерильные плиты пола и чистюлю Хона это, сильно раздосадовало. Он принялся ловить капли рукавом, одновременно пытаюсь собрать с пола уже пролитое. Было забавно наблюдать, как коротышка ползает по полу, роняя капли крови, страдая от этого и пытаюсь их стереть.

Жаль только у меня не было времени подольше посмотреть на это шоу. Команды заняли исходные позиции и требовали координации действий. А вот негр Ангудо повеселился от души.

- Лейтенант ван Ку у ворот энергоцентра, - доложил Луи. - Группа №2 заняла позиции у атмосферного центра. Третья - готова к штурму центра связи.

- Вы будете отвечать за этот пиратский налет, капитан, - пуская розовые пузыри, прошамкал директор.

- Заткнутся эта желтая обезьяна или нет?! - раздраженно воскликнул я.

- Приказ не понят, - донесся из коммуникатора голос лейтенанта. - Группа №1 просит повторить.

Таймер отсчитывал последние секунды. Хон что-то тихо булькал, видимо строил планы страшной мести. Техники оторвали глаза от своих экранов и смотрели на меня. Дюжина здоровенных лбов в камуфляжах смотрели на маленькие черные решетки динамиков коммуникаторов в ожидании одного слова.

- Делайте свою работу, ребята, - твердо сказал я, когда на табло секундомера-таймера вспыхнули шесть нулей.

- Зачем вам это нужно? - сделав вид, словно сдался, выговорил азиат. - Через час нужно будет выйти на визуальную связь с Землей и я конечно же буду вынужден объяснить происхождение повреждений на лице... В корпорации, для которой мы производим здесь сырье, есть весьма влиятельные люди. Вас разжалуют в рядовые и отправят на фронт...

Эта речь искренне позабавила и я уже чуть было не засмеялся, но тут негр, которому было поручено присматривать за пленным, решил проявить инициативу.

- Говори человеческим языком, мартышка, - пиная Хона в бок, процедил Ангудо. - Что это еще за визуальная связь?

- Группа номер два и три вошли на территории своих целей. Ситуация под контролем, - доложили техники. - Группа «один» встретила сопротивление. Ван Ку просит разрешения на применение оружия.

- В энергоцентре нельзя стрелять! - истерично взвизгнул азиат. - Любое перенапряжение поля вызовет катастрофу!

- Передайте лейтенанту, что я запрещаю. Пусть ждет, - сказал я и благодарно кивнул экс-директору. - Собирайтесь. Теперь пора выступать.

Ангудо проворно водрузил пленного на ребристую спину одного из киберов. Техники подобрали в утробы роботов километры разноцветных кабелей. Спустя пару минут отряд уже громыхал по металлическим мостикам на краю кратера.

По пути попало несколько туземцев с туземками и мы присовокупили их к директору.

- Отпустите хотя бы женщин, варвары, - снова возник Хон, чем вызвал самую настоящую панику среди новых пленников. Аборигены почему-то думали прежде, что это игра и не воспринимали нас всерьез.

Может это и к лучшему. Во всяком случае, именно благодаря тому, что луняне поначалу нас не уважали, чем потеряли остатки уважения моего, родился замечательный план захвата энергоцентра.

Но пока мы шли к командному центру кратера Буллиальд. Здесь же располагался пульт лоцманов для заходящих на посадку и взлетающих из кратера космических кораблей.

- Как открываются ворота? - учтиво поинтересовался я у директора, когда между нашей группой и командным центром осталась лишь серая сталениловая панель.

- Нужно приложить руку к сканеру, - ехидно пояснил Хон. - И если система безопасности узнает рисунок, ворота откроются. В противном случае, вас ждет сюрприз. Ваших-то рук система не знает... Можете хоть тысячу раз сказать «сезам откройся»...

- А ваша рука? Она подойдет? - почти ласково, коварно спросил я.

- Да, но почему вы думаете, что я стану это делать?

- Потому, что в противном случае придется приложить к сканеру вашу руку... Ангудо ее отрежет...

Озабоченное выражение лоснящегося от пота лица негра сменилось кровожадным оскалом, и он выхватил из ножен на щиколотке свой здоровенный тесак. Директор, не задерживаясь более ни секунды, резко вытянул руку, и прижал ее к белому квадрату на стене. Герметичная дверь распахнулась. Мы с негром ввалились внутрь, размахивая тускло отблескивающими лезвиями ножей.

Командный центр был уже оповещен о наших активных действиях и шестеро его обитателей, хоть не обладали всей информацией, решили за дешево центр не сдавать. Они и не догадывались, что ни кто и не собирался брать их в плен.

Я легко перепрыгнул наваленную у входа в кучу всякую всячину. Приземлившись на кулак, я перекувыркнулся, продолжил двигаться и в итоге оказался под ногами одного из «ополченцев».

Наверное, он ожидал, что встану и затею с ним драку. Но я попросту полоснул лезвием по связкам с внутренней стороны колена. Туземец дико заорал, и рухнул в самую середину быстро растущей лужи крови. Через секунду в этом же водоеме оказался еще один горе воин. Его направил туда Ангудо, не забыв предварительно пробить рукояткой ножа височную кость. Третий «защитник» остановился на месте и я, хмыкнув, одним ударом сломал ему обе ноги.

И только когда туземец свалился без сознания от болевого шока, я услышал вопли азиата умоляющего о пощаде для оставшихся невредимыми «ополченцев». Но, звучащие как самая лучшая из мелодий, мольбы директора, как оказалось, воспринял только я. Негр продолжил, не обращая внимания на внешние раздражители, крушить все и вся. Оставалось лишь подождать, когда последний обитатель командного центра хрустнет ломающимся позвоночником, а потом я, с огромным удовольствием, осуществил давно и нежно лелеемую мечту. Я точно и сильно вогнал нож между позвонками негра – предателя.

- Свяжи меня со второй группой, – переводя дыхание, попросил я Луи, с «замороженным» лицом наблюдавшего за течением резни. Только мне было наплевать на его душевные переживания. Луи Чен видел дела и по круче. А Михе Безденежных, окопавшемуся в том месте, где для этой дыры очищали кислород, я сказал:

- Привет, приятель. Отключи на полчаса подачу кислорода в энергоцентр и скачай все, что там уже есть. Малыш ван Ку так и не смог справиться с паразитами в той норе.

- О`Кей, – лаконично ответил Миха. В коммуникаторе раздавалось подозрительное пыхтение. Такое создавалось впечатление, словно он там сексом занимался...

Мы смотрели с Хоном друг на друга. Но по его лицу текли слезы, и он даже не мог утереть соленые капли прикованными к киберу руками. А я смеялся. Я только что освободился от последних притягивающих к Земле оков. Я больше не зависел ни от чего и не от кого. Мне было хорошо, словно ребенку, которому подарили настоящий ковбойский пистолет.

- Вы ответите за свой произвол, капитан Кастр, – побледнев, процедил сквозь зубы блондин, управляющий лунных предприятий корпорации «Интер Биотехнологии». Слюна кипела ядом на его губах, но я не боялся его зубов. Во-первых, в руках был мой любимый пистолет, и его дуло смотрело точно в затылок профессору Хону. Во-вторых, между нами была чертова уйма километров безвоздушной, холодной пустоты. А в-третьих, «ИБТ» была кредитором моего банка.

- Эту песню мне уже пели, – усмехнулся я. – У тебя плоховато с фантазией, красавчик. Скажи что-нибудь хорошее, доброе...

- Доброе тебе скажет палач! – взорвался управляющий и отключил связь.

- Ну вот, – обиделся я. – Исчез... Теперь придется со своим начальством разговаривать...

Хон осторожно, двумя пальцами, словно это был не абсолютно стерильный пистолет, а

ядовитая жаба какая-то, отодвинул ствол оружия от головы и дипломатично заметил:

- Ты думаешь, твой командир по иному отреагирует на пиратский налет?

- Видишь ли, цивик, - светски протянул я. - В военном языке нет слова «пират». Это скорее полицейский термин... У нас все можно объяснить. Нужно лишь использовать соответствующие термины.

Азиат, за которым теперь, не менее бдительно приглядывал Миха, недоверчиво покачал головой. А Луи знаком показал, что связь со штабом лунных операций налажена.

- Не буду желать удачи, - честно признался Хон.

- Я бы очень удивился в противном случае, - искренностью на искренность ответил я. - Луи, я готов.

Экран дрогнул, по серому полю прошли таблицы раз кодировки секретного сигнала и, наконец, проступило лицо Полковника. Я встал по стойке смирно и состроил глуповато-исполнительное лицо.

- Капитан Кастр, сэр, - заорал я, отдавая честь. - Сэр, кратер Буллиальд, сэр.

- Что у тебя, сынок, - мягко сказал Полковник и взглянул на часы, учтиво намекнув, что у него не слишком-то много времени.

- Группа Аксай-4... В кратере Буллиальд столкнулись с открытым сопротивлением, попыткой взлома секретного блока компьютера и открытой агитацией «красных» идей. Ситуация взята под контроль. Зачинщики арестованы. Ранено двое. Один убит. Противник понес значительные потери. Состоялись переговоры с хозяином местной фабрики, корпорацией «Интер Биотехнолоджик». Они не хотят брать ответственность за инцидент. Тактическая группа прогнозирует 45% вероятность, что противник произведет попытку вернуть захваченные нами позиции. Прошу считать этот сеанс связи официальным рапортом. Сэр.

Если б я только знал, чем именно занимается на Луне Полковник. Если б я только мог хотя бы подумать о толпах переселенцев, в основном высококвалифицированных специалистов, которых правительство эвакуирует из звездных портов на Темной стороне Луны, я попросил бы у Полковника дивизию космических пехотинцев, чтоб «защитить» их от воображаемого «красного» вторжения.

- Ого, капитан, - вытянулось лицо у Полковника. На часы он больше не смотрел. - Так! Молодец, сынок. Все данные немедленно переслать в Информационный Центр... Много тебе людей дать не могу. Положение сам знаешь какое. Так, что не больше чем еще пару групп. Держись! Комми не должны захватить контроль за трассой. С фирмочкой разберись. Все!

Спустя пять часов, под траурное молчание туземцев в кратер опустился шаттл и моя армия увеличась втрое.

Я обладал абсолютной властью, и это пьянило. Прибывшие с подкреплением, обещанным Полковником, лейтенанты Желлсон и Элсод, выяснив ситуацию, волну поднимать не стали. Каждый из них получил свой собственный кратер в окрестностях Буллиальда. Кроме этого они получали жалование, как служащие нашей новой с Танкелевичем компании «Лунар Генетик». Мы сбили мировые цены на генные компоненты и получали бешеные прибыли. Все дело в том, что платить зарплаты и страховки «рабочим» мне и в голову не приходило. Туземцы еще

должны были отрабатывать пищевой паек...

Военное командование, а потом и Правительство требовало подчинения. Я создавал видимость, соблюдал предписанные церемонии, сравнивая себя со жрецом недосягаемых Богов. В том, что «Боги» не явятся проверить, был полностью уверен.

Туземцы продолжали надеяться, и нам приходилось все время быть начеку, убивать в зародыше бунты и карать за саботаж. Попросту уничтожить этих людей мы не могли себе позволить. Лунные заводы должны выдавать продукцию, а без туземных специалистов это было бы затруднительно.

Мы пытались изобрести решение проблемы. Я, Желлсон и Элсод собрались в моей резиденции в столице владений, в кратере Буллиальд.

Бывший холл для общественных мероприятий, а теперь личный кабинет, тронный зал и место проведения пиров, был пышно убран самым драгоценным, что было на Луне – живыми растениями. На покрытой толстой плитой из цельного рубина столешнице огромного, метров тридцать в длину и примерно два в ширину, в беспорядке были расставлены многочисленные бутылки спиртного, запрещенного, кстати, на Видимой Стороне Луны. Водки в основном, ведь хозяином, принимающим гостей, был я, и пир устраивался в моем вкусе.

Не люблю холодный камень. Поэтому сидел в специально заказанном с Земли кресле из настоящего черного дерева. Худому, крупному на вид, с матовой, по змеиному сухой кожей, длинному, словно оглобля негру Желссону все было нипочем, и он уселся в вырезанное из лунного шлаконита сидение. Водку он не пил, обожал холодное оружие и был торгаш до мозга костей. Но Кириллиос Желссон умел просто завораживать людей, даже не открывая рта. Солдаты, только из-за его присутствия, были готовы идти на верную смерть. Туземцы в его кратере даже и не вспоминали о «свободном» прошлом. Хотя были не в лучшем положении, чем люди в кратере Гиппал, где заправлял сексуальный маньяк, здоровяк с волосатой грудью и с ослепительно-белой генетически обесцвеченной шевелюрой Джакомо Элсод. Впрочем, меня не интересовали его сексуальные наклонности. Кратер Гиппал выдавал продукцию и не требовал лишнего.

Склонный к франтовству Джакомо, пил только шампанское и приходилось доставлять тонны этого напитка с Земли для оргий. На счастье, Элсод совершенно не разбирался в винах и Танкелевич поставлял самый дешевый, синтезированный на дрожжевых фабриках сорт.

- Мне нужно полторы тысячи пищевых пайков, – лениво протянул Кириллиос, отталкивая от себя металлический бокал с ромом.

- Зачем? – оживился туповатый Джакомо. Он во всем старался подражать Желссону. Не считая секса, конечно. Компания выделяла ограниченное количество единиц синтезированных пищевых паев и перерасход в подведомственном лейтенанту Желссону кратере Гессенди значил только одно – пронырливый негр сбыв товар куда-то на сторону. Убытки были невелики, и приходилось закрывать на это глаза. Чтобы не лишиться магического влияния Кириллиоса на людей.

- Люди едят каждый день, – трагически разведя свои длинные руки в стороны, промолвил худой прохиндей. – К сожалению...

Даже мельком глянув на эту хитрющую рожу, любому стало бы ясно, что вряд ли туземцы Гессенди получают пищу ежедневно.

- Получишь, - пообещал я. - Корми получше своих задохликов. Где еще мы возьмем спецов...

- Кстати, - нехотя выговорил Элсод. - Меняю две установки по сверхчистому разделению молекул, - лейтенант сверился с бумажкой, и кивнул, выяснив, что правильно выговорил название прибора, - на техника рециркуляционного кислородного комплекса.

- Куда ты дел своего? - устало выговорил я.

- Бунтовать вздумал, скотина, - отмахнулся красавчик. - Решил, что жена принадлежит ему одному...

- Добавь старательский танк-тягач и геолога, - глаза у Желлсона алчно блеснули. - И я отдам тебе техника с женой. У меня она бесполезный груз. Она по специальности оператор защитных орудий.

- Не вздумай подпускать ее к оружию! - строго ткнул я пальцем в Элсода. У него на лице было написано, что негр получит и геолога и старательский трактор. По мнению Джакомо одна баба стоила больше чем все это барахло. Он так сладострастно облизывал губы, что я перестал беспокоиться о безопасности в его кратере. Вряд ли женщина увидит что-то, какое-то оружие, кроме того, что у него в штанах.

- По рукам, - благополучно провалив героическую попытку изобразить мыслительный процесс на скроенном хирургами - косметологами лице, согласился Джако.

Мы собрались, чтобы выработать какую-нибудь стратегию наших действий в захваченных у «неприятеля» кратерах, а продолжали трепаться о пустяках. Джакомо красочно расписывал свои новые извращения, часто сбивался, нервничал, размахивал руками и забрызгал стол слюной. Желссон просчитывал в уме какие-то ведомые только ему одному торговые операции, слегка улыбаясь и делая вид, что внимательно слушает приятеля. От чего последний сбивался чаще и нервничал больше.

Я тихо пил водку, смотрел в экран работающего галавизора, и пытался что-то придумать. Вместо нужных мыслей в голову лезла всевозможная чушь, включая положение на фронтах бушующей за сотни тысяч километров от меня войны. Кстати, новости тогда и передавали.

Не смотря на сияющее энтузиазмом лицо комментатора, Демократическое Содружество впадало в коллапс. Затяжное Генеральным Штабом большое наступление в Центральной Африке и на просторах Западно-Сибирской равнины умылось океаном крови и сдохло. Горстка отнятой у комми земли тут же была объявлена «значительной частью континента». Роздали пол миллиона орденов и похоронили два миллиона истерзанных войной трупов. Красные сбили две орбитальные платформы, которые рухнули в плотно населенные районы. Количество новых жертв красных изуверств подсчитывается. На биржах резко подорожал бериллий во всех видах - основной металл для строительства межзвездных кораблей. Президент обратился к народу с предложением перенести выборы нового главы государства до лучших времен. Лидер партии Армия Единства, господин Курт Штайн высказался по этому поводу. Основной канвой выступления первого конкурента Президента было то, что легионеры АЕ готовы силой восстановить закрепленный Конституцией порядок смены высшей исполнительной власти государства. Конечно, в случае, если Президент рискнет отменить выборы.

- Кому-то еще нужно это догнивающее государство, - буркнул я.

- Ты это мне? - весело крикнул Игор Танкелевич с экрана коммуникатора, на котором еще даже не полностью растаяла дешифровальная таблица.

- Игор, - обрадовался я. - Рад видеть тебя, приятель!

Я действительно был рад его видеть. Игор утолял жажду общения с умным человеком. С этими двумя тарантулами, Элсодом и Желссоном, разговаривать особо не о чем. Я подвинулся ближе к экрану и включил поле беззвучия вокруг. Наши с коротышкой дела не должны достигнуть ушей сидящих рядом ублюдков.

- Привет, босс, - сиял банкир. - Слышал, что у нас тут твориться?

- Ты о бериллии?

- К дьяволу бериллий! У нас с тобой этого добра на два звездолета хватит... Я о перевороте.

- Что это значит? - не сразу понял я.

- Штайн и его боевики захватили все жизненно важные для государства точки. Галоцентры, связь, транспорт... Его полностью поддерживает армия. Президент закрылся в своем бункере в Скалистых горах, но говорят, что его время уже прошло... Люди Штайна приходили ко мне... Ему нужна поддержка банка. Я отправил их к тебе. Жди гостей. Решать тебе...

- А остальные акционеры?

- Забудь о них. Ты обладаешь контрольным пакетом.

- Как это случилось?

- Красные сбросили бомбу на Каир. На биржах началась паника. Я от твоего имени проголосовал против поддержания уровня котировок акций банка, а потом, через подставные лица, скупил все, что выпало на рынок. Ты, знаешь ли, заразный! Я фактически ограбил банк, но чувствую себя превосходно...

- Тебе еще нужно убить негра, - хмыкнул я. - Ты не забыл?

Игор, с задержкой в несколько секунд, засмеялся и, направив вытянутый палец куда-то в сторону, воскликнул: «бэнг!».

- Я подарю тебе настоящий пистолет, - тоном, которым обычно взрослые разговаривают с детьми, пообещал я. - Ладно, рассказывай. Чего хочет этот Штайн?

- Твердит о каком-то новом порядке... Да они к тебе эмиссара вышлют, тот лучше расскажет... Мне кажется, что положение не спасет ни какой порядок...

- Нам с тобой много и не нужно, - напомнил я приятелю. - Корабль готов?

- Вот по этому поводу я и хотел с тобой поговорить, - хлопнул в ладоши Игор. - Тут у нас в космопортах скопилось пара миллионов беженцев, которым приспичило покинуть родную планету... Так сказать, Колыбель Человечества...

- Да кому они нужны... - начал было говорить я, но споткнулся на полуслове, пробитый насквозь догадкой о плане Танкелевича.

- Я слышал у тебя там нехватка специалистов? - коварно поинтересовался банкир.

- Гений! - сделал вид, что только теперь догадался, вскричал я.

- Корабль почти готов, - не унимался коротышка. - Как мы и договаривались, достраивать его будем у тебя на Луне...

- Дешевая рабочая сила... - развел руками я.

- Точно! Я послал тебе бизнес-план действий. Посмотри, я подожду.

Автомат выплюнул несколько листов с текстом, и я взялся за их изучение.

Как все, за что брался Танкелевич, план был сделан тщательно, обдуманно и охватывал целый ряд тем, открывал целый веер выгод, о которых я сразу и не подумал.

Игор предлагал объявить несколько программ переселения. Небольшая, состоятельная часть людей, должна была оплатить их доставку на Луну. Сначала в Буллиальд, а потом в Биркофф-сити или в Менделеевград. Второй класс должны были составить физически крепкие, умеющие держать в руках оружие, мужчины с семьями, для укрепления нашей военной мощи. Им платить за проезд не требовалось. Напротив, мы будем оплачивать их службу. И, наконец, был еще третий класс - специалисты и члены их семей. Те, кто должен будет отработать свою перевозку, питание и жилье работой. В файле Игоря третий класс проходил под заголовком «рабы». И этим было все сказано. И этим заканчивалась рекламная компания банка, как оплота этой цивилизации. И может быть, начало новой системы...

Банкир планировал перевезти всю эту толпу за один раз в полу готовом звездном крейсере. Пока корабль не оборудован удобствами и лишен элементарного комфорта, но это компенсируется большой его вместительностью. Прилагались обоснованные расчеты, доказывающие, что судно легко доставит в Буллиальд не менее 55 тысяч человеко-единиц. Другие цифры спешили уверить, что три наших кратера, поднапрягшись, сумеют вместить такое количество людей.

Связь с Землей, а так же доставку необходимого оборудования, припасов и оружия Танкелевич планировал осуществить с помощью купленного им небольшого межпланетного грузовика. Последним рейсом этот кораблик должен будет забрать с планеты самого Танкелевича, отобранных им клерков, архив и золотой запас банка.

Далее следовал список специальностей, которым приятель планировал отдавать предпочтение при наборе рабов. Я добавил еще несколько и послал план обратно на Землю.

- Согласен, - коротко бросил я Игорю. - Начинай немедленно!

Тот изучил дополнения, сказал что-то в укрытый на его столе микрофон и улыбнулся во все свои тридцать с лишним зубов.

- Через десять часов встречай гостей, - сказал этот финансовый лис. - Мы уже трое суток отбираем людей. Конкурс больше чем в Гомо-лотто... Проходит один из десяти тысяч!

- Не преувеличивай, - засмеялся я и прервал связь.

Скучающие прежде рожи лейтенантов теперь выражали крайнюю степень заинтересованности.

- Скоро вы получите всех спецов, которые нужны, - серьезно проговорил я. - Езжайте по домам, я с вами свяжусь.

Сила дипломатии. Король

Сон, прекрасный сон о том, как я, облаченный в сияющие латы, в кирасу с развевающимися по ветру пышными страусиными перьями, команду эскадрой прекрасных, белокрылых, парусных кораблей. Острова с толпами полудиких папуасов приветствуют меня, командора, цветами и грудями золота. Прекрасные девушки предлагают себя в надежде зачать от меня, полубога в их примитивном понимании, ребенка. Искаженные отчаянием, разукрашенные татуировками рожи полуголых дикарей и их кровоточащие от стальных оков руки. И с треском лопающаяся под жалом кнута кожа на спинах. Раз за разом... Удобная рукоятка в руке, кровавая черта за чертой на смуглой спине. Черта за чертой. Черта за чертой. Хруст выворачиваемых суставов в попытке избежать очередного удара. Угасание жизни в, когда-то сияющих яростью и жадной мести, глазах. Флаги, шпаги, паруса, женщины, перья, вино и золото, целые груды золота...

И все это чудо прервалось одним единственным звонком. Сигналом от двери моих апартаментов я был выпихнут из рая фантазий в ад гудящей с похмелья, недосыпания и нервного напряжения головы. В тесные проходы воняющей потом многотысячных толп воронки в убогой лунной поверхности.

- Открыть, - буркнул я и сел на смятой, измазанной чем-то остро пахнущим постели. Рука непроизвольно нащупала успокоительную рукоятку пистолета.

Панель, застучав неисправным автоматом, рывками уползла вверх, и рухнула на место, едва незваные гости переступили порог. Понадобилось протереть заплывшие какой-то мутью глаза, чтобы убедиться, меня почтили визитом именно Луи Чен и Пи Кархулаанен.

- Какая удивительная встреча, - попытался выговорить я, но густая, кислая на вкус слюна растворила гласные. Вряд ли гости что-то поняли.

- Что ты сказал, Бертран? - участливо поинтересовалась Пи. - Тебе налить воды?

Я кивнул и тут же вынужден был сдавить себе виски ладонями. Мир покачнулся, в глазах потемнело. Пи, которую Игор прислал на Луну вместе армией беженцев, принесла бокал, и присела на край кровати. Первые же капли влаги вернули способность разговаривать и даже, в какой-то мере, мыслить.

- Надеюсь, ты не хотела меня отравить, - как бы про себя проговорил я.

- Ты опять шутишь, Бертран, - осторожно улыбнулась Пи. Осторожно, не потому, что боялась обвинений в попытке отравления, а потому, что не совсем была уверена шучу я или нет.

- Мы пришли... - Пи начала объяснять причину столь неожиданного их визита, все еще продолжая улыбаться, но Луи ее совершенно бесцеремонно перебил.

- Это она привела меня. Я не совсем уверен, что это законно...

- Кстати, - залезая рукой под юбку девушки и совершенно не обращая на ее открывшийся для продолжения рот, воскликнул я. - Луи. Я давно хотел зайти к тебе... Чем это, дьявол тебя подери, ты там занимаешься?! Что это еще за сходки? Какое ты имеешь право отрывать спецов от работы только?! Особенно ради того, чтобы побеседовать с ними о высших материях! И перестань их прикармливать! Это неблагодарный скот, который и работать-то как следует не умеет...

Луи насупил удивительное детское лицо и обречено взглянул на дверь.

- Бертран, - мягко напомнила о себе Пи и нежно убрала мою руку. - Мы пришли к тебе... Нам сказали, что ты высшая и гражданская и военная власть в кратере... Только ты можешь зарегистрировать наш брак! Я смотрел на простое лицо девушки, следил за ее губами, старательно выговаривающими сложные для разума слова, и все ждал момента, когда будет нужно засмеяться. Но этот момент так и не наступил. Я взглянул на сразу как-то отдалившуюся Пи, на Луи, сарказм которого по поводу всего этого так и лез из всех щелей. Я внезапно ощутил, как покраснели уши. Именно почувствовал. Я снова оказался в полузабытой с детства ситуации, когда мать уволила старую добрую няню. Теперь Луи отнимал самое доброе в моей жизни.

Рукоятка пистолета ласково терлась о ладонь и предлагала быстро решить проблему. Только глаза Пи, которая не сомневалась в положительном ответе, не давали согласиться с коварным предложением оружия. Я успокаивающе похлопал по пистолету и нехотя улыбнулся.

- Конечно, Пи, - равнодушно сказал я. - Считаю, что это уже произошло. Благословляю и регистрирую. И хочу стать крестным отцом вашего первенца...

- Пошли, дорогая, - облегченно воскликнул Луи.

- Нет, Бертран, - укоризненно протянула Пи. - Это должно происходить не так... Музыка, платье, свидетели, священник, кольца... Как же без всего этого?

- Ну... война... - я уже хотел завершить все это шоу, выпроводить парочку и попытаться еще хоть немного поспать.

- Подарки... первая ночь... - продолжала перечислять Пи. Луи шумно выдохнул, но сарказма на лице я не нашел. Он тоже считал все это важным.

«Жалкие, маленькие людишки, - подумал я. - Копашающиеся в своем маленьком умственном загончике и не представляющие мира за его пределами. Фата, вазочки на комод, ангелочки над кроватью с балдахином... пеленки в детском дерьме...» И по сердцу резануло острым лезвием черной зависти.

- Идите, - приказным тоном воскликнул я. - И готовьте кольца, платье и свидетелей. Будет вам свадьба!

Пи осторожно притронулась к моему плечу и встала.

- Ты хороший, Бертран, - искренне заявила она уже от дверей. Жених коротко кивнул и боком скользнул в не полностью открывшуюся, снова сломавшуюся дверь.

- Скотина! - заорал я, когда шаги гостей стихли за углом и еще одни ворота, ворота отсека, захлопнулись за их спинами. - Я убью этого гада!

Пистолет сам по себе выпрыгнул из-под подушки в руку, и я с огромным удовольствием выстрелил в стену. Потом еще и еще, прямо-таки чувствуя, как молекулы восторга, фейерверком разлетаясь по организму, сметал последние бастионы горечи.

- Я убью этих слюнявчиков! - вопил я под пение рикошетищих пуль, - я вырву их сердца и съем на завтрак!

Представил на миг это зрелище. Я, в кровавой луже у двух еще теплых тел в свадебных нарядах с кровоточащим сердцем в зубах. Это должно было выглядеть настолько дико, что я захохотал.

- У вас все в порядке, сэр!? - раздался женский голос от дверей, как раз в тот момент, когда переводил дыхание для нового приступа смеха. Я совершенно забыл о поломке механизма дверей и хохот с пальбой привлек внимание близлежащего поста охраны.

«Свадьбы!? - цинично подумал я. - Священник и кольца? Ну, уж нет! Только секс!»

- Иди сюда, - твердо сказал я и натянул сползшее одеяло на голые бедра. - Пни по дверям!

Женщина опасливо вошла, повернулась в пол-оборота и несильно хлопнула ладонью по застрявшей на полпути сталенитовой панели. Автомат сработал и дверь, хищно лязгнув, закрылась. Женщина продолжала стоять у стены, не решаясь уйти и не зная, зачем оставаться. Зато я знал.

- Раздевайся, - коротко бросил я.

- Простите, сэр? - не поняла она.

- Сними одежду, - сквозь зубы проговорил я, ткнув дымящимся дулом пистолета в ее сторону. И это подействовало. Охранница торопливо пробежала пальцами по магнитным замочкам, и мундир упал на грязный пол, обнажив ее немного полноватую фигуру.

Я хлопнул ладонью по постели, и она послушно подошла. Мне пришлось схватить ее за руку, чтобы принудить сесть рядом.

- Ты знаешь что делать, - заверил я ее и откинул одеяло.

- Я... я не уверена... - прошептала в замешательстве женщина.

- Только не говори, что ты девственница, - капризно протянул я. - Ну! Хватай его и делай свое дело!

Я закрыл глаза, но перед мысленным взором немедленно возникло счастливое лицо Пи.

- Убить обоих или только эту дуру? - вслух подумал я.

- Меня зовут Ирина, - проговорила женщина с дрожью в голосе.

- Мне везет на дур! - констатировал я.

Она вышла, но через минуту снова вернулась.

- Вам сообщение, сэр, - улыбнувшись, как старому другу, заявила она. Я молча взял свернутый в трубку лист, развернул и прочел.

- Таблетку от головной боли, - бросил я, дочитывая. А, запив голубенький шарик водой, добавил.

- Бритву, чистый мундир со всеми наградами и... и помой здесь пол!

Не сказать, чтобы этот проклятый эмиссар Курта Штайна застал врасплох. Не слишком-то и

нужна была дружба с этим выскочкой политиком, но я не хотел ударить перед его послом в грязь лицом. На Земле полагали, что я верноподданный офицер АДС и они все еще обладают властью в трех кратерах. Штайну нужна была поддержка хозяина крупнейшего финансового института человеческого мира, а не как капитана войск командос. И мы с Игором решили, что настало время развеять мешающие нашим планам иллюзии правительства.

За два с небольшим часа, которые понадобились председателю исполнительного комитета партии Армия Единства, премьер-министру Содружества, господину Моисею Сент-Одре на то, чтобы преодолеть межпланетное пространство, кратер Буллиальд был вылизан до блеска. Туземцев и спецов загнали в сумеречные норы самого нижнего уровня. Армия начистила мундиры и оружие. Наш достраивающийся звездный крейсер «Капитаньи» раскрасили флагами Банка. Так что, когда небольшая шикарная межзвездная яхта с эмблемами Содружества прилунилась невдалеке от гигантских опор моего корабля, кратер выглядел идеально.

И вот распахнулся люк, робот – трап причалил к серебристой яхте, на верхнюю ступеньку вышел высокий человек в сером, без воротника костюме. Его лицо отягощал великолепный нос, сделавшийся бы предметом зависти даже у Сирано Де Бержерака, а верхняя часть головы была покрыта густым ворсом кудрявых черных волос.

Я подмигнул стоявшему невдалеке Михе. Он подал знак и загрохотал гимн нашего с Игором банка. Потом наступила очередь гимна ДС. Моя армия, выстроенная в три больших квадрата, по несколько сотен человек в каждом, обе мелодии встретила стойкой смирно. Выполнено это было, быть может, недостаточно четко, не так, как это делают на государственных парадах. Зато с настоящим боевым оружием. По лицу эмиссара было видно, что не предполагал увидеть сотни хорошо вооруженных умелых бойцов под моим началом.

Гравитационная тарелка, на которой стоял я со своими помощниками, медленно проплыла над головами солдат, и зависла у трапа, немного выше люка.

- Рад приветствовать Вас, Моисей, в моем кратере, - нахально заявил я, когда музыка стихла. - Мое имя Бартоломео Эстер де Кастро, но можно просто - командор.

Брови «высокого» гостя чуть дрогнули, но он был опытным политиканом и не позволил раздражению, овладеть собой. Чего я и добивался. Минутой спустя он уже, широко улыбаясь, лез на тарелку.

- Здравствуйте, - протягивая руку, ответил он. - Командор - это что-то вроде капитана?

- Скорее - адмирал, - совершенно серьезно уточнил я. - Сразу должен извиниться перед вами, Моисей. Кратер - это секретный объект и я не стану показывать вам его достопримечательности. Тем более что кроме стада баранов на нижнем уровне, ничего такого у нас нет...

Миха громко хмыкнул и поспешил спрыгнуть вниз, когда мы проплывали над очередным мостиком.

- Мы приготовили ужин в вашу честь. Но это чуть позже... Наверное, нам есть, что обсудить, не так ли? Надеюсь, вы не устали в дороге?

- Нет, что вы, - невольно переходя на предложенный светский тон, возразил гость. - Перелет развлек меня... И у нас действительно есть темы для беседы...

Оказавшись рядом, Моисей оказался несколько длиннее меня ростом и это обстоятельство, видимо, польстило его самолюбию.

Не смотря на чудовищное перенаселение кратера и, соответственно, нехватку жилой площади, у меня была отдельная комната считавшаяся кабинетом. Я не слишком часто использовал ее по прямому назначению, предпочитая вести дела из командного центра или из тронного зала. Поэтому кабинет не был богато отделан и, может быть, выглядел излишне функционально. Во всяком случае, когда Сент-Одре и я уселись в пластиковые мягкие кресла, ни он ни я не чувствовали себя на своей территории.

- Итак, - указав открытой ладонью на гостя, сказал я. - Насколько я владею информацией, вы явились что-то попросить и что-то предложить взамен. Я готов выслушать.

- Сразу должен сообщить, - после секундной заминки, которая должна была означать задумчивость, поведал Моисей. - Что герр Курт Штайн просил передать вам...

Я сразу понял - носатый прилетел в кратер играть со мной в игрушки. Стало смешно, и я позволил себе слегка улыбнуться. И тут же вспомнил незабвенного полковника Кривицкого из тихого сквера в столице Урала. Он тоже передавал просьбы «весьма высокопоставленных лиц». Тогда еще не знал, что мог купить себе десяток полковников и еще остались бы деньги на дивизию. «Слон» наверняка знал что-то, чего не знал я. О каком-то преимуществе, о чем-то таком, что давало мне козыри в этой игре. Я решил сделать вид, словно уже имею всех тузов в рукаве.

- Вы не знаете некоего полковника Кривицкого? - ни чуть не смутившись, перебил я Моисея. - Он тоже, в свое время, передавал просьбы правительства. Мы обсуждали с ним этические проблемы превентивного применения ядерного оружия.

- Нет, Кривицкого я не знаю... - не признался гость тоном, которым подследственный отвечает следователю.

- Лжете! - махнул я рукой.

- Нет, правда, не знаю, - озадаченно молвил Моисей.

- Нет или да!? - вскричал я. - Да или нет? Отвечайте на вопрос!.. Вы должны ответить! Кто такой Кривицкий?! Где вы встречались? Как вы связаны?!..

Моя душа пела. Я вскочил, подбежал к гостю, облокотился о спинку его кресла вытянутыми руками и орал вопросы прямо в лицо, изредка специально брызжа слюной. Наконец, наступил момент, когда сыворотка Леви не подсказывала больше слов, а спрашивать, зачем он убил рыжего лопатой не стал, чтобы он, не дай Бог, не посчитал меня сумасшедшим.

- Шутка, - спокойно бросил я напоследок и вернулся на место. - У нас здесь не так много развлечений. Я не мог себе позволить упустить такой шанс...

- Гм, - произнес эмиссар и потер шею под тесным воротничком.

- Не смущайтесь, - поощрил я его. - Что там еще хотел передать мне Курт?

- Это по поводу доктора Кимбумбе... - все еще нерешительно выговорил Моисей. - Все обвинения по его устранению сняты. Доктор и члены его семьи объявлены вне закона.

- Как это мило, - покачал я головой. - Значит, эта сука теперь окажется на моем месте. Курт настоящий... приятель. И что теперь? Я должен ему беспроцентный кредит?

- Мы надеялись на взаимопонимание с банком... - нехотя признался Сент-Одре. - Но не считайте, пожалуйста, себя обязанным. Доктор Кимбумбе был идейным лидером Армии Национального Единства Африки, а двух Армий Единства Земля не вынесет...

- Вы хотите сказать, - решил уточнить я, - что я оказал услугу, прихлопнув этого чернозадого?

- В некотором роде - да, - кивнул Моисей.

- Я уже столько для вас сделал, столько за это страдал. Чего же вам еще нужно от бедного португальца? - захныкал я.

- Чтоб я так жил... - выпалил эмиссар. - В такой нищете.

- Не прибедняйтесь, - холодно посоветовал я. - Вы ведь теперь второе лицо в государстве.

На несколько минут в кабинете повисла тишина. За дверьми мерно прохаживался караул. В трубах вентиляции шипела дыхательная смесь. Чуть потрескивали стеновые панели не в силах выдержать напора замороженного лунного грунта. Я впервые, с тех пор, как попал на эту планетку, услышал эти звуки и поймал себя на мысли, что нравится их слышать.

- Вернемся к нашим баранам, - решительно брякнул Сент-Одре, и сжал подлокотники. - Всеземной Федеральный банк - единственное в Содружестве стабильное финансовое предприятие... И герр Штайн намерен приложить усилия, дабы так оставалось и впредь.

- Разве этому может что-то помешать? - саркастично ввернул я.

- Комми, - пожал плечами посол. - Война еще не окончена.

- Вселенная полна звезд, - возвышенно принялся ораторствовать я. - Нашему банку везде найдется место...

- Это мы тоже обсудим, командор, - теперь Моисей перебил плавное течение моих дифирамбов.

- Хорошо, - я, шумно вздохнув, тоже перешел на деловой тон. - Чего вы хотите, и что я с этого буду иметь?

- Я начну издавека, - честно признался эмиссар, но мне уже надоело это словословие. Конечно, даже в вечной Библии говорится, что вначале было Слово, но следом-то всегда должно идти дело! Постоянный хоровод Слова и Дела создал цивилизацию людей на Земле...

- Начинайте хоть с чего, лишь бы к ужину успеть все уладить.

- Я могу быть уверен, что комната не прослушивается?

- Да ради Бога, - раздосадовано отмахнулся я. - Будьте уверены в чем угодно! Давайте же, наконец, перейдем к делу!

- Вы разумный человек, - с легкой тенью сомнения в голосе, все-таки начал говорить эмиссар. - И конечно понимаете, что мы уже фактически проиграли красным Землю. Полная ее оккупация коммунистами - дело нескольких недель. В лучшем случае - месяцев...

Конечно же, я был согласен с Моисеем Сент-Одре. Напряжение бьющихся из последних сил фронтов, как барометром, измерялось количеством беженцев желающих покинуть планету.

- Однако Земля - это еще не все Человечество...

- Да, - встрял я. - Каких-то восемьдесят пять процентов!

- Теперь уже меньше, - уточнил посол, вытянув худой жилистый с прекрасным маникюром палец к потолку. - Хорошо известный вам Полковник уже давно занимается эвакуацией самых лучших представителей земной цивилизации в колонии. Мы намерены продолжить войну в космосе!

- Чуть, - воскликнул я. - И вы сами это прекрасно знаете. Слишком дорогое удовольствие - тащить в космос оружие. Кто построит такие огромные корабли, чтоб разместить там нужные источники энергии для всех этих лазеров?..

- Вы сами пользуетесь портативными моделями излучателей, - напомнил Моисей. - На Марсе уже готовы десять новейших крейсеров и заканчивается обучение пилотов нового типа... Ну да разговор не об этом... Земля имеет чуть более пятидесяти более или менее развитых колоний на других планетах. Пока они под нашим полным контролем. Коммунистическая зараза еще туда не добралась... Но это вполне может случиться! Колонисты недовольны. Земля до сих пор не оказывала им должного внимания. Они чувствуют себя ущемленными в правах. Пора изменить ситуацию.

- Причем тут мой банк? - не понял я. - Это проблемы Содружества. Банк имеет представительства на каждой из колоний и ни одна из них не может обвинить нас в недостатке внимания!

- Вот именно, дорогой командор. Вот именно! - разулыбался Моисей.

- Тогда уж лучше зовите меня драгоценным! - хмыкнул я.

- Неважно, - отмахнулся увлеченный своими идеями Сент-Одре. - Герр Штайн предлагает вам, вашему банку, стать официальным банком Содружества.

- Передать акции государству? - вскричал я. - Да пошли вы...

- Не горячитесь, - Моисей продемонстрировал свои ладони. - Мы только хотели перевести счета в ваш банк...

- А сделать это без всяких там предысторий и лишних слов было нельзя, - съязвил я.

- Есть еще одно «но», - вдруг огорчился посол. - Колонии, особенно те, что развиваются быстрее других, уже считают себя чрезмерно самостоятельными. Пресловутую, по сути - марионеточную, шутовскую Федерацию Млечного Пути создавали для видимости. Земля там представлена относительно большим числом делегатов, чем все колонии вместе взятые. Хотя инопланетные поселения уже значительная политическая сила. Нас пока выручает только, что некоторые заселяемые звездные системы слишком далеко от Новой Океании, чтобы делегаты имели возможность принять оперативное решение. Теперь же, с потерей Колыбели, мы оказываемся, и вовсе, в подчиненном положении.

- Ну, так пошлите на эту Океанию полк командос, - пошутил я, даже не предполагая насколько близок к замыслу Штайна.

- Ну, зачем же нам портить отношения с единственными союзниками? Мы лучше пошлем туда вас вместе со всем банком. Колонии – суцкая находка для инвестиций высвободившихся средств. Очень скоро вы получите полный финансовый контроль над инопоселениями... И станете Галактическим Федеративным Банком.

- Зачем это вам?

- Но ведь вы станете инвестировать и наши вклады. У вас же будут наши счета.

- У правительства завелись деньги?

- Мы облегчаем бремя Земли, вывозя в колонии сотни тысяч переселенцев. Одновременно облегчаем их карманы. Неплохие доходы... Хотя, что я вам это объясняю. Вы и сами занялись этим бизнесом...

- Ну, что ж, – изрек я, мгновенно сообразив всю привлекательность предложения, – я согласен. Есть последнее условие Штайна?

Моисей удивленно округлил глаза, но кивнул. Он не был бизнесменом, откуда ему было знать, что во всех сделках такого рода всегда есть последнее условие.

- Герр Штайн хотел бы обладать какой-то частью акций банка...

- Лично?

Эмиссар дернул головой, чтоб оглянуться за спину, глаза заметались по комнате, но в итоге он кивнул.

- ... И Банк снова начинает платить... небольшие налоги.

- Как это будет выглядеть в цифрах?

- Десять процентов акций и 7,5% налогов.

- Покажите, где мне подписать... – пошутил я. – Вы сами берете наличными или золотом?

- Я уже свое получил, – на грани слышимости буркнул Моисей, и я не стал более затрагивать эту тему.

- Когда мы подпишем бумаги?

- Бумаг не будет, – слегка улыбнулся носатый. – Мы просто сделаем это...

- Есть еще одна проблема, – воспрял посол после небольшой задумчивости, чем вызвал мой очередной тяжелый вздох. – Это ваши действия здесь, на Луне...

Я немедленно состроил самое невинное выражение лица.

- ... Говорят, вы здесь даже рабство практикуете?

- Вы покупаете или продаете? – наигранно поинтересовался я.

- Если это правда, то советую на некоторое время спрятать всех этих... людей. Сюда прибудет представитель колоний, и мы проведем переговоры... Я надеюсь, что он успеет к обещанному

ужину.

- А если я откажусь принимать этого... посла?

- Вы не откажитесь, - уверенно изрек Моисей и раскрыл ладонь, на которой лежал небольшой черно-красный, тускло отблескивающий значок - трехсторонняя свастика.

- Ом Свасти, драгоценный мой командор, - просто сказал политический динозавр и слегка хмыкнул.

Если межзвездная яхта Сент-Одре своими вычурными крылышками прямо-таки излучала богатство и мощь земного государства, то потрепанный, выдавший виды грузовичок, на котором в кратер опустился посланец колоний, декларировал отвагу и какую-то бесшабашную лихость. Но, чтобы он там ни символизировал, чего бы ни излучал, я-то знал, что звездолет нес в себе важного гостя. И поэтому церемония встречи облезлого грузовичка мало, чем отличалась от предыдущей. Только гимны вовсе не звучали...

Солдаты выстроились, Миха скомандовал, мы с Моисеем встали на гравидиск и поплыли к неторопливо открывающемуся люку кораблика. И снова, как и несколько часов назад, диск повис чуть выше входного шлюза, а я приготовился к приветствию очередного незваного гостя.

Дальше ситуация полностью вышла из-под контроля. Всю торжественность обстановки испортил какой-то здоровенный, бородатый мужик вышедший на трап чуть ли не в домашнем халате.

- Добро пожаловать... - выпалил я и запнулся на полуслове, потому что мужик сладко потянулся, зевнул, хитро глянул на нас из-под густых бровей и пробасил.

- Здорово, коли, не шутишь.

А потом отвернулся к входному люку и гаркнул во всю мощь своей глотки.

- Вставайте, обормоты! Мы уже на месте!

Наверняка здоровяк служил на этом судне штатным будильником, потому что уже через несколько минут на трап вышли несколько человек. Почти все они выглядели так, словно только что покинули теплые постельки, и лишь один из них был абсолютно готов к чему угодно. Я отказывался верить своим глазам! Послом колоний оказался Арт Ронич!

- Берти! - закричал он и поднял руки, едва меня увидев. - Чего ты туда забрался? Спускайся, приятель!

Его искренность, светлая радость от встречи, совершенно неожиданно передалась и мне.

- Арт! - крикнул я и довольно резко опустил диск до уровня верхней площадки трапа. - Давно тебя не видел, бродяга!

Ронич легко, одним прыжком, вскочил на диск, аккуратно обошел оказавшегося на пути Моисея и крепко пожал мне руку.

- Так это ты тот самый пират де Кастро, который захватил половину Луны и провозгласил себя королем? - воскликнул собутыльник и оглянулся на мою замершую в строю армию. - Узнаю старого друга! Ты всегда умел как следует повеселиться.

- Ты тоже, вроде как, карьеру сделал, - я хлопнул его по плечу.
- Добро пожаловать в Солнечную систему, - не к месту серьезно и торжественно провозгласил Моисей и протянул руку Арту. Политик, казалось, совсем не был удивлен, что мы с Артом оказались хорошими знакомыми.
- Премьер-министр нового правительства Земли, - вспомнив о приличиях, представил я политика. - Моисей Сент-Одре.
- Арт Ронич, - приятель уверенно пожал протянутую руку Моисея. - Помощник депутата СФМП Шамиля Цератели. Член совета парламентской группы «Колониальная хартия».
- Ого! - присвистнул я. - Командор Бертран де Кастро.
- Ты действительно работоторговлю здесь ввел? - хитро, в точности так же, как недавно бородатый мужик, взглянул на меня Арт.
- Врут, завидуют, - быстро возразил я. - Просто я не плачу зарплату своим сотрудникам.
- Ага? - не поверил Ронич.
- Я думаю, этот вопрос мы тоже обсудим в ходе нашей личной беседы, - дипломатично ввернул Моисей, и взял Арта за локоть. - Если вы не очень утомлены после перелета, предлагаю начать прямо сейчас.
- Да, правда, - согласился я. - Пройдемте в кабинет.
- Извините, командор, - вдруг заупрямился землянин, - но нам нужно поговорить с глазу на глаз.
- Мы еще успеем с тобой наговориться, - неожиданно подхватил Арт песню Моисея. - Еще выпьем и вспомним старые добрые деньки...

Оба незваных гостя, не спрашивая разрешения, отправились в кабинет, а я, словно чужой, остался стоять у внешнего ограждения террасы кратера.

Сколько раз я слышал - «все происшедшее - к лучшему», сколько раз убеждался в том, что это непреложная истина, но, тем не менее, каждый раз продолжаю злиться по пустякам, когда события не устраивают. Эта, видимо буддийская, фраза снова пришла в голову, когда я, яростно сжимая не в чем не повинный стальной прут ограждения, пытался справиться с желанием пойти и перерезать обоим послам глотки.

Явившийся вдруг Миха сообщил мне неприятное известие - рабы взбунтовались. Каким-то образом им стало известно о гостях в кратере. Они решили, что час избавленья настал, и восстали, надеясь на покровительство неведомых ревизоров.

Я почувствовал, как затрепетало тело в предвкушении удовольствия. Слово прекрасная женщина ждала, изнывая от желания, за легкой шторой, а я, юнец, мальчишка ни разу не вкушавший этот плод, стою, зажав рвущееся из трусов хозяйство, и пытаюсь унять сумасшедшее сердце.

- Необходимо уладить это дело до того, как эти два кретина наговорятся в кабинете, - осканился я и, как оказалось, этого и не хватало Михе для уверенности.

- Ты думаешь, командир, - не слишком уверенно, но уже с надеждой, спросил русский. - Нам удастся их утихомирить? Они завладели оружием!

Это несколько меняло дело, но положение вряд ли тянуло на громкое имя «критическое».

- Надеюсь излучатели все еще у нас?

- Да, конечно! - поспешил заверить меня Миха. - И бронекостюмы и излучатели...

- И ты не мог справиться с этим быдлом без меня? - разочарованно протянул я.

- Они свалили роботов в баррикаду и спрячутся там. Если мы станем использовать лазеры, то можем попортить машины. Кто тогда будет добывать нам кислород?

- Ты напоминаешь мне того придурка, чья машина поломалась в двух шагах от дома и он сидит в задумчивости - как же теперь до дома-то добраться, - поддразнил я вояку. - Ты же вроде русский, а не этот чертов виртуал...

- Не будем же мы сами... - разозлившись, вскричал Миха.

- Мы, - я остановился на площадке у лифта и ткнул пальцем себе в грудь. - Не будем! А они - будут и еще как! Потому, что мы сядем в наш корабль и улетим, а они останутся здесь подыхать без воздуха.

- Я об этом не подумал, - искренне обрадовался сержант.

- Вот поэтому командир здесь я, - охотно согласился я и хлопнул Мишу по плечу. - Ну! Поторапливайся. Надевайте броню и покажите этому скоту, кто тут хозяин!

Русский уехал на нижний уровень, а я, как бы душа не стремилась туда же, отправился улаживать еще одно дельце. Не очень-то хотелось, чтоб нашими неприятностями с рабами заинтересовалась команда корабля с колоний.

- Приве-е-ет, - вежливо поздоровался я с развалившимся у входного люка в корабль тем самым человеком-будильником.

- Мы уже здоровкались, приятель, - не слишком-то любезно отозвался он. - В корабль Арт велел никого не пускать...

- Да, мать твою... зачем он мне здался?! - взорвался я, что вызвало совершенно странную реакцию здоровяка.

- Ого, - разулыбался он. - Так бы сразу и сказал! А-то футы-муфры-тут-культура!

Я не очень понял, чем же удалось вызвать извержение непереводаемых слов, но решил продолжать в том же духе.

- Запиши себе в башке, тупоголовый, - я, наконец-то, разговаривал, как и подобает сеньору с быдлом, а колонисту это, похоже, еще и нравилось. - Как только Арт с этим петухом расписным наговорятся, мы устраиваем пир. Вся команда может ввалиться. Ты... тоже, если руки помоешь.

- О'Кей, земляк, - совсем уж неожиданно для меня заржал бугай. - Считай, что я уже там.

- И вот еще что! - как бы нехотя добавил я. - Мои ребята в подвале решили поразмяться - крыс пострелять. Так что не обращай внимание на пальбу.

Снизу как раз донеслись вопли, ругательства и целая канонада. Спустя минуту, из моего коммуникатора раздался голос Михи.

- Командор, мы загнали скотов в угол у отсека воздухообразователя. Они хотят сдаться, но станут разговаривать только с тобой!

- Иду, - коротко бросил я и уже собирался уходить, но здоровяк меня приостановил.

- Я не слышал, чтобы крысы разговаривали, - почему-то угрожающим тоном, поделился он.

- Все дело в этих проклятых прогрессе с гуманизмом, - пожаловался я, высвобождая плечо из его лап. - Раньше-то они и пикнуть не смели...

Сумеречный, освещенный только редкими, тусклыми, синими светильниками, коридор был завален покореженными роботами и трупами рабов. Сотни разорванных на куски тел, руки, ноги, головы в лужах крови. Выпученные от боли и страха безжизненные глаза покойников, сталактиты из запекшейся крови, намотанные на гусеницы сломанного механизма кишки...

Оставшиеся в живых бунтовщики сверкали полными бессильной ярости глазами из-за баррикады, а командос попросту сидели на полу среди мертвяков. И хотя хамелеоны не были включены, потеки крови, и сгустки мозгов на броневых пластинах как нельзя лучше маскировали бойцов. Если бы это кому-нибудь было нужно. Стояла тишина, и лишь лежавший между командос и баррикадой раненый раб быстро-быстро дышал. Его грудная клетка была разорвана пулями, и при каждом вдохе-выдохе розовые легкие показывались в дыре. Он был явно на пороге смерти и должен был скоро сдохнуть. Вид его агонии, по-видимому, бойцов развлекал.

- Сколько их там? - поинтересовался я, мельком выглядывая из-за бронированной спины Михи.

- С оружием - человек пятнадцать. Ну и остальных сотен пять...

В воздухе стоял пряный запах озона и парящей крови. А еще ноздрей достиг неопиcуемый, чувствующийся даже на ощупь, запах страха.

- Эй, скоты, - закричал я, пользуясь усилителем из бронекостюма русского. - Я готов пощадить вас.

- Де Кастро, это ты? - услышал я слабый голос профессора Хона из-за баррикады.

- Нет, это Святой Дух, - пошутил я, надеясь в глубине души, что Хон пошлет куда подальше и этим завершит дурацкие переговоры. Тогда бы я надел свою броню и возглавил атаку на последнюю «цитадель» восставших рабов.

- Де Кастро, мы можем взорвать щиток гравистановки и воздухообразователь, - чисто по детски пригрозил Хон.

- И что вам мешает? - разговора ради, поинтересовался я. - Вам нужно мое разрешение? Валяйте!

- Он сумасшедший, - истерично завопила какая-то женщина из рабов. - Он нас всех убьет! О,

Господи, Господи!

- Аминь, - легко согласился я. - Если через пять минут я не увижу кучу сложенного вами оружия - можете взрывать хоть весь кратер.

- Ты блефуешь, - как-то устало, что даже забеспокоился о его здоровье, продолжил профессор. - Почему мы должны тебе верить?

- Потому, что командоры де Кастро всегда держат слово, обезьяна, - любезно пояснил я.

На долгие три минуты поле боя обволокла тишина. Раненый раб вознесся, испуганной бабе заткнули рот, а командос, казалось, и вовсе задремали. Я, плюнув на советы Михи, прогуливался по полю боя и решение рабов застало чуть ли не у самой их баррикады.

Они почти опоздали. Наверное, устраивали демократическое голосование.

- Мы сдаемся под твоё слово, - просто сказал Хон, вышел и бросил под ноги пистолет.

- Через несколько недель, максимум месяц, - негромко пообещал я азиату. - Мы погрузимся на корабль и уберемся из этой поганой дыры. Так, что объясни это людям - хорошо работать в их интересах. Как только судно будет готово, снова станете свободны.

- Я тебе не верю, - так же тихо сказал Хон и пошел к выходу с гордо поднятой головой, видимо ожидая пулю в спину. За ним потянулись и остальные.

Арт, на предложение пойти отдохнуть перед ужином в приготовленную для комнату, хитро взглянул, хмыкнул, словно это была хорошая шутка, и хлопнул меня по плечу. И ушел на свой грузовик. Моисей, беря пример с представителя колоний, тоже отправился отдыхать на яхту.

Мне же отдохнуть суждено не было. Я вилась Пи и «порадовала» известием, что у них с Луи все к свадьбе готово и теперь они намерены присовокупить бракосочетание к вечернему пиру.

- Да ты... - начал было я ругаться, а потом подумал, что свадебная церемония - не слишком хорошее время для расспросов о дискриминации, гуманизме или антигуманизме, которые Арт обязательно бы затеял.

- ... Быстро приготовилась, - закончил я и улыбнулся.

- Ты обещал настоящего священника, - робко напомнила невеста. - Все остальное уже готово.

- С этим могут быть проблемы... - поморщился я, не желая забивать голову еще и этими пустяками. Но на Пи в этот раз отговорки не действовали. Она уперлась, словно осел.

- Хорошо, хорошо, - сдался я. - Если ты думаешь, что это легко - найти тебе на Луне попа, то сейчас же пойдём вниз и попробуем сделать это вместе. Быть может среди наших... рабочих есть хоть один жрец какого-нибудь божества... Надеюсь, тебе не нужен какой-то особенный церковник?

Кархулаанен конечно же знала о бунте рабов. Знала и о том, что весь нижний уровень залит кровью. Я надеялся, что побоится или, на худой конец, побрезгует идти вниз, но женщина думала только об одном и на разбрызганные по стенам мозги ей было наплевать. Пришлось снова ехать вниз.

«На полу» у дверей лифта стояла охрана. Еще с десятков солдат группами обыскивали темные

закутки в поисках живых или мертвых мятежников. Где-то чадила сгоревшая изоляция, и на уровне воняло, словно в цеху какого-то завода. Только в цехах не пахнет кровью...

Разбитые роботы больше не загромождали коридор. Их собрали и свалили в кучу. Неподалеку красовались бархан брошенного рабами оружия и целая гора одежды.

- Здесь, оказывается, раньше размещался арсенал службы безопасности кратера, - озабоченно хмурясь, сообщил мне все еще облаченный в доспехи Желссон. - Мы проверили по таблицам комплектации. Не хватает двух пистолетов и вакуумной гранаты... Ребята обыскали все, но...

- Пусть поищут еще, - посоветовал я. - Нам не нужны проблемы за ужином... А где эти... люди?

- Джани устроили им обыск. Они в роботогараже.

Негр неопределенно ткнул пальцем куда-то влево от лифта. Глаза уже сияли алчным блеском, и не составило труда отгадать, что же его так заинтересовало. Куча одежды стоимостью не более сотни кредитов.

- И не думай, - строго сказал я. - Только голых рабов нам еще и не хватало.

Желссон, как зомби, покачал головой, и пришлось ударить ладонью по его щеке, чтобы оторвать взгляд от дешевых тряпок.

- Ты слышал приказ? - рявкнул я так, что даже «железобетонная» Пи взвизгнула.

- Ладно, ладно, командир, проговорил Кириллиос и, громыхая стальными подошвами, ушел вслед за командос. Через секунду из-за угла послышались его крики.

Я тяжело вздохнул и, взяв Пи под локоть, повел в гараж. Нужно было оставить невесту на попечение охраны и заняться поисками самому, но кто же знал, что Элсод устроит в ангаре стриптиз?

Ворота были широко распахнуты и Пи, вскрикнув, спрятала лицо в угол. Потому, что на самой середине огромного ангара стояла толпа совершенно обнаженных людей. Элсод, слюнявя похотливые губы и потирая руки, ходил вокруг и отпускал грубые шуточки по поводу фигур рабов.

- Что, черт тебя возьми, здесь происходит? - крикнул я и лейтенант побежал навстречу.

- Кто-то из них прячет оружие, - тупо тарашась, отрапортовал этот идиот.

- Как ты думаешь, - сквозь зубы процедил я. - Где они могут спрятать такую вещь, как пистолет?

- Ну... у женщин... - начал объяснять Элсод, как всегда помогая себе руками, но я не намерен был терять время на всякие глупости.

- Немедленно верни им одежду, - безапелляционно потребовал я, и тут же передумал торопиться. - Пошли кого-нибудь за тряпками, пока Кириллиос там все не распродал...

Мне вдруг стало интересно.

В детстве, или скорее в отрочестве, лет в 15 или 16, я мечтал, что однажды окажусь в компании сотни обнаженных женщин. Моей фантазии не хватало на то, чтобы представить что

же стану с ними делать. Одна мысль о ста голых бабах сводила с ума, заставляла трещать по швам одежду.

И вот юношеская мечта сбылась. Передо мной, покорно опустив головы стояла целая толпа женщин. И снова фантазии не хватало...

- Мужчины к левой стене, женщины к правой, - приказал я, и стадо пришло в движение. Стремящиеся выслужиться солдаты Элсода рьяно бросились подгонять толпу. Через пару минут разделение по полам завершилось и я увидел... И снова брюки стали тесноваты.

Я не мог больше этого терпеть и не знал, что же делать дальше.

- Бертран... - тонким голоском позвала Пи из-за двери, и я почти бегом ринулся туда.

- Они там все голые, - открыла свою страшную тайну невеста.

- Да, да. Рад, что ты заметила, - сжав зубы, ответил я, схватил ее за руку и потащил за собой в темный уголок у энергощита.

- Их моют? - снова робко заговорила Пи, когда я, уже путаясь в бесчисленных складках, задираю подол ее свадебного платья.

- Да, да, - пыхтел я. - Помолчи...

Полноценного акта не получилось. Напряжение было слишком велико и надолго меня не хватило. Я натянул штаны и сел на пыльный пол. Сердце постепенно сбавляло бешеный ритм, возвращаясь к обычному состоянию, и вместе с ритмом успокаивался и я.

- Ну вот, - поглаживая по голове, говорила добрая, святая Пи. - Вот тебе и легче. Ты приходи и потом... после свадьбы... когда тебе нужно будет. Только чтоб Луи не знал... А то тебе придется его убить. Он слабый, но знаешь, какой бывает...

Если бы слезные каналы не выжгло в безумной ядерной вспышке на алтайском старом кладбище, я наверное заплакал...

Впрочем, это быстро прошло. Вспомнил о цели нашего с Пи похода на первый уровень, и мы поспешили вернуться в гараж. На счастье Элсода, он успел вернуть одежду рабам.

Мы нашли двух подходящих мужчин. Ни я, ни Пи не знали, какой веры придерживался Луи, поэтому взяли обоих. И православного монаха и мусульманского имама. Какой ветер занес этих чудаков на Луну, можно было только гадать...

Я решил выделить Пи бойца, ибо она захотела забрать обоих попов в предсвадебный штаб. Я не мог в такой день отказывать.

Это походило на заговор. В организации свадьбы Пи участвовали, чуть ли не все солдаты и каждому в церемонии имелось место. Каждый делал свое дело, и лишь я, который затеял ужин в честь послов, получалось, оказывался лишним.

Это меня злило. Я чувствовал какой-то подвох. Что-то, что угрожало мне, моему лидерству в стае, не давало покоя. Я изображал радость на лице, суетился, устраивал гостей за праздничным столом и мечтал о своем излучателе и бронекостюме.

Со мной избегали встречаться глазами. Даже верные помощники, Миха, Желссон, Элсод, не

говоря ни слова, были заняты в последних приготовлениях к церемонии. Я был до смерти напуган, чувствовал себя голым, и продолжал корчить из себя хозяина.

- Что происходит? - весело спросил Арт, заинтересованно разглядывая суетящийся вокруг народ. Хотел бы я ему ответить... И ответил бы. В то время, когда мы были курсантами военного училища, обязательно бы рассказал ему о своих опасениях. Но то время прошло... Не к лицу командору де Кастро эти параноидальные припадки!

- Сюрприз, - отговорился я и передвинул кобуру на живот так, словно она мешала поудобнее устроиться в кресле.

Подозрения громоздились на бредовые фантазии. Мне уже мерещилось, что лейтенанты сговорились за спиной. Вокруг образовался вакуум. Я ощущал его каждой клеточкой своего тела. Я осторожно оглядывался, высматривая стволы нацеленных в сердце ружей. И то, что их не было заставляло беспокоиться еще больше. Может быть, стало бы легче, если б я разглядел этот вражеский глаз над прицелом.

Наконец все было готово. Заговорщики встали на места. Я ждал, что в тронный зал ввалится десяток броненосцев с излучателями по мою душу. Но ворота открылись, и на пороге появилась Пи с Луи Ченом под руку.

- Ваше место там, командор, - шепнул на ухо Миха и указал на нелепый, сооруженный из упаковочных ящиков, подиум. Я, ощущая дрожь в коленях, пошел к указанному месту. Казалось, что помост сооружен не в честь свадьбы, а как эшафот для меня.

- Что мне делать? - пролепетал я.

- Мы нашли компьютер, в который Хон записывал акты гражданского состояния аборигенов, - разулыбался Миха. - Тебе нужно только зарегистрировать их своей властью...

Не очень-то я верил сержанту, но, тем не менее, решил не спорить с обстоятельствами и пока делать то, чего от меня хотели.

Сбоку, из-за портьеры, вывели обоих священников. Чтобы они не шорохались куда попало, сзади их перемещения любезно корректировал вооруженный командос.

Огромный зал был полон народом. Экипажи обоих звездолетов гостей, все командос, лейтенанты моей армии, даже медленно спивающийся Ван Ку почтил присутствием бракосочетание Луи. Играла музыка. Специально отобранные за лояльность рабы носили напитки и яства. Сверкали металлические детали и награды Содружества на парадных мундирах. Зал был тщательно вычищен и украшен живыми растениями, лентами и флагами. Я не узнавал собственный тронный зал. Организаторские способности Пи попросту пугали...

И вот церемония началась. Мой денщик твердо взяла Луи под руку и, под не злые шутки остальных бойцов, потащила его к подиуму. Оба попа встали между молодоженами и мной. Заиграл древний марш, который уже несколько тысяч лет звучит на всех свадьбах землян. Миха, как свидетель, достал из кармана титановые кольца...

Пи подвела Луи к священникам. Музыка стихла, и взоры всех присутствовавших обратились ко мне. Я понял, что от меня ждут каких-то слов. И еще я понял, что ни кто пока меня убивать не собирается. Я прокашлялся, растянул губы в улыбку и...

- Ненавижу тебя, собака, - вдруг заорал один из священников, кажется мусульманин, и

выхватил из-под полы просторной хламиды пистолет с гранатой. – Я убью...

«Начинается!» – подумал я и потянулся к кобуре.

Террорист еще не успел даже взвести курок, а между нами уже встала живая стена солдат. Грохнул целый залп выстрелов.

Лжесвященник взорвался изнутри. Граната выпала из руки и покатилась под помост. И ни кто не успел заметить на месте ли предохранительная чека. Время, казалось, остановилось. Серебристая болванка несла в себе взрывчатку ужасающей силы и старуха с косой померещилась едва ли не каждому в этом зале. Террорист медленно падал на сияющий чистотой пол, и струи крови из обнаженных внутренностей фонтаном хлестала, пачкая все вокруг, включая снежно-белое платье невесты. Пи покачнулась и лишь локоть Луи спас ее от падения.

Я даже не успел испугаться. Наверное, просто не верил в реальность происходящего. Вместо ужаса, который охватил всех вокруг, ощущал лишь досаду и недоумение за испорченное платье Пи.

– Футы-муфты-тут-культура, – облегченно протянул здоровяк с корабля колонистов, спустя три растянувшихся секунды. И как по мановению волшебной палочки вокруг снова родилась суета. Труп священника уволокли, лужу крови накрыли какой-то тканью. Пи попробовала было стереть кровь с платья, но только еще больше размазала сгустки.

– Мы вынуждены перенести церемонию... – начал говорить я с подиума, но совершенно неожиданно Пи это не понравилось.

– К дьяволу, Бертран, – громко заявила невеста, совершенно непререкаемым тоном. – Завтра будем переживать из-за этого гада! А сейчас должны продолжать!

Словно зачарованные, мои выдавшие виды бойцы, морща носы при виде крови на платье, заняли места и продолжили церемонию.

– Они все заражены его безумием, – негромко сказал Арт Моисею. – И вы хотите выпустить эту свору в Космос?

– Бойтесь за здоровье колонистов? – усмехнулся Сент-Одре.

Я, в душе, согласился с сарказмом землянина и продолжил церемонию. Меня выходка Пи не смутила. Запах свежей крови добавлял свадьбе пикантности...

9

Билет в иной мир. Король

Я крутил в пальцах матово-белый магазин к пистолету. Смотрел, как играют размытые блики на его совершенных гранях, вспыхивают и пропадают отблески ламп, перетекают дрожащие рубиновые огоньки – отражения сигнальных индикаторов с пультов. Иногда патрон ловил и цинично искажал висящую за большим обзорным экраном Землю. Тогда я, на время, приостанавливал пальцы, замирал и пытался разглядеть в искореженном пятне очертания укрытых циклонами континентов. Полыхающая боями Европа, огненная Америка, темная, мрачная Африка, Антарктида с отблесками взлетающих звездолетов битком набитых беженцами. Золотая, цвета бескрайних пшеничных полей, Сибирь, заснеженные Гималаи,

Великий Тихий океан – пацифист переполненный армадами боевых кораблей. Горящие города Австралии... Патрон все переворачивал с ног на голову. Лишал виды подышающей, перекормленной смертью цивилизации должной трагичности. Словно в архаичной карнавальной комнате смеха, планета представляла то в виде рассеченного квадрата, то в виде массы мелких полосок. Ужас, страх и отчаяние. И безысходность Родины Человека патрон в единый миг делал ненастоящими, гротескными, бессмысленными и даже смешными.

Я расслабился и просто крутил в пальцах совершенное творение человеческой технологии. Мне было хорошо так сидеть. Мягкое интеллектуальное кресло, специально установленное позади ряда пультов пилотов, навигаторов и инженеров связи. Большое окно во внешний Космос, которое лучше всего было видно именно этого места. Легкое гудение и дрожь стальных плит пола от работающих генераторов. Я чувствовал себя Властелином. Я считал себя достойным Великих предков – Командоров. Я сидел в кресле, как Жоан де Кастро в 1535 году стоял на квартердеке остроносой каравеллы, отплывая к далеким берегам португальских колоний. Я тоже отправлялся в колонии, и тоже собирался навести там должный порядок...

Только у досточтимого предка не было в кармане личного Галактического банка и, следовательно, ему не нужно было спасать свое детище из осажденной коммунистами «цитадели» демократии.

– Командор, к нам приближается челнок с Земли. Опознавательные коды в порядке, – четко доложил офицер связи и, не дожидаясь ответа, вернулся к своим делам. Я кивком разрешил кораблику причалить. Хотя это скорее нужно мне самому – челнок втянули бы в крейсер и без моего согласия.

Через некоторое время в командную рубку буквально ввалился лейтенант Ван Ку. У него был такой вид, словно его только что вынули из какой-то гигантской мясорубки, а потом старательно сдобрили получившееся блюдо сажей.

– О, Господи, командор, – вскричал он, падая на колени рядом с креслом. – О, Господи!

– Что еще, приятель? – я успокаивающе положил руку на плечевую пластину брони, тут же об этом пожалев.

– Там Смерть... – зарыдал юнец, попытался утереть слезы грязными кулаками, но только добавил шарма в и без того богатую боевую раскраску. Моей руке тоже досталось...

– Она там везде... Красные, как черти, выскакивают, словно из-под земли и их нельзя убить. Они, как драконы... Десяток их валится замертво, а сотня встает...

– Он несколько преувеличивает, – покрутив рукой у виска, пришлось объяснять пилотам, плящимся на лейтенанта с выражениями ужаса и сострадания на лицах. – Скорее всего, контузия.

– Где Танкелевич? Где Миха? – тихо спросил я, прежде слегка встряхнув бьющегося в истерике сосунка.

– Безденежных мертв! – снова принялся орать Ван Ку, брызгая на меня пеной с губ. – Снаряд попал ему прямо в живот. Его кишками перемазан целый квартал этого проклятого города! Он так хотел стать маршалом Франции...

– Где мой банк, скотина!? – я сорвался на крик и даже несколько раз ударил по щекам молодого убудка. Меня не оставляло ощущение, что участвую в каком-то цирковом

представлении. – Где Танкелевич? Ты бросил их? Спасал задницу?

– И-ик, – всхлипнул Ван Ку, глаза закатились, и он рухнул под ноги без чувств.

– Твой отец мало тебя порол в детстве, – тихо, так чтобы это мог услышать только полудохлый лейтенант, проговорил я. – Старый полицейский так просил тебе помочь. Ты его опозорил!

– Уберите этот навоз! – громко приказал я, вставая. – И разбудите лежебок. Мы отправляемся вниз!

Меня верно поняли. Лежебоками на «Капитаньи» сразу стали называть закованных в бронекостюмы командос, которым тяжело было передвигаться из-за повышенной гравитации по переходам исполинского крейсера. Старая гвардия, кряхтя и матерясь, принялась грузиться в челноки. Я, обеспокоенный судьбой моего банка и Игоря, тоже надел доспехи и уселся в противоперегрузочное кресло маленького кораблика.

– Данные визуального наблюдения и радиоперехвата, – сунул в руки целый ворох бумаг офицер связи и выскочил. За его спиной люк с лязгом захлопнулся, и я в последний раз в жизни отправился на свидание с Землей.

Я платил офицерам, чтобы они хорошо делали работу. Пока челнок, издеваясь над желудками пассажиров, совершал замысловатые маневры ухода от ракет ПВО, я тщательно изучил документы, снимки и расшифровки переговоров командиров комми. Обладай такими данными регулярная армия, выбить красных из Нью-Йорка не составило бы большого труда. Только вот правительство уже эвакуировалось на Марс и «цитадель демократии» ни кто оборонять не собирался.

Золото нужно любой власти. Золото – это и есть сама власть! Даже при их вожделенном коммунизме, где, как они заявляли, единственной ценностью является труд, золото все равно оставалось весьма и весьма ценным металлом. Поэтому комми одной из главных своих задач посчитали захват золотого запаса Содружества. Тысячи тонн желтого металла к тому времени сосредоточенные в подземных сейфах банка.

Из данных визуального наблюдения явствовало, что район города, где располагался центральный офис Всеземного Федерального банка был, словно бочка с соленым тунцом, набит боевой техникой. Посланный мною отряд попал под перекрестный огонь тысяч орудий. Понесся большие потери, люди были вынуждены укрыться в развалинах небоскреба. В других районах города спутники признаков идущих боев или сосредоточений войск красных не обнаружили.

Мы приземлились на площади, где под землей сходились несколько линий метрополитена. Я решил воспользоваться этим способом передвижения и выйти на поверхность в незащищенном тылу врага. По сути закованная в броню армия, числом без малого в три тысячи хорошо подготовленных и прекрасно вооруженных бойцов, должна была стать для комми настоящим сюрпризом.

Нью-Йорк встретил меня грязью. После почти стерильных помещений Буллиальда поверхность планеты показалась донельзя мерзостной. Неприятное чувство, словно ладони обволокло чем-то маслянистым, чем-то нечистым, не покидало с того самого момента, как я первым выскочил под низкое дождевое небо «цитадели».

Сотрясая мостовую на самом дне железобетонных ущелий мегаполиса, мы спустились в кишачье людьми подземелье. Я отдал приказ не стрелять, но не стал бы наказывать послушавшегося солдата. Слишком уж бестолково, раздражающе валил народ к прибывающим с

небольшими промежутками поездам.

Ньюйоркцы попросту сошли с ума. Многомиллионная армия кровожадных захватчиков входила в город, а миллионы горожан тупо, как стадо баранов, стремились на Континентальный стадион на финальную игру по флайболу. Ирония судьбы – финальная игра в финале государства....

Словно не было войны. Словно после окончания финала все пойдет по старому. Словно игра важнее жизни...

Нам пришлось применять силу, чтобы оттеснить вопящую от ярости орду болельщиков в сторону и загрузиться. И я подумал, что красные сильно рискуют, если попытаются прервать игру. Толпа просто разорвет щуплых азиатов на куски... или Нью-Йорк потеряет несколько миллионов жителей.

Фанатам флайбола пришлось подождать. Словно волны, состоящие из концентрированного безумия, толпы накатывали и разбивались о бронированные грудные пластины стоящих плечом к плечу командос. Пластиковые трубы поездов, удерживаемые на станции в нарушение всех расписаний, проседали над рельсом, когда тяжелые гоплиты входили и пытались рассестся на узеньких сидениях.

Наконец последний состав дрогнул, тягач поднатужился и стронул трубу с места. Станция, где мы оттеснили фанатов, не была конечной и в вагонах оказались люди севшие раньше. Я садиться не стал и всю дорогу на меня, снизу вверх пялилась какая-то маленькая сухонькая старушка.

Труба летела мимо заполненных людьми перронов. Пистолет, приставленный к затылку оператора поезда, придавал составу дополнительную скорость. Немногочисленные пассажиры, которым довелось попасть в одни с нами вагоны, тихо злились, но открыто выразить недовольство не решались.

- Вы бы еще, молодой человек, на лошади сюда въехали, - вдруг укоризненно выговорила старуха.

- Ты ее хоть раз в жизни видела? - засмеялся я. - Мырма, ты, наверное, даже в Зоопарке ни разу не была!

- Хам! - закричала старушка. Солдаты заржали, поезд остановился. Если бы пришлось перед боем что-то говорить своим солдатам, я вряд ли сумел найти лучшие слова для поднятия их настроения.

От выхода до развалин было не более пятисот метров, но все это пространство было плотно забито. Горбатые панцеры, тягачи с ажурными фермами ракетных установок, грузовики, штурмовики, полевые кухни и санчасти. Суетливо мельтешащие среди серо-зеленых стальных монстров серо-зеленые люди с оружием. Мы вышли из-под земли и еще пару минут разглядывали излишне милитаризированный муравейник, прежде чем нас заметили.

Очаги растерянности возникали в толпе красных то тут, то там, пока вся эта армия не замерла с открытыми ртами. Тогда я подрегулировал микрофоны в шлеме и сказал так, что голос долетел даже до обгоревших развалин банка:

- Вы что? Решили их пересмотреть? Идите и убейте их. Будем потом смотреть на их трупы!

- Огонь! – запоздало выкрикнул какой-то красный командир, и площадь взорвалась. Огненные вихри пронесли по беззащитным грузовикам, кухням и фургончикам медслужб. Беспольные при большой скученности и суматохе танцы крутили башнями и изредка стреляли, разрушая титанические здания нависающие над улицами. Тогда вздымались облака пыли, и оседающий небоскреб заваливал и моих солдат и комм.

Шквал гудящих пуль, словно брызги разлетелся рикошетами от брони танцев и моих солдат. Ни что, ни единое живое существо не имело шансов выжить в этом безумстве. Ряд за рядом, отряд за отрядом из подземелий метрополитена выходили все новые и новые солдаты, отесняя красных к середине площади. Это уже не походило на бой, это было настоящее аутодафе. Последняя вспышка перед угасанием демократии, яростный предсмертный вопль умирающего мира.

Визжали пытающиеся взлететь штурмовики, но даже вой турбин заглушали вопли и стоны погибающих оккупантов. Излучатели моих бойцов не давали ни единого шанса. Лопающиеся, как орехи головы, фонтанирующие кровью обнаженные внутренности, оторванные конечности. Вопли ужаса, агония и ругань наполнили эфир, и мне пришлось отключить коммуникатор.

- Может быть, предложить им сдаться? – потрясенно выговорил один из стоящих рядом со мной, в арьергарде, солдат.

- Им сейчас не до того, – похлопал я его по плечу. – Они умирают, а это отвлекает от переговоров. Пошли...

Сотня специально отобранных солдат личной охраны выстроились в таран и, словно корабль в бурном море смерти, пошли к чернеющим выжженными окнами развалинам банка. Я, как капитан корабля, вместе с помощниками, Элсодом и Желссоном, шел в центре.

Не доходя каких-то полусотни метров до цели похода, я разглядел Игоря среди жалкой кучки защитников банка. Он, весь изодраный, в крови и с перевязанной левой рукой, вопил, прыгал и стрелял в пробегающих мимо красных из огромного пистолета.

- Не поранься! – закричал я ему, и он приложил руку с оружием к бровям, изображая впередсмотрящего.

- Хо-хо! Берти! – воскликнул Игорь, стоило отряду подойти ближе, так, чтобы он смог меня разглядеть. – Смотри! Он, как дикий мустанг!..

Щуплый банкир снова принялся стрелять по мечущимся в панике комм.

- ... Смотри, я обуздал этого бешеного зверя! – вопил коротышка, пуская пулю за пулей. – Ах, какая это сила!

Ошметки мозгов из разорванной пулями головы оккупанта медленно стекали вниз по стене, вызывая новый приступ восторга.

- Это просто СИЛА в чистом виде! Мощь, воплощенная в металле!

Стоящего недалеко от нас с банкиром солдата вдруг вырвало. Меня весьма позабавили его попытки нагнуться в танкообразной одежде и извергать съеденную накануне пищу не внутрь своего облачения, а наружу.

- У твоих солдат слабые желудки, – засмеялся Игорь. – А вот по мне, так это просто здорово!

Отпуская шуточку, банкир продолжал выпускать злые пули, почти не целясь, в толпу врагов.

- Сначала я тоже чувствовал себя не очень-то...

- Сознайся, ты уделал все коридоры моего банка! - пришла и моя очередь шутить. И по смущению на лице Игоря, понял, что попал в самую точку.

- Да ладно! - улыбнулся я. - Не нервничай. С каждым бывает...

- С тобой-то этого не было, - завистливо выговорил Танкелевич. - Я сам опрашивал свидетелей... И ту черную бабу и копа из Луанды... Ты-то просто пристрелил доктора и уехал пить водку...

- Ну, так это же я, - самодовольно заметил я. - ... А это ты!

Я ткнул бронированным перстом в грязную грудь банкира. Он пригорюнился было, но тут же отошел. Попросту мимо пробежал очередной азиат-комми и коротышка не мог себе позволить упустить такую хорошую мишень. Парнишка, откуда-нибудь с отрогов Гималаев, пробежал еще не больше пяти шагов, а потом его спина расцвела алыми цветами, и он рухнул.

- Вот так-то! - удовлетворенно кивнул Игор.

- Командор, - простонал солдат со слабым желудком. - Предложите красным сдаться!.. О-о-о, я больше не могу...

Он мне солгал. Он мог еще. И в подтверждение этому его потряс новый приступ рвоты.

- Ну что опять? - нахмурился я.

- Там, там, - выдохнул несчастный и дрожащей рукой указал куда-то в переулок. Ожидая увидеть опять какую-нибудь мелочь, от которых падают в обморок школьницы, обернулся и увидел теряющуюся в городском смоге улицу. А на каждой решетке балкона, на каждой перекладине поддерживающей пешеходные уровни, на фонарных столбах, покачиваясь, висели люди.

- Полицейские... пожарные... чиновники.., - негромко сказал Танкелевич. - Комми не теряли времени даром... Они развлекаются таким образом. Это у них называется - социальная справедливость.

- Бросил бы пару кусков золота им для забавы, - коварно укорил я банкира. - Посмотрел бы на уровень их идейности.

- Еще чего! - взорвался Игор. - Золото!

- Ты, кстати успел его погрузить? - как бы невзначай напомнил я приятелю о делах. Что-то говорило мне, что безнаказанное убийство краснопузых гадов долго не продлится.

- Конечно, - поморщился тот. - Если не комми, мы сейчас были бы уже на полпути к Новой Океании... Но тогда пропустили бы веселье.

Последние слова коротышки растворились в апокалиптическом грохоте очередного разрушающегося небоскреба. Здание оседало, погребая под обломками сотни людей и бесчисленное количество техники.

- Чего мы пропустили бы? - пришлось уточнить мне, когда пыль осела и перестрелка возобновилась.

- Веселье, - неуверенно повторил Танкелевич и, как мне показалось, тревожно посмотрел на небо. - Давай-ка отсюда выбираться. Что-то это шоу затянулось.

- Золото в челноках? - еще раз переспросил я.

- Да, там. У нас есть поддержка с воздуха? - Игор был не на шутку встревожен, а я не мог понять, с чем же это связано.

- Сейчас организуем, - попробовал успокоить я приятеля, - если это для тебя так важно...

- Важно?! - неожиданно заорал прямо в лицо коротышка. - Для меня важно?! Да, это важно! Черт бы побрал эту войну!

- Успокойся, потребовал я и приказал одному из солдат связаться с оставленными на другом конце города челноками, чтобы они обеспечили нам прикрытие. А потом, уже сам, вызвал командира эскадры боевых звездолетов Содружества и потребовал того же.

- Выбирайтесь сами, - донеслось до моих ушей сквозь адские завывания помех заявление военного. - Президент Штайн отдал приказ не вмешиваться в ваши дела, чтобы не происходило. Даже если вы решите снести Нью-Йорк с лица Земли... Только я этого делать не советую! В этом городе у меня полно друзей осталось...

- Кретин! - заорал я на звездолетчика и прервал связь. - Уходим, скоро здесь станет жарко.

Из-под груды обломков зданий с помощью техники красных выкопали четыре груженных золотом челнока и грузовой корабль с архивом банка. Тем временем прибыли пассажирские катера. По большому счету, дело было сделано и можно было грузиться.

Едва шасси наших судов оторвались от грешной Земли, едва каким-то чудом сумевшие остаться в живых красные повылазали из щелей, как над опаленным войной районом появились истерично визжащие, оскаленные кровавого цвета звездами, штурмовики.

Испуганный пилот челнока немного переборщил с балансом мощности и судно чрезмерно быстро, свечей, рванулось в низкое серое небо. Гравикомпенсаторы закудахтали от натуги, и перегрузка вмяла в спиновую броню костюма. Щеки прилипли к ушам, и я не мог выговорить ни слова. А пилоты остальных машин нашей эскадры тут же последовали этому примеру.

Красные повели себя не менее идиотски. Вместо того, чтобы попробовать сбить наши едва - едва взлетающие корабли, штурмовики принялись сбрасывать вниз, на головы своих же солдат, термитные бомбы.

- «Победить или умереть» они понимают буквально, - пошутил потом Игор. А тогда, я смотрел, как беззвучно вопят от ужаса сгорающие в пламени жарче адского сухощавые азиаты с красными звездочками на фуражках. Я хотел засмеяться над их глупыми, набитыми какими-то идиотскими идеями, головами, в которых, быть может, лишь за один миг до смерти появлялось понимание всей абсурдности их устремлений. Я хотел засмеяться над крушением их идеалов, но перегрузка стянула кожу и я смог только тихонько пыхтеть носом.

- А где, твою мать, Элсод, еще один челнок? - ехидно, словно красавчик должен был этот самый корабль постоянно носить в кармане, поинтересовался я.

- Сбили, - тихонько выговорил тот и смущенно опустил глаза. Это выглядело настолько забавно, что я не смог удержаться от смеха.

- Там не было золота, - облегченно выдохнул он, поняв, что я не сержусь. - Это был пассажирский корабль. Только сто сорок семь солдат...

- У нас есть теперь свободные места, - просто сказал старший пилот Перелини, помогая мне выбраться из бронекостюма. - Можно продать билеты... На Океанию много желающих...

- Нам нужно пополнить запасы на Марсе, - сообщил я пилоту новость, которую ему можно было знать. - Там же нас ждет новая модель центрального мозга и гиперпилот. Там и продадим билеты.

- О`Кей, командор, - покладисто согласился макаронник и, словно это была какая-то незначительная новость, обронил:

- Буллиальд выходил на связь. Профессор Хон там опять устроил бунт и хотел вам что-то показать.

Я так это и воспринял, как что-то незначительное. Мой звездолет висел на высокой орбите Земли полностью готовый к полету в новый мир. Все золото, весь архив, большинство финансовых специалистов с семьями, большая - лучшая часть моей армии заполняли обширные помещения «Капитаньи». Уходя из Буллиальда, я оставил там лишь несколько сотен наемников отказавшихся идти на Новую Океанию. Эти люди должны были дожидаться официальных лиц из столиц Темной Стороны Луны, а потом, передав кратер правительству, разойтись на все четыре стороны. Так что у меня не было причин беспокоиться о Буллиальде и его населении. Гораздо более важным было правильное и быстрое размещение миллионов маленьких брусочков драгоценного металла в специальных каютах - сейфах. Потом наступила очередь размещения чиновников и командос на уровнях оборудованных криогенными камерами. Мы не собирались все несколько лет полета бестолково, изнывая от скуки, болтаться по звездолету.

Я снова вспомнил о профессоре Хоне только когда на «Капитаньи» наступила тишина. Не спали только я, мои лейтенанты, персонал корабля и Арт Ронич.

- Командир, - в обычной своей манере, словно даже Апокалипсис был бы для него чем-то вроде легкого сквозняка, обратился Пирелини. - Снова вызывает Буллиальд. Этот псих, Хон, грозит торпедировать крейсер в случае, если вы откажетесь с ним говорить.

- Уже иду, - не менее спокойно отозвался я. Впрочем, не слишком торопился. Сразу же пойти в командную рубку, дабы выслушать пожелания на дорогу от какого-то там лауреата древней и ничего не значащей Нобелевской премии я не мог. Мне сначала нужно было смыть с тела пену, которой покрывался в тщетной попытке отмыть земную грязь. Потом высушить волосы, и лишь десять минут спустя был готов взглянуть на чокнутого профессора.

- Здравствуйте, мистер Ким Са Хон, - вежливо поздоровался я и улыбнулся. Зараженный моей любезностью лунянин тоже было начал растягивать тонкие, обкусанные губы в некое подобие улыбки, но вдруг совершенно по звериному оскалился.

- Де Кастро! - прорычал он. - Молись, если ты еще во что-то веришь! Мы на Свободе!

- Поздравляю, - саркастично ввернул я, но Хон, похоже, слишком долго молчал и теперь решил наговориться от души.

- Смотри, сволочь... - сканер связи там, на Луне, плавно отъехал в сторону. - Что мы сделали с твоими шакалами.

Он хотел меня удивить, этот маленький безумный человечешко. Что ж, это уму удалось. Направляемый заботливой рукой Хона, сканер выхватывал все новые и новые картинки последствий звериной ярости вырвавшихся из клеток животных. Профессор специально тщательно придерживал принимающий объектив прибора, регулировал четкость изображения, чтоб я мог разглядеть во всех подробностях залитые кровью помещения жилой зоны кратера. На свое горе оставшиеся на Луне наемники, превратились в кровавые ошметки. Куски конечностей валялись в самых неожиданных местах. Пиршество львиного прайда выглядит более опрятно.

Хон, бормоча что-то, комментируя ускользящими от моего сознания словами, перенес прибор в другой отсек. Там попадались уже и целые тела. Но, Господи, что эти животные сделали с несчастными солдатами. Люди убитые стальным штырем через анальное отверстие, люди без пальцев, с обрезанными ушами и лишённые глаз. Люди, в горло которым влили концентрированную кислоту, люди с обнаженным мозгом... Комнаты, наполненные тенями ужаса и смерти...

- ... И они даже не сопротивлялись... - проник в мозг торжествующий голос лунного маньяка.

Наконец, захлебывающийся восторгом профессор-мясник решил продемонстрировать апофеоз своего варварства. Сканер вплыл в небольшую комнату, где, прикованный за руки и ноги к стене, содержался еще живой человек. Человек! Но как совершенно по-звериному он стонал...

Его кожа осталась на месте. Ни кто не вырывал ему ногти и не прижигал раскаленным железом. Кислота тоже была тут не причем. Просто полуголая, вся измазанная запекшейся кровью и нечистотами, с дикими, горящими яростью глазами, хохоча, замыкала проводки на клеммах аккумулятора. В мозг несчастного, через глазницы были введены электроды. Безумная включала ток, и бедняга вновь принимался визжать от боли...

- Очень изобретательно, - сквозь зубы процедил я. - Жаль, я не догадался проделать это с тобой, профессор.

Лицо азиата, вновь появившееся в кадре, заслонило картину мучений беззащитного человека, и я перевел дух.

- Тебе понравилось, де Кастро? - взвыл Хон. - Вот что ожидало и тебя, если бы ты не сбежал так трусливо...

- Кстати, Хон, - я был не в силах на него смотреть, но должен был с ним разговаривать. Было кое-что еще, о чем осатаневший раб и не догадывался. - Куда подевался твой гуманизм? Твое человеколюбие?

- В мире, где живут такие, как ты, командор, - почти бессвязно, словно давным-давно заученную оправдательную речь, сияя глазами и, кривляясь, выговорил азиат. - Гуманизм - это Смерть!

- Что здесь происходит? - бодро спросил Ронич, входя в рубку. Я отметил про себя его присутствие, но отвлекаться от разговора не посмел. Мы как раз проходили сектор наименее вероятнейшего попадания при обстреле ракетами из Буллиальда и я надеялся, заговорив зубы, проскочить опасный участок. Оставалось совсем немного. Через сто секунд мы должны были войти в «мертвую» для ракет обезумевшего кратера зону.

- Почему же вы не поступили гуманно и с самими собой?
- Око за око! - взвизгнул Хон. - Мы не Иисусы и не намерены подставлять другую щеку...
- Профессор Ким Са Хон, автор технологии использования в промышленных целях глубинного лунного вулканизма? - глядя на искаженное гримасами лицо лунянина, неуверенно выговорил Ронич.
- Крейсер Содружества готов поразить цель, - буднично, будто речь шла о детской забаве, доложил старший пилот. Оставалось каких-то десятков секунд...
- Хон. Я преклоняюсь перед вашим гением, - язвительно воскликнул я. - Гуманизм - это Смерть!.. Передайте на крейсер, что время пришло!

Луна поворачивалась под плоским брюхом «Капитаньи». Я не увидел, как маленькие, сияющие солнцами шары плазмы, достигнув тонкого атмосферного щита кратера, испарили последнюю преграду между упорядоченным миром людей и хаосом Космоса. Только недолгая вспышка выгорающего кислорода подсказала, что Буллиальд снова стал вотчиной холодного спутника, безжизненной дырой в теле каменного спутника.

- Гуманизм - это Смерть! - крикнул я, глядя в вылезавшие от падающего давления глаза Хона. - Смерть - это так по-человечески! Вперед! В Космос! К новой жизни! И пусть будет проклят этот гниющий мир, где жизнь - это смерть! Я плюю на тебя! Я рад, что больше никогда тебя не увижу! Я знаю, что такое Ад! Ад - это Земля, населенная людьми! Вперед!!!